

Русская Быль.

Выпускъ десятый

серія 1-ая.

Іоаннъ Антоновичъ

и

Мировичъ

Бильбасова.

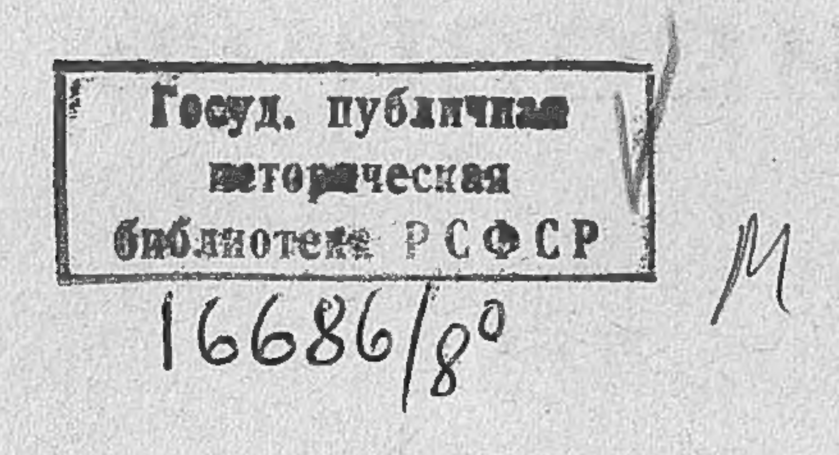

Москва 1908.

Изданіе Московскаго Книгоиздательскаго Т-ва

ОБРАЗОВАНІЕ.

МОСКВА.
Типо-литографія Русскаго Товарищества печатнаго и издательскаго дѣла.
Чистые пруды, Мыльниковъ пер., соб. д. Телеф. № 18-35 и 53-95.
1908.

I.

Екатерина II вступила на престолъ въ тяжелое для Россіи время. Императрица вполнѣ сознавала трудное положеніе имперіи и сама изобразила его въ живыхъ, яркихъ краскахъ.

«При вступленіи моемъ на престолъ—писала Екатерина—я нашла имперію въ слѣдующемъ состояніи: обременительная война съ Пруссіей была окончена миромъ, которымъ Россія не пріобрѣла себѣ никакой выгоды, кромѣ спокойствія. 28 іюня 1762 года армія была еще заграницею и не получала восьмой мѣсяцъ жалованья. Флотъ былъ въ упущеніи, армія въ разстройкѣ, крѣпости разваливались. На штатсъ-конторѣ было семнадцать мильойновъ долгу. Недовѣріе къ казнѣ было полное. Ни единый человѣкъ въ государствѣ, не то, чтобъ зналъ сколько казнѣ было доходовъ, ниже не вѣдалъ званій доходовъ разныхъ. Государственный бюджетъ не былъ точно установленъ. Всѣ почти вѣтви коммерціи были отданы частнымъ людямъ на откупъ. Около двухъ сотъ тысячъ крестьянъ горнозаводскихъ и монастырскихъ находились въ открытомъ бунтѣ; помѣщичьи крестьяне во многихъ мѣстахъ отказывали господамъ своимъ въ повиновеніи и въ уплатѣ повинностей. Правосудіе продавалось съ молотка. Жестокія пытки и наказанія за бездѣлицу, какъ за тяжкое преступленіе, ожесточали умы. Повсюду народъ приносилъ жалобы на лихоимство, взятки, притѣсненія и неправосудіе. Политическія же обстоятельства были таковы, что сверхъ сего еще мы ожидали пришествія татаръ на Украйну къ масляницѣ».

Набросанная въ общихъ чертахъ, широкими штрихами, картина эта довольно вѣрна, но не совсѣмъ полна—въ ней опущено самое главное, наиболѣе существенное. Политическій горизонтъ, дѣйствительно, заволакивали тучи, но не татаръ, которые, къ тому же, не пришли на Украйну ни къ

масленицѣ, ни позже. Татаръ Россія знала издавна, и не разъ била—не страшны ей татары. Другое обстоятельство, болѣе важное и на Руси еще не бывалое, поселяло смуту въ умахъ и шатаніе въ мысляхъ русскихъ людей: случалось Россіи оставаться безъ государя, но никогда еще не бывало, чтобъ на русской землѣ находились одновременно три русскіе государя. Когда Екатерина была провозглашена императрицей, въ то время были живы и здравствовали еще два императора, два представителя самодержавной власти—она оказывалась уже третьею: былъ живъ еще Петръ III Өеодоровичъ, вчерашній императоръ, здравствовалъ и Иванъ III Антоновичъ, въ пеленкахъ вѣнчанный на царство. Правда, Петръ содержался въ Ропшѣ, Иванъ въ Шлюссельбургѣ, одна Екатерина была свободна, одна она жила въ столицѣ; но все же она была третьею въ счетѣ лицъ, которыя были признаны императорами, которымъ присягали, имена которыхъ поминались на ектеніяхъ, чеканились на монетахъ. Откуда же такое изобиліе самодержцевъ, что оно означаетъ, что сулитъ народу? Живьемъ вставалъ въ памяти русскихъ людей простой, но сильный укоръ Ксеніи Ивановны, находившей, что всѣ «измалодушествовались—давъ свои души прежднимъ государямъ, не прямо служили». Послужатъ ли теперь «прямо»—вотъ что тревожило Екатерину. Правда, Петербургъ восторженно привѣтствовалъ новую императрицу, но Петербургъ, вѣдь, не Россія; къ тому же Петербургъ также привѣтствовалъ и Ивана Антоновичаи Петра Өеодоровича. Нѣтъ, не о татарахъ думала Екатерина въ день восшествія своего на престолъ и не объ Украйнѣ безпокоилась она.

28-го же іюня было рѣшено заточить Петра III въ Шлюссельбургъ. Въ сутолокѣ переворота не сообразили, что Шлюссельбургъ, въ которомъ уже содержался Иванъ Антоновичъ, станетъ, такимъ образомъ, какъ бы складочнымъ мѣстомъ претендентовъ на престолъ, какимъ-то депо бывшихъ императоровъ. Только уже на другой день, 29-го іюня, догадались: указомъ изъ Петергофа велѣно «безъимяннаго колодника» увезти въ Кексгольмъ [1]).

[1]) *Государств. Архивъ*, VI, 350; Приложеніе I, 2.

Безъимяннымъ колодникомъ былъ Иванъ Антоновичъ. Ему шелъ уже 22-ой годъ. Онъ не зналъ куда его везутъ, какъ не зналъ откуда его привезли и гдѣ онъ находится. Двѣнадцать лѣтъ, съ 1744 г. по 1756 годъ, провелъ онъ въ Холмогорахъ, не зная, что содержится въ одной оградѣ съ родною брауншвейгскою семьей, въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ отца. Въ 1756 году, сержантъ лейбъ-компаніи Савинъ, тайно, въ глухую ночь, вывезъ Ивана III изъ Холмогоръ, имѣя предписаніе доставить его секретнымъ образомъ въ Шлюссельбургъ, а полковнику Вындомскому, главному приставу при брауншвейгской семьѣ, данъ былъ указъ: «оставшихся арестантовъ содержать по прежнему, еще и строже и съ прибавкою караула, чтобы не подать вида о вызовѣ арестанта, о чемъ накрѣпко подтвердить командѣ вашей, кто будетъ знать о вывозѣ арестанта, чтобы никому не сказывалъ; въ кабинетъ нашъ и по отправленіи арестанта репортовать, что онъ подъ вашимъ карауломъ находится, какъ и прежде репортовали» [1]).

Этими ложными рапортами хотѣли замести слѣдъ за Иваномъ III, чтобъ никто въ Россіи не зналъ, гдѣ, собственно, обрѣтается развѣнчанный императоръ. Въ Раненбургъ отпускаютъ вино и пиво для арестантовъ, находящихся въ Холмогорахъ; изъ Холмогоръ рапортуютъ объ арестантѣ, содержащимся въ Шлюссельбургѣ. Эта наивная уловка не вела ни къ чему, и тѣ, кому нужно было, хорошо знали, гдѣ содержится Иванъ Антоновичъ. Даже дочь посадскаго Авдотья Михайловна Кирова, закупавшая въ Архангельской губерніи провизію для высочайшаго двора, знала, что «принцъ Іоаннъ» увезенъ изъ Холмогоръ: ей сообщилъ объ этомъ одинъ изъ офицеровъ секретной комиссіи, случайно встрѣ-

---

[1]) *Государств. Архивъ*, VI, 350, ч. 3-я. Въ Архивѣ Сената хранится дѣло «Объ отпускѣ вина въ секретную комиссію въ Раненбургъ»: брауншвейгская семья давно уже была въ Холмогорахъ, а вино и пиво все отпускалось въ Раненбургъ. Съ 1744 по 1760 годъ въ раненбургскую секретную комиссію отпущено: 417 ведеръ двойного вина, 70 ведеръ простого, 8,992 ведра пива и 654 ведра полпива. Кто уничтожалъ эту водку и пиво изъ дѣла не видно. Вино и пиво отпускалось по ордеру за рукою лейбъ-гвардіи коннаго полка майора Корфа, отъ 6 января 1746 года: «ежели потребны будутъ во аранибургскую крепость какія питія, то отпускать безъ задержанія». *Архивъ Сената*, Секретн. дѣла, № 1297, л. 3 и 5.

тившій Кирову на постояломъ дворѣ близъ Холмогоръ. Кирова разболтала эту новость на всемъ пути изъ Архангельска въ Петербургъ, и въ Петербургѣ была арестована. Ее допрашивалъ «тайныхъ дѣлъ мастеръ», гр. А. И. Шуваловъ, завѣдывавшій секретною комиссіею. Авдотья Кирова показала, между прочимъ, что «безвѣстные арестанты наги, босы і голодны, а потолки въ покояхъ ветхи и чтобъ техъ арестантовъ не задавило»; главный ихъ приставъ, полковникъ Вындомскій, «завсегда пьянствуетъ і чинитъ великия непорядки» [1]).

Въ Шлюссельбургѣ Иванъ Антоновичъ былъ порученъ гвардіи капитану Шубину. Въ инструкціи, данной Шубину гр. А. Шуваловымъ, предписывалось, между прочимъ: «Въ которомъ мѣстѣ арестантъ содержится, и далеко ли отъ Петербурга или отъ Москвы, арестанту не сказывать, чтобъ не зналъ. Вамъ и командѣ вашей, кто допущенъ будетъ арестанта видѣть, отнюдь никому не сказывать, каковъ арестантъ, старъ или молодъ, русскій или иностранецъ, о чемъ подтвердить подъ смертною казнію коли кто скажетъ». Ни Иванъ III никого, ни Ивана III никто никогда не видѣлъ: «Быть у онаго арестанта вамъ самому и ингерманландскаго пѣхотнаго полка прапорщику Власьеву, а когда за нужное найдете, то быть и сержанту Лукѣ Чекину, въ той казармѣ дозволяется, а кромѣ-жъ васъ и прапорщика въ ту казарму никому ни для чего не входить, чтобъ арестанта видѣть никто не могъ, такожъ арестанта изъ казармы не выпускать; когда же для убиранія въ казармѣ всякой нечистоты кто впущенъ будетъ, тогда арестанту быть за ширмами, чтобы его видѣть не могли» [2]). Въ 1757 году, Шубинъ заболѣлъ; его мѣсто занялъ преображенскаго полка поручикъ Михаилъ Овцынъ. Шуваловъ писалъ Овцыну: «Въ инструкціи вашей упоминается, чтобъ въ крѣпость, хотябъ генералъ пріѣхалъ, не впускать; еще вамъ присовокупляется, хотябъ и фельдмаршалъ и подобный имъ, никого не впущать и комнаты его императорскаго высочества ве-

---

[1]) Изъ допроса, прозведеннаго 23 марта 1756 г. Дѣло «о дѣвке Авдотье Кировой» въ *Государств. Архивѣ* VI, 347.

[2]) *Государств. Архивъ*, VI, 350, ч. 3.

ликаго князя Петра Өеодоровича камердинера Карновича въ крѣпость не пускать и объявить ему, что безъ указа Тайной Канцеляріи пускать не велѣно» [1]).

Такъ провелъ Иванъ Антоновичъ двѣнадцать лѣтъ въ Холмогорахъ и шесть въ Шлюссельбургѣ, во все же время Елизаветы Петровны—ужасныя восемнадцать лѣтъ одиночнаго заключенія. Онъ испытывалъ на себѣ полностью всю грубость правовъ того вѣка, особенно въ лицахъ, рѣшавшихся быть досмотрщиками и тюремщиками. Онъ бывалъ «нагъ, босъ и голоденъ», терпѣлъ отъ пьяныхъ приставовъ, «чинившихъ непорядки»; но всѣ эти ужасы были, по крайней мѣрѣ, противны инструкціи, являлись злоупотребленіемъ, слѣдовательно, скрывались, утаивались и, поэтому уже, не могли быть часты. Съ воцареніемъ грубаго и безжалостнаго Петра III эти ужасы узаконивались до извѣстной степени. Тотъ же гр. А. И. Шуваловъ вставилъ теперь въ инструкцію кн. Чурмантѣеву, смѣнившему Овцына, слѣдующій пунктъ: «Если арестантъ станетъ чинить какіе непорядки или вамъ противности или же что станетъ говорить непристойное, то сажать тогда на цѣпь доколѣ онъ усмирится, а буде и того не послушаетъ, то бить по вашему разсмотрѣнію палкою и плетью» [2]). Едва вступивъ на престолъ, Петръ III, указомъ отъ 1-го января 1762 года, добавлялъ, съ своей стороны, инструкцію гр. Шувалова: «Буде сверхъ нашего чаянія ктобъ отважился арестанта у васъ отнять, въ такомъ случаѣ противиться сколько можно и арестанта живаго въ руки не отдавать» [3]). По счастію для Ивана Антоновича, Петръ III царствовалъ всего шесть мѣсяцевъ и все это полугодіе, судя по рапортамъ изъ Шлюссельбурга, отъ секретной комиссіи, никто не покушался «отнять» арестан-

---

[1]) *Государств. Архивъ.* I. с.

[2]) *Государств. Архивъ,* VI, 350, ч. 3.

[3]) Указъ лейбъ-гвардіи преображенскаго полка князю Чурмантѣеву, которому былъ порученъ въ это время «безъимянный колодникъ». *Въ Государств. Архивъ,* VI, 350, ч. 4. Объяснить это, не говоримъ оправдывать, тѣмъ, что Фридрихъ II указывалъ Петру III соперника въ лицѣ Ивана Антоновича—нельзя: до 1-го января 1762 года, Петръ III не получилъ еще ни одного письма отъ прусскаго короля, и первое его упоминаніе объ Иванѣ Антоновичѣ было не ранѣе марта 1762 года.

та и не было надобности прибѣгать къ цѣпямъ, палкамъ и плетямъ.

На другой же день по воцареніи Екатерины, генералъ-майоръ Савинъ, замѣнившій кн. Чурмантѣева, получилъ изъ Петергофа, отъ 29-го іюня, слѣдующій указъ: «Вскорѣ по полученіи сего имѣете ежели можно того же дня, а по крайней мѣрѣ на другой день безимяннаго колодника, содержащагося въ Шлюссельбургской крѣпости подъ вашимъ смотрѣніемъ, вывезти сами изъ оной въ Кексъгольмъ» [1]). Указъ былъ исполненъ въ точности и судя по всеподданнѣйшему рапорту Никиты Савина, слѣдующимъ образомъ:

30-го іюня, въ 12-мъ часу ночи, Савинъ съ колодникомъ, квартирмейстеромъ и восемью солдатами отправился, на одномъ рябикѣ съ крышкою и двухъ щерботахъ, чрезъ Ладожское озеро въ Кексгольмъ, «токмо тояжъ ночи отъѣхавъ не болѣе семи верстъ въ озерѣ здѣлалась великая погода», и Савинъ потребовалъ отъ шлюссельбургскаго коменданта, Бередникова, еще трехъ солдатъ. На другой день, 1-го іюля, въ 5 часовъ дня, «учинился превеликой штурмъ зъ дождемъ больше перваго, отчего рябикъ на каменья разбило такъ, что пополудни въ 10-мъ часу чрезъ великую силу приплыли къ берегу сажень на шесть вынуждены выходить въ воду и *у колодника завязавъ голову* на рукахъ на берегъ вынести и шедъ пѣшкомъ до деревни Морья версты съ четыре такъ, что никто колодника видѣть не могъ». Все это случилось въ 30-ти верстахъ отъ Шлюссельбурга. Оба щербота разбиты; рябикъ «совсѣмъ негоденъ». Три дня чинили суда, но безуспѣшно, и 4-го іюля Савинъ извѣстилъ Бередникова, чтобъ «немедля прислалъ доншкоутъ или галиотъ или другіе какіе безъопасные суда». Бередниковъ прислалъ 7-го іюля «вольной галиотъ», на которомъ, въ 10-мъ часу вечера, отправились въ озеро, а на другой день, 8-го іюля, въ 1-мъ часу ночи, «недоѣхавъ до устья Воксы учинилась жестокая противная погода, по которой не можно было ни лавировать, ни буксировать, гдѣ простояли на якорѣ до другова дня и въ 8-мъ часу пополудни начали буксировать». 10-го іюля, въ 7 часовъ утра, прибыли въ

---

[1]) *Государствен. Архивъ*, VI, 350, с. 4; Приложенія 1, 2.

Кексгольмъ. Савинъ и кексгольмскій комендантъ Шне искали «по всему городу» помѣщеніе для Ивана Антоновича и нашли «домъ близь комендантскаго двора, которой очистя, колодника во оной въ закрытой коляскѣ и *завязавъ ему лицо* привезли». Савинъ распорядился домъ «заборами забирать», учредилъ посты, далъ наставленіе премьеръ-маіору Андрею Жихареву и капитанамъ Ивану Уварову и Льву Батюшкову, предложилъ коменданту Шне оказывать вспоможеніе секретной комиссіи, наказалъ «все въ секретѣ держать» [1]) и 11-го іюля отправился въ Петербургъ.

Въ Петербургѣ, между тѣмъ, произошли большія перемѣны—6-го іюля не стало Петра III; 10-го іюля генералъ-маіору Савину былъ посланъ новый указъ: «Вывезеннаго вами безъимяннаго арестанта изъ Шлюссельбурга паки имѣете отвезти на старое мѣсто въ Шлюссельбургъ» [2]). Исполненіемъ этого указа уже не торопились: только 6-го августа Савинъ выѣхалъ въ Кексгольмъ и, какъ сказано въ его рапортѣ Н. И. Панину, которому была поручена теперь секретная комиссія, «14 августа, въ 4 часа утра привезенъ безъимянный арестантъ въ Мурзинку и бывъ во всегдашнемъ ожиданіи прибытія Вашего Высокопревосходительства не репортовано». Только 23-го августа Иванъ Антоновичъ вновь былъ заключенъ въ Шлюссельбургскую крѣпость.

Въ одинъ изъ такихъ девяти дней, отъ 14 по 23 августа, неизвѣстно въ какой, Екатерина видѣла Ивана Антоновича и разговаривала съ нимъ [3]). Впечатлѣнія, вынесенныя изъ этого свиданія, императрица повѣдала міру, къ сожалѣнію, въ такое время и при такой обстановкѣ, которыя способны умалить въ значительной степени ихъ достовѣрность. Въ манифестѣ отъ 17 августа 1764 года, обнародованномъ по слу-

---

[1]) Всеподданнѣйшій рапортъ г.-м. Савина въ *Государствен. Архивѣ*, VI, 350, ч. 3; *Büsching*, VI, 532; *Castéra*, I, 311; *Helbig*, *Biographie*, II, 79. Укоры г. *Брюкнера*, будто Кастера полагаетъ, что Кегсгольмъ ближе къ Петербургу, чѣмъ Шлюссельбургъ, объясняются дурнымъ нѣмецкимъ переводомъ, которымъ пользовался г. Брюкнеръ: у Кастера вѣрно сказано: *la forteresse Kexholm, beaucoup plus eloignée.*

[2]) *Государственный Архивъ*, VI, 350, ч. 4-я; Приложенія 1,5.

[3]) Um eben diese Zeit war auch die Kayserin neugierig ihn zu sehen ich weiss aber weder wo sie ihn gesehen hat? noch was bey dieser Gelegenheit vorgefallen ist. *Büsching*, VI, 532.

чаю «учрежденія суда надъ бунтовщикомъ Мировичемъ», упоминая объ умерщвленіи самими тюремщиками «принца Іоанна», Екатерина говоритъ, между прочимъ: «Мы увидѣли въ немъ, кромѣ весьма ему тягостнаго и другимъ почти невразумительнаго косноязычества, лишеніе разума и смысла человѣческаго». Правда ли это?

Ивану III было уже 22 года, когда Екатерина увидѣла его. Это былъ юноша средняго роста, довольно слабаго сложенія, но здоровый, насколько можетъ быть здоровъ человѣкъ, всю жизнь проведшій въ заточеніи, лишенный воздуха, движенія [1]). Неудивительно, еслибъ при такихъ условіяхъ онъ былъ слабъ здоровьемъ, даже болѣзненъ; между тѣмъ, въ донесеніяхъ лицъ, приставленныхъ за надзоромъ за Иваномъ III, всегда встрѣчается стереотипная фраза «арестантъ здоровъ», и ни разу не упоминается ни о болѣзненныхъ явленіяхъ, ни о физическихъ какихъ-либо недостаткахъ. Только уже послѣ смерти Ивана Антоновича, его убійцы, капитанъ Власьевъ и поручикъ Чекинъ, показали, что онъ былъ косноязыченъ: «не токмо произношение словъ съ крайнѣйшею трудностію и столь невразумительно производилъ, что постороннимъ почти вовсе, а намъ, яко безотлучно при немъ находившимся, весьма трудно слово ево понять можно было; но еще для сего крайне невразумительнаго словопроизводства подбородокъ свой рукою поддерживалъ и къ верху привздымалъ потому принужденнымъ находился, что безъ того и произносимыхъ словъ хоть мало понятнымъ произвесть былъ не въ состояніи» [2]). Косноязы-

---

[1]) Er hatte eine sehr feine Haut, weil er beständig in dem Gefängniss eingeschlossen war und nicht an die freye Luft kam. Als der Bart bey ihm hervorkam, liess er denselben wachsen und machte viel daraus (Büsching, VI, 530). Il avoit une belle taille, une figure très intéressante, des cheveux superbes et la voix de la plus grande douceur (Castéra, I, 302; II, 79).

[2]) Все слѣдственное производство по дѣлу Мировича хранится въ *Государствен. Архивѣ*, VI, 400, въ четырехъ связкахъ, въ большомъ порядкѣ. Показанія Власьева и Чекина, данныя ими на допросѣ, произведенномъ генералъ-поручикомъ Веймарномъ, хранятся въ оригиналѣ и въ копіи, сдѣланной для доклада императрицѣ. Ни въ показаніяхъ Власьева (л. 187), ни въ показаніяхъ Чекина (л. 194) нѣтъ ни слова ни о косноязычіи, ни о безуміи Ивана Антоновича. Это объясняется, прежде всего, тѣмъ, что слѣдствіе производилось о бунтѣ Мировича, не объ умерщвленіи Ивана III.

чіе—недостатокъ выдающійся, замѣтный, особенно въ той степени, какъ онъ описанъ въ приведенномъ показаніи двухъ офицеровъ, въ теченіе восьми лѣтъ безотлучно находившихся при Иванѣ Антоновичѣ; при немъ, однако, находились и другія лица: Корфъ, Миллеръ, Шубинъ и Овцынъ, бывшіе въ частыхъ сношеніяхъ съ Иваномъ, не замѣчали въ немъ косноязычія. Даже въ мартѣ 1762 года; когда императоръ Петръ III посѣтилъ Ивана въ шлюссельбургскомъ казематѣ, ни Петръ и никто изъ сопровождавшихъ его лицъ—ни Корфъ, знавшій Ивана еще младенцемъ, ни Нарышкинъ, Унгернъ-Штеренбергъ и Волковъ—не замѣтили въ немъ этого недостатка [1]). Такъ какъ Власьеву и Чекину, да и самой Екатеринѣ, казалось бы, не было нужды клепать на убитаго, то оставалось бы предположить, что этотъ порокъ, если онъ дѣйствительно существовалъ, развился въ послѣдніе годы жизни Ивана, быть можетъ, внезапно, вслѣдствіе какого-либо испуга; но это предположеніе опровергается сохранившимися рапортами за 1762—1764 годы: рапорты посылались аккуратно каждыя двѣ недѣли и въ нихъ ни о чемъ подобномъ не упоминается.

Несравненно важнѣе и, по существу, интереснѣе вопросъ объ умственныхъ способностяхъ Ивана III. И въ этомъ случаѣ, офицеры Власьевъ и Чекинъ вполнѣ подтверждаютъ

Гансъ фонъ-Веймарнъ отнесся серьезно къ порученному ему слѣдствію; преступленіе Мировича разъяснено имъ образцово и все слѣдствіе ведено умѣлою рукою, безпристрастно, въ высшей степени порядочно. Съ внѣшней стороны, слѣдственное производство не оставляетъ ничего желать: каждая бумага, даже по самому ничтожному вопросу, перемѣчена, занумерована, подписана и скрѣплена. Изъ этого обширнаго дѣлопроизводства, составляющаго нѣсколько сотенъ листовъ, самимъ слѣдователемъ, Веймарномъ, составленъ для императрицы краткій „Экстрактъ" съ подробнымъ указаніемъ на страницы дѣлопроизводства (*Приложенія* VII, 6). Какъ на самомъ дѣлѣ, такъ и въ экстрактѣ нѣтъ ни одной бумаги о безуміи и косноязычіи Ивана Антоновича. Она явилась уже послѣ слѣдствія, произведеннаго Веймарномъ и въ формѣ, внушающей полное недовѣріе (см. ниже *Изслѣдованія*, III: „Аттестатъ безумія").

[1]) Генералъ-полицеймейстеръ баронъ Корфъ сообщилъ Бюшингу подробности о посѣщеніи Ивана III императоромъ, въ свитѣ котораго Корфъ находился, и Бюшингъ ни единымъ словомъ не упоминаетъ о косноязычіи. Büsching, VI, 571. Ich habe alle Umstände von dem Besuche aus dem Munde des Generals von Korff erfahren.

заявленіе императрицы. Спрошенные въ качествѣ свидѣтелей, они показали: «ни единаго, во время восьми лѣтъ, нами момента не примѣчено, въ коемъ бы онъ настоящимъ употребленіемъ разума пользовался».

Обстановка, при которой росъ и выросъ Иванъ Антоновичъ, не даетъ, конечно, права ожидать у него особенныхъ умственныхъ способностей. Какъ царство небесное, умственныя способности нудятся воспитаніемъ, образованіемъ, всѣмъ вліяніемъ той умственной атмосферы, среди которой человѣкъ растетъ. Что дала судьба въ этомъ отношеніи Ивану? Съ четырехлѣтняго возраста онъ былъ оторванъ отъ отца, отъ матери, отъ родныхъ и сданъ на руки тюремщикамъ; двадцать лѣтъ надъ нимъ производился опытъ перваго въ Россіи примѣненія безчеловѣчной системы одиночнаго заключенія. Онъ никого не видѣлъ, съ нимъ никто не разговаривалъ; на вопросы его запрещено было отвѣчать. Въ мартѣ 1762 года, когда Петръ III посѣтилъ узника въ Шлюссельбургѣ, двадцатидвухлѣтній Иванъ оказался неспособнымъ ясно мыслить и отчетливо говорить, былъ слабъ умомъ [1]. Это ни мало не удивительно и вполнѣ вѣроятно; но это не даетъ еще права заключать, что онъ былъ лишенъ «разума и смысла человѣческаго». Екатерина, видѣвшая Ивана Антоновича, быть можетъ, лишь нѣсколько минутъ,

---

[1]) Лейбъ-гвардіи преображенскаго полка капитанъ князь Чурмантѣевъ получилъ секретный указъ отъ 22 марта 1762 года: «къ колоднику имѣете тотчасъ допустить нашего генералъ-адъютанта барона Унгарна и съ нимъ капитана Овцына, а потомъ и всѣхъ тѣхъ, которыхъ помянутый баронъ Унгарнъ пропустить прикажетъ» (*Государственный Архивъ*, VI, 350, 4). Съ барономъ Унгернъ-Штернбергомъ въ Шлюссельбургскую крѣпость прибыли и Ивана Антоновича посѣтили: Петръ III, Корфъ, Нарышкинъ, вѣроятно, Мельгуновъ и Волковъ. Понятно, что свѣдѣнія объ Иванѣ III не могли уже сохраниться въ тайнѣ, и въ общество, по крайней мѣрѣ высшее, проникли впечатлѣнія, вынесенныя этими лицами изъ шлюссельбургскаго свиданія. Англійскій посланникъ *Кейтъ*, лицо близкое Петру III, въ депешѣ отъ 16 апрѣля, сообщилъ: «Императоръ видѣлъ Ивана III и нашелъ его взрослымъ мущиной, но въ состояніи слабоумнаго» (*Raumer* II, 509). Англичанинъ употребилъ выраженіе *imbecility*, а не *madness* даже не *folly*. Преемникъ Кейта, графъ *Букингэмъ* сообщилъ даже, будто Петръ III нашелъ, что разговоръ Ивана Антоновича былъ «не только разсудителенъ, но даже оживленъ» (*Сборникъ*, XII, 174). Этому противорѣчитъ, однако, показаніе Корфа: *der Prinz redete verwirrt* (*Büsching* VI, 531).

могла, конечно, ошибиться; Но Власьевъ, но Чекинъ, прожившіе съ нимъ въ одной казармѣ безотлучно восемь лѣтъ, наблюдавшіе его и по обязанностямъ службы, и по необходимости?

Показаніе Власьева и Чекина, двухъ офицеровъ, убившихъ Ивана и, слѣдовательно, свидѣтелей пристрастныхъ, высказано въ такой рѣшительной формѣ, которая не внушаетъ къ себѣ довѣрія: въ теченіе восьми лѣтъ ими не замѣчено «ни единаго момента», когда Иванъ не былъ бы сумасшедшимъ. Это само по себѣ уже невѣроятно и свидѣтельствуетъ объ ихъ неумѣніи наблюдать больныхъ подобнаго рода. Сохранились рапорты лицъ, наблюдавшихъ за Иваномъ одновременно съ ними и тоже въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ; эти рапорты даютъ возможность провѣрить показаніе Власьева и Чекина. Приводимъ подлинныя выписки изъ ряда донесеній Овцына [1]) относительно умственныхъ способностей Ивана Антоновича.

29 мая 1759. «Объ арестанте всегда вашему высокографскому сиятельству всепокорнейшими моими репортами доношу, что онъ здоровъ, а хотя въ немъ болезни никакой не видно, только въ уме несколько помешался, что его портятъ шептаніемъ, дутіемъ, пусканіемъ изо рта огня і дыма; кто въ постели лежа повернется іли ногу переложитъ, за то сердится, сказывая, что на него шепчутъ и темъ портятъ. Приходилъ расъ къ подпоручтику его бить и мнѣ говорилъ, чтобъ его унять и естьли не уйму, то онъ станетъ бить. Стану его разговаривать, и меня такимъ же еретикомъ называетъ».

17 іюня. «Вашему высокографскому сиятельству до-

[1]) *Государствен. Архивъ*, VI, 350, ч. 2-я Цѣлая связка рапортовъ гр. А. И. Шувалову и переписка Шувалова съ Овцынымъ и шлюссельбургскимъ комендантомъ Бередниковымъ. Бумаги Шувалова, адресованныя въ Шлюссельбургъ, сохранились очень хорошо; рапорты же изъ Шлюссельбурга, отъ Бередникова и Овцына, совершенно сгнили. Рапортъ капитана Михаила Овцына отъ 16 августа 1758 года читать уже нельзя—одни сгнившіе куски, при чемъ чернила выцвѣли; рапортъ его же отъ 3 октября того же года равнымъ образомъ нельзя прочесть. Другіе рапорты также сгнили и чтеніе ихъ крайне затруднительно. Вотъ почему нельзя ручаться за безусловно вѣрное чтеніе—многое приходится дополнять догадкою, по смыслу фразы и по связи словъ. Нѣкоторыя выдержки изъ этихъ рапортовъ напечатаны, *Соловьевъ*, XXII, 147; XXIV, 30; *Внутренній бытъ* русскаго государства, Москва 1880, 1,555.

ношу объ арестанте что онъ здоровъ, а въ поступкахъ также какъ і прежде не могу понять воистинну ль онъ въ уме помешался іли притворничествуетъ. Сего мѣсяца 10 числа осердился, что не далъ я ему ножницъ, кричалъ будто я съ нимъ говорю грубо, а подпорутчику, крича, говорилъ: Смеешь ли ты свинья со мной говорить? Во время обеда за столомъ всегда кривляетъ ротъ, головою і ложкою на меня также і на протчихъ взмахиваетъ, и многіе другія пpаказы дѣлаетъ. Опасаюсь, чтобы не согрѣшить ежели не донести, что онъ въ уме помешался, однакожъ весьма сомневаюсь, потому о протчемъ обо всемъ говоритъ порядочно».

4 іюля. «По приказу вашего высокографскаго сиятельства арестанта спрашивалъ, кто онъ и онъ назвалъ себя принцемъ. Я ему сказалъ, чтобъ онъ той пустоты о себѣ не думалъ и впредь того не вралъ. Видно что ноне гораздо болѣе прежняго помешался, и чтобъ отъ него не робеть въ томъ воздержаться не могу. На мои разговоры кричалъ: смѣешь ты на меня кричать — я здешней имперіи принцъ, я государь вашъ».

7 августа. «У арестанта кроме безумія болезни никакой не видно. О себѣ прежней пустоты ничево не вретъ, а въ поступкахъ таковъ же какъ і прежде вашему высокографскому сиятельству доносилъ: ежели при немъ стукну іли что другое ему невозлюбитца бранитъ».

18 сентября. «Арестантъ передъ прежнимъ несколько смирнее и въ безуміи таковъ какъ и прежде былъ. Афицерамъ чтобъ оне его не дразнили много расъ подверждалъ» [1]).

27 ноября. «Всепокорнейше доношу, что арестантъ смиренъ и послушенъ и шалостей никакихъ не дѣлаетъ, я безумство ево ни въ чемъ кроме какъ въ одной той ереси, что часто сказываетъ про офицеровъ, что ходятъ, шепчутъ і темъ ево портятъ, только і отъ безумства никакой шалости и безпокойства неделаетъ».

25 декабря. «Арестантъ здоровъ».

---

[1]) Овцынъ еще въ іюлѣ 1759 года сообщалъ гр. Шувалову, что приставленные къ арестанту офицеры Власьевъ и Чекинъ, раздражаютъ и дразнятъ несчастнаго. «Я и о нихъ сумнѣваюсь весьма—писалъ онъ—что нарошно раздражаютъ». Въ августѣ, гр. Шуваловъ, узнавъ положительно, что Власьевъ и Чекинъ ведутъ себя недостойнымъ образомъ, приказалъ «остеречь ихъ». Овцынъ отвѣчаетъ приведеннымъ рапортомъ отъ 18 сентября.

19 апрѣля 1760. «Арестантъ здоровъ и времянемъ безпокоинъ, а до того всегда ево офицеры доводятъ, всегда ево дразнятъ».

Основной мотивъ, руководившій Овцынымъ при заключеніи о «помѣшательствѣ» Ивана Антоновича, особенно интересенъ: арестантъ утверждаетъ что онъ «принцъ», что онъ «здѣшней имперіи государь»! Что представлялось бредомъ сумасшедшаго для Овцына, то было непреложною истиною для Ивана III, которую онъ, по его же словамъ, зналъ «отъ родителей», слышалъ «отъ солдатъ» [1]).

Побочный мотивъ—безпокойное состояніе Ивана. Въ чемъ же оно выражается? Онъ бранится—въ отвѣтъ на какую-то грубость Власьевъ закричалъ «смѣешь ли ты, свинья, со мною говорить»; онъ дерется—схватилъ Овцына за рукавъ такъ, что тулупъ изорвалъ; во время обѣда грозилъ Овцыну ложкою. Овцынъ довольно вѣрно указываетъ и одну изъ причинъ такого безпокойства Ивана Антоновича: Власьевъ и Чекинъ, приставленные къ арестанту, раздражаютъ его, дразнятъ его. Можно ли на основаніи подобныхъ данныхъ признать Ивана Антоновича сумасшедшимъ? Онъ не разъ собирался даже «бить» офицеровъ — вѣрный признакъ, что онъ былъ въ полномъ умѣ.

Если Иванъ III былъ лишенъ разума и смысла человѣческаго, то что̀ сказать о Бинѣ Менгденъ [2]), одной изъ страдалицъ за брауншвейгскую семью? Иванъ Антоновичъ только «взмахивалъ ложкою» за обѣдомъ, а Бина «бросала та-

---

1) Büsching. VI, 531.

2) При дворѣ Анны Леопольдовны были три фрейлины, баронессы фонъ Менгденъ, три сестры—Юліана, Якобина и Марія. Четвертая ихъ сестра, Аврора, были замужемъ за графомъ Лестокомъ; пятая, Анна-Доротея, за оберъ-гофмейстеромъ гр. Минихомъ, сыномъ генералъ-фельдмаршала. Онѣ были дочери барона Магнуса-Густава, шведскаго полковника, лифляндскаго ландмаршала. Изъ трехъ фрейлинъ, особенномъ фаворомъ пользовалась Юліана, 1719—1786, носившая титулъ статсъ-фрейлины. Правительница сама «заботилась» о ея бракѣ съ Куръ-саксонскимъ посланникомъ графомъ Линаромъ. Якобина Менгденъ, бывшая въ заточеніи, во всѣхъ оффиціальныхъ бумагахъ того времени называется уменьшительнымъ именемъ Бины. Гр. Линаръ увезъ въ 1741 году брилліанты и деньгами 30,000 рублей, принадлежащіе Юліанѣ, и забылъ возвратить ихъ. Въ 1764 году по этому поводу началась любопытная переписка, хранящаяся въ *Дрезд. Архивѣ*, 1764 vol. I, № 24 sqq.

релки, ножи, вилки» въ солдата и «выливала супъ на голову служившей ей женщины»; Иванъ III только собирался бить офицеровъ, которые «дразнили его», а Бина «ударила офицера по уху и схватила за волосы, такъ что едва могли отнять». Между тѣмъ Бина Менгденъ содержалась «безчеловѣчно» только два съ половиной года, а Иванъ Антоновичъ—двадцать лѣтъ. Но у Ивана III было въ данномъ случаѣ спасительное преимущество, котораго, къ счастію, была лишена Бина Менгденъ: онъ созналъ себя уже въ темницѣ, уже въ «безчеловѣчной» обстановкѣ, онъ выросъ въ ней, сжился съ нею, и она не могла имѣть на него умственный организмъ такого разрушительнаго вліянія, какой производитъ она на организмъ, развившійся при иныхъ условіяхъ.

Иванъ III не получилъ никакого образованія. Честный Миллеръ сжалился надъ малюткою и научилъ его, еще въ Холмогорахъ, русской азбукѣ. Онъ читалъ книги духовнаго содержанія. Въ Шлюссельбургѣ, во время споровъ съ Овцынымъ, онъ «доказываетъ евангеліемъ, апостоломъ, минеею, прологомъ, маргаритою и прочими книгами» [1]). Чтеніе этихъ книгъ и, вѣроятно, еще болѣе холмогорскіе разговоры съ солдатами развили въ немъ вѣру въ колдуновъ, порчу, шептаніе, глазъ, какъ вѣрили въ это многія «извѣстныя персоны» въ Холмогорахъ, какъ вѣрятъ отъ одури во многое другое. У него была хорошая память: прочитавъ четьи-минеи, онъ «сказываетъ въ которомъ месте і въ житіи котораго святого» находится приводимый имъ фактъ. У него было доброе сердце—онъ съ благодарностью вспоминалъ Корфа, человѣчно съ нимъ обходившагося. По развитію, Иванъ III и въ 24 года былъ совершенный ребенокъ, но ребенокъ раздраженный, нервный: «нрава онъ былъ весьма сердитаго, свирѣпаго и горячаго, никакого противорѣчія не сносилъ», но сумасшедшимъ онъ не былъ.

Ектерина знала это; менѣе чѣмъ кто-либо, она не считала шлюссельбургскаго «безъимяннаго колодника» сумасшедшимъ. За нѣсколько дней до того, какъ Екатерина увидѣла, въ первый и послѣдній разъ, Ивана Антоновича,

[1]) Судя по иностраннымъ источникамъ, Иванъ Антоновичъ изучилъ азбуку при помощи родителей, а читать началъ, благодаря приставу Миллеру. Iwan, 21; Büsching, 529; Castéra, I, 306; Saldern, 17; Helbig, Biographie, II, 75.

она утвердила, 8 августа 1762 года, докладъ Сената объ учрежденіи «дольгаузовъ» для призрѣнія умалишенныхъ [1]); позже, Екатерина всегда относилась чрезвычайно гуманно къ страждущимъ умственными способностями, хотя бы они даже обвинялись въ оскорбленіи величества [2]).

Между тѣмъ, къ Ивану Антоновичу Екатерина отнеслась именно не такъ, какъ къ сумасшедшему.

Съ воцареніемъ Екатерины личный составъ надзора за несчастнымъ Ивономъ III совершенно обновленъ. Такъ называемая «секретная комиссія» поступила въ главное завѣдываніе Н. И. Панина, какъ человѣка, безусловно пользовавшагося полнымъ довѣріемъ императрицы; приставами, жившими въ одномъ казематѣ съ Иваномъ Антоновичемъ, были назначены капитанъ Власьевъ и поручикъ Чекинъ, тѣ именно офицеры, которые, по словамъ Овцына, раздражали «арестанта», дразнили «безъимяннаго колодника». Отъ 3-го же августа были даны, съ вѣдома, конечно, Екатерины, новыя инструкціи приставамъ и шлюссельбургскому коменданту Бередникову [3]).

Кромѣ обычныхъ въ подобномъ случаѣ наставленій, въ инструкціяхъ встрѣчаются и дѣйствительно «новыя» черты.

Шлюссельбургскій комендатъ никогда не зналъ, кто именно содержится подъ названіемъ «безъимяннаго колодника». Онъ могъ, конечно, догадываться: онъ слышалъ, что изъ Холмогоръ увезенъ «принцъ Іонннъ» и вскорѣ затѣмъ въ Шлюссельбургѣ былъ водворенъ «безъимянный колодникъ». Такъ какъ Иванъ III былъ 30 іюня увезенъ въ Кексгольмъ, и возвратился въ Шлюссельбургъ только черезъ два мѣсяца, 23-го августа, то въ инструкціи Бередникову говорилось о

---

[1]) «О имѣніи для безумныхъ дольгаузовъ», *Указы* Екатерины, 81; П. С. З. № 11647. *Дольгаузъ*, т.-е. Tollhaus, Irrenhaus, домъ для умалишенныхъ, для идіотовъ.

[2]) Верейскій купецъ Матюшинъ, будучи у губернатора, дерзко отозвался о Екатеринѣ. Поднялось дѣло. Желая спасти купца, мѣстный врачъ выразилъ сомнѣніе въ его умственныхъ способностяхъ. Екатерина, въ указѣ кн. Прозоровскому, отъ 12 ноября 1791 года повелѣла: «Отослать его для излѣченія и надлежащаго по безумству его за нимъ присмотра, доколѣ въ умѣ исправится, въ домъ сумасшедшихъ. *Русск. Архивъ*. 1872, 558. Ср. указъ отъ 2-го декабря 1791 г. Ibid. 561.

[3]) *Государств. Архивъ*, VI, 350; Приложенія VII, 1, 2.

«нѣкоторомъ безъимянномъ *новопривезенномъ* въ крѣпость арестантѣ», при чемъ, для отвода глазъ, прибавлялось: «арестантъ хотя самъ по себѣ и невеликой важности есть, но на нѣкоторое время секретно содержаться имѣетъ единственно въ смотренiи у капитана Власьева и поручика Чекина, а до вашего свѣдѣнiя онъ не принадлежитъ». На коменданта возлагались только чисто хозяйственныя заботы по «секретной комиссiи» и надзоръ за внѣшнимъ карауломъ [1]).

Въ инструкцiи, данной Бередникову, сказался взглядъ новаго правительства на Ивана Антоновича въ одномъ лишь пунктѣ: «Лѣкаря гарнизоннаго къ офицерамъ (Власьеву и Чекину) допускать, толькобъ больной отдѣльно лежалъ отъ арестанта и лѣкарь онаго арестанта отнюдь видѣть не могъ. А ежели арестантъ (Иванъ III) занеможетъ, то неописавшися ко мнѣ лѣкаря не допускать» (п. 10-й). Бередниковъ могъ, конечно, предполагать, что къ захворавшему арестанту, «хоть и не великой важности», будетъ присланъ придворный врачъ, по выбору Панина; но смыслъ этого пункта вполнѣ разъясняется инструкцiей, данной Власьеву и Чекину: «Ежели арестантъ занеможетъ опасно и не будетъ надежды ему выздоровѣть, то въ такомъ случаѣ для исповѣди и святого причащенiя призвать священника одного и велѣть арестанта исповѣдывать и святыхъ таинъ причастить» (п. 13-й). Вопросъ о докторѣ, о лѣченiи устраненъ вполнѣ.

Совершенною новостью въ инструкцiи приставамъ является едва прикрытое желанiе правительства избавиться отъ Ивана Антоновича постриженiемъ: «Разговоры вамъ употреблять съ арестантомъ такiе, чтобъ въ немъ возбуждать склонность къ духовному чину, т.-е. къ монашеству, и что ему тогда имя надобно будетъ перемѣнить; а называть его будутъ вмѣсто Григорья Гервасiй, толкуя ему, что житiе его Богомъ уже опредѣлено къ иночеству и что и вся его жизнь такъ происходила, что ему поспѣшать надобно себѣ испрашивать постриженiе, которое, ежели онъ желаетъ, вы ему и исходатайствовать можете, чѣмъ наипаче уединенiе

---

1) Въ самой крѣпости былъ еще особый, внутреннiй караулъ, спецiально для «секретной комиссiи», находившiйся подъ вѣдѣнiемъ Власьева и Чекина. Его составъ видѣнъ изъ указа военной коллегiи, отъ 30 iюля 1762 г. *Архивъ Сената*, Копiи высоч. повел., кн. 176; л. 107; Приложенiя V, 9.

его въ которомъ онъ живетъ будетъ спокойное и спасительное душѣ его. Но къ тому (толковать ему) надобно, вопервыхъ, краткое, тихое и несварливое съ вами и со всѣми кто при немъ обхожденіе, твердую къ Богу вѣру и нелицемѣрное и непритворное желаніе, и притомъ всегдашнее къ вамъ послушаніе, наипаче же въ словахъ и въ рукахъ воздержное обхожденіе, т.-е., безъ злости и безъ брани скромное житіе, а инако Богъ не пріемлетъ въ чинъ ангельской никакихъ строптивыхъ людей. И сіе увѣщаніе повседневно обще обоимъ вамъ и по одиночкамъ каждому ему истолковывать, и какіе его на то будутъ отзывы, ко мнѣ всегда репортовать, прописывая точныя его слова» (п. 2-й). Нельзя, конечно, отрицать, что принятіе Иваномъ Антоновичемъ иноческаго чина являлось самымъ простымъ разрѣшеніемъ вопроса объ Иванѣ III, какъ претендентѣ на престолъ; но можно только удивляться, что эта миссія возлагалась на двухъ пѣхотныхъ офицеровъ арміи, людей необразованныхъ, грубыхъ, вполнѣ неспособныхъ быть миссіонерами монашества.

Пока Иванъ III живъ, онъ всегда будетъ угрозой Екатеринѣ, всегда можетъ волновать недовольныхъ и даже быть невольною причиною серьезнаго безпокойства. Только два исхода и представлялись въ данномъ случаѣ для правительства — постриженіе или смерть Ивана Антоновича. Екатерина озаботилась о томъ и другомъ.

Петръ III, вступая на престолъ, предписывалъ секретнымъ указомъ князю Чурмантѣеву «арестанта живаго въ руки не отдавать»; Екатерина, въ сектретной инструкціи Власьеву и Чекину, поставила точку на і: «Ежели паче чаянія случится, чтобъ кто пришелъ съ командою или одинъ, хотябъ былъ и комендантъ или иной какой офицеръ, безъ именнаго за собственноручнымъ Ея Императорскаго Величества подписаніемъ повелѣнія или безъ письменнаго отъ меня [1]) приказа, и захотѣлъ арестанта у васъ взять, то онаго

[1]) Т.-е. Н. И. Панина. Петръ III собственноручно подписалъ указъ, воспрещавшій отдавать живого Ивана Антоновича; инструкція, предписывавшая умертвить его, подписана не Екатериною, а Панинымъ. Екатерина подписала только указъ Власьеву и Чекину, отъ 3 августа 1762 года; но въ этомъ указѣ ясно сказано, что они должны исполнять «всѣ наставленія

никому не отдавать, и почитать все то за подлогъ или непріятельскую руку. Буде же такъ оная сильна будетъ рука, что опастись не можно, то арестанта умертвить, а живаго ни кому его въ руки ни отдавать. Въ случаѣ же возможности, изъ насильствующихъ стараться ежели не всѣхъ, то хотя нѣкоторыхъ захватить и держать подъ крѣпкимъ карауломъ и о томъ репортовать ко мнѣ немедленно чрезъ курьера скоропостижнаго» (п. 4-й).

При извѣстномъ условіи, съ крайними предосторожностями, Иванъ Антоновича могъ, однако, видѣть священника; но докторъ безусловно, ни при какихъ обстоятельствахъ, къ нему не допускался. Ивану III представлялось умереть естественною смертью—съ покаяніемъ, но безъ лѣченія; вопросъ же о насильственной смерти отданъ на рѣшеніе двухъ офицеровъ, лично заинтересованныхъ въ возможно скорой его кончинѣ. Такія распоряженія ясно свидѣтельствуютъ, что Екатерина не признаетъ его лишеннымъ «разума и смысла человѣческаго». Если бъ Иванъ Антоновичъ дѣйствительно лишился разума, если бъ Екатерина дѣйствительно убѣдилась бы при личномъ съ нимъ свиданіи, что онъ сумасшедшій, она прокричала бы объ этомъ на всю Россію и приняла бы относительно больного такія мѣры, которыя прославили бы ея человѣколюбіе и чувствительность. Сумасшедшій Иванъ III переставалъ быть угрозой и умерщвленіе его становилось излишнимъ.

Поручивъ «секретную комиссію» Н. И. Панину, одобривъ составленную имъ инструкцію тюремщикамъ, приставленнымъ къ Ивану Антоновичу, Екатерина успокоилась, но не на долго. Вскорѣ послѣ коронаціи, между пьяными офицерами сталъ распространяться слухъ о необходимости «возстановить Іванушку», о намѣреніи такой перемѣны, «чтобъ быть императоромъ и государемъ Івану Антоновичу». 28 октября 1762 г. была «экзекуція» Хрущевыхъ и Гурьевыхъ, а уже 17-го ноября Екатерина посылаетъ генералъ-майора

и инструкціи, *Нашимъ именемъ* вамъ даваемыя» (Приложенія VII, 2; Castéra, II, 82), Депеши гр. *Сакена*, отъ 14 августа: L'imperatrice a déclarée vendredi dernier en plein sénat, qu'Elle n'avait fait que confirmée simplement les ordres donnés sous le règne précédent aux officiers auxquels de garde de ce prince avoit été confiée (*Дрезд. Архивъ*, 1764, vol, №. 67).

Бибикова въ Холмогоры съ письмомъ и порученіемъ къ принцу Антону Ульриху Брауншвейгскому, отцу Ивана III. Въ секретной инструкціи, данной Бибикову, сказано, между прочимъ: «намѣреніе наше въ посылкѣ васъ къ нему въ томъ состоитъ: мы по человѣколюбію нашему желаемъ его, принца, избавить отъ сего долговременнаго заключенія, но не можемъ еще приступить къ сему дѣлу, не взявъ прежде мѣръ подлежащихъ, по которымъ бы примирить можно было штатскіе резоны съ его освобожденіемъ, и потому, вручивъ письмо принцу, объявить ему имѣете изустно, что мы его одного намѣрены теперь освободить и выпустить въ его отечество съ благопристойностію, а дѣтей его для тѣхъ же государственныхъ резоновъ, которые онъ по благоразумію своему понимать самъ можетъ, до тѣхъ поръ освободить не можемъ, пока дѣла наши государственныя не укрѣпятся въ томъ порядкѣ, въ которомъ они, къ благополучію имперіи нашей, новое свое положеніе теперь приняли» [1]). Эта миссія Бибикова была вполнѣ неудачна: Антонъ-Ульрихъ отказался отъ свободы только личной, предпочитая дѣлить съ дѣтьми неволю, а Бибиковъ впалъ въ немилость [2]).

Толки объ Иванѣ Антоновичѣ заставили Екатеринѣ вспомнить объ Антонѣ-Ульрихѣ; слухи о сынѣ напомнили ей объ отцѣ. Когда же, спустя полгода, прошли въ той же Москвѣ разговоры о возможности брака императрицы «съ однимъ изъ Іванушкиныхъ братьевъ», Екатерина ни о комъ не вспомнила. Иванъ Антоновичъ подъ двойнымъ карауломъ; живымъ изъ своего каземата онъ выйти не можетъ. Власьевъ и Чекинъ рапортуютъ два раза въ мѣсяцъ Панину и эти рапорты до того однообразно скучны, такъ стереотипно безцвѣтны, что не только Екатеринѣ, даже Панину надоѣли [3]).

---

[1]) *Бибиковъ*, 27; *Сборникъ*, VII, 183, п. 2 и 3-й. Въ п. 1-мъ инструкціи Бибикову поручается «отъ насъ ему данное вамъ письмо вручить»' въ п. 6-мъ упоминается, что «мы прежде писали ему». Письма Екатерины II къ пр. Антону-Ульриху не сохранились, или по крайней мѣрѣ, еще не изданы.

[2]) По слухамъ, онъ имѣлъ неосторожность отозваться съ большими похвалами о принцессѣ Екатеринѣ Антоновнѣ и тѣмъ навлекъ на себя немилость императрицы. *Бантышъ-Каменскій*, I, 174.

[3]) Только разъ, отъ 17-го сентября 1762 года, Власьевъ и Чекинъ рапортовали, что, согласно инструкціи, они предлагали «арестанту» постричься, на что онъ изъявилъ свое согласіе (*Государств. Архивъ* VI, 350 ч. 3).

Надоѣли они и самимъ тюремщикамъ. Не прошло и года по воцареніи Екатерины, какъ Власьевъ и Чекинъ начинаютъ проситься въ отставку. Надзоръ за Иваномъ Антоновичемъ являлся для нихъ самихъ заточеніемъ: по инструкціи, они не могли никуда выходить, имъ было запрещено переписываться съ родными, разговаривать съ знакомыми. На первую же ихъ просьбу «помилосердствовать», Панинъ отвѣчалъ слѣдующимъ письмомъ:

«Благородные господа капитанъ Власьевъ и порутчикъ Чекинъ».

«Я не сумнѣваюся, что вы, находяся въ вашемъ мѣстѣ, претерпѣваете долговерменную трудность отъ положеннаго на васъ дѣла, однакожъ памятую и то, что вамъ обѣщано скоро окончаніе вашей коммиссіи. Извольте взять еще нѣкоторое терпѣніе и будте благонадежны, что ваша служба тѣмъ больше забыта не будетъ, а при томъ увѣряю васъ, что ваша коммиссія для васъ скоро скончается и вы безъ воздаянія не останетеся».

«Вашъ всегда доброжелательный слуга»

«Н. Панинъ».

«Августа 10 дня
1763 г.».

Спустя четыре мѣсяца, 29 ноября, Власьевъ и Чекинъ снова пишутъ Панину, что силъ ихъ «болше нету» и Христомъ Богомъ просятъ выпустить ихъ изъ Шлюссельбурга. Снова Панинъ пишетъ имъ, отъ 28 декабря, уговариваетъ ихъ потерпѣть еще немного, посылаетъ каждому по тысячѣ рублей и прибавляетъ: «оное ваше разрѣшеніе не далѣ какъ до первыхъ лѣтнихъ мѣсяцевъ продлиться можетъ» [1]).

Слухи и толки объ Иванѣ Антоновичѣ, строго говоря, никогда не прекращались; но весной 1764 года въ Петер-

---

Всѣ дальнѣйшіе рапорты составлены по шаблону: «арестантъ разговоровъ ни о чемъ не имелъ и непорядковъ отъ него не происходило». Иногда выраженіе *не имелъ* измѣнялось выраженіемъ *не употреблялъ* (Ibid, ч. 5-я). Рапортъ отъ 11-го января 1763 года, выходящій изъ шаблона, сообщается полностію въ *Изслѣдованіяхъ*, III: «Аттестатъ безумія».

[1]) Оба письма Панина въ *Государств. Архивѣ*, VI, 350 ч. 5-я.

бургѣ стали ходить неясные толки о какой-то предстоящей катастрофѣ. Слухи настолько были настойчивы, такъ часты, что могли подать поводъ къ какимъ-либо мѣрамъ,[1]) о которыхъ, однако, нѣтъ серьезныхъ упоминаній. Эти слухи, кажется, объясняются тѣмъ, что съ весны стало всѣмъ извѣстно о предстоящемъ путешествіи императрицы въ Лифляндію, а отсутствіе Екатерины изъ Петербурга, конечно, въ значительной степени облегчало всякое предпріятіе, направленное противъ нея. Съ половины апрѣля, со святой недѣли, участились подметныя письма, въ которыхъ, чѣмъ дальше, тѣмъ точнѣе, говорилось о катастрофѣ. «Все сіе презрѣнія достойно», говаривала Екатерина и отдавала безъимянные доносы Н. И. Панину, которому «декабря 10-го прошлаго года указомъ поручены были тайныя дѣла». Въ самый день отъѣзда императрицы, 20-го іюня, на улицѣ было поднято подметное письмо [2]) опять съ указаніями на шлюс-

---

[1]) Дѣло о путешествіи императрицы Екатерины въ Ригу, въ *Государств. Архивѣ*, II, 98. Всего въ это путешествіе было сдѣлано 1188 верстъ. Поѣздъ императрицы со свитою состоялъ изъ 56 экипажей, для которыхъ требовалось 277 лошадей; подъ кухню и прислугу—16 экипажей и 65 лошадей (л. 8 и 9). Такъ какъ императрица предполагала «трактовать въ Риге обеденными столами» рыцарство и земство, то въ Ригу былъ заранѣе отправленъ кондитеръ Робекъ съ учениками и всевозможнымъ снадобьемъ (*Придворн. Архивъ*, картон. 5340, № 14). «Журналъ высочайшаго путешествія императрицы Екатерены II въ Нарву, Ревель, Ригу, Митаву и обратно въ Петербургъ съ 20 іюня по 25 іюля», въ *Комерф. журн.* за 1764 годъ. Депеша гр. *Сакена*, отъ 27-го іюля: Je tiens de quelqu'un qui est ordinairement trés bien informé, que sa Majesté Impériale a apporté pendant le tems de son voyage en Livonie plusieurs de ses partisans affidés, a se saisir de la personne de Monseigneur le Grand Duc et a l'amener promtement auprés d'Elle que la moindre étincelle de quelque soulévement vint a èclater à St. Pétersbourg et qu'on a tenu les chevaux nécessaires à un pareil transport precipité tout prêts et cela dès le jour même du départ de l'Impératrice (*Дрезд. Архивъ* 1764, vol. I, № 62).

[2]) *Государств. Архивъ*, VI, 400, ч. 2, л. 244. Въ этомъ подметномъ письмѣ сказано, между прочимъ: «Какъ скоро волею Божіею Іоаннъ престолъ получитъ, Минихъ, Остерманъ и Биронъ въ отставку». Въ другомъ подметномъ письмѣ говорится, что «уже время наступаетъ къ бунту», и между прочимъ: «графа Захара Чернышева четвертовать, Алексѣя Разумовскаго, Григорія Орлова такожъ, и потомъ неповадно будетъ другимъ преступать прежнихъ царей правы и законы, а государыню выслать въ свою землю, а надлежитъ царскій престолъ утвердить непорочнаго царя и неповиннаго

сельбургскую крѣпость и предстоящее освобожденіе Ивана III. Екатерина передала письмо кн. Вяземскому[1]) и уѣхала въ Ригу.

Наступили и прошли первые лѣтніе мѣсяцы, императрица уже уѣхала въ Лифляндію, а «разрѣшеніе» Власьеву и Чекину все еще не дано...

II.

Полтавскій бой рѣшилъ судьбу Украйны. Малороссія стала нераздѣльною частью Россіи. Въ 1709 году, съ Мазепою бѣжали послѣдніе серьезные представители сепартатизма[2]). Такимъ былъ и Ѳедоръ Мировичъ, генеральный эсаулъ при Орликѣ, сынъ переяславскаго полковника Ивана Мировича[3]).

Іоанна Антоновича» (*Государств. Архивъ*, VI, 400, ч. 2, прилож. къ № 8). Въ докладѣ императрицѣ отъ 2-го іюля 1764 г. В. И. Суворовъ сообщилъ: «30-го іюня измайловскаго полка сержантъ Малыгинъ объявилъ мнѣ, что сержантъ того-жъ полка Морозовъ говорилъ ему: Заводится еще комисия, можетъ ізъ нашихъ офицеровъ одинъ не пострадаетъ ли: былъ де я у одного купца, который мне говорилъ: обидили де Ивана Антоновича» (*Государств. Архивъ*, VI, 350 ч. 3-я, л. 2).

1) *Сборникъ*, VII, 349. Тайныя дѣла были поручены Н. И. Панину и А. И. Глѣбову, какъ генералъ-прокурору; когда Глѣбовъ палъ, вмѣсто него былъ назначенъ по тайнымъ дѣламъ генералъ-квартирмейстеръ кн. А. А. Вяземскій, будущій генералъ-прокуроръ.

2) Малороссійская эмиграція безпокоила правительство даже въ правленіе Елизаветы Петровны. Намѣреніе запорожцевъ отложиться отъ Россіи было главнымъ пугаломъ эмиграціи. Еще въ 1757 году, гетманъ гр. К. Г. Разумовскій долженъ былъ писать гр. М. Л. Воронцову: «Сіи вѣсти наводятъ на сей край недовѣренность въ то время, кода ни одна душа здѣсь такого безбожнаго мнѣнія не имѣетъ». Онъ предлагалъ «двухъ или трехъ бездѣльниковъ (Нахимовскаго и Мировича) истребить, которые въ Крыму изстари живутъ, и будучи заражены старинными мыслями, по старинному пишутъ и разсуждаютъ, забывъ то, что Украина послѣ того времени, можно сказать, что совсѣмъ переродилась, и совсѣмъ не то правленіе, не такіе правители, не тѣ почитай люди и, слѣдовательно, не тѣ уже и мысли въ нихъ пребываютъ». **Васильчиковъ**, I. 210. Ср. **Маркевичъ**, IV, 354. **Кіев.** *Старина*, I, 108.

3) *Архивъ Сената*, Секретн. дѣла № 216. Это дѣло «о возвращеніи изъ ссылки дѣтей переяславскаго полковника Ивана Мировича» весьма важно для объясненія родственныхъ отношеній членовъ довольно обширнаго рода Мировичей. Дѣло началось въ 1749 году, когда военною коллегіею былъ полученъ рапортъ генерала Бисмарка, что въ Крыму появился, подъ именемъ поляка, бѣжавшій изъ русской службы Иванъ Мировичъ. По справкѣ въ малороссійской экспедиціи оказалось, что въ 1712 г. въ Москву были высланы

Въ 1712 году, канцлеръ графъ Гаврила Ивановичъ Головкинъписалъ малороссійскому гетману Ивану Скоропадскому, что Петръ I особымъ указомъ повелѣлъ: «изменничьихъ родственниковъ, женъ и дѣтей, техъ которыхъ свойственники въ противной сторонѣ при королѣ швецкомъ обретаются, ізъ Малой Россіи прислать въ Москву». Въ силу этого указа, въ Москву были высланы всѣ Мировичи и, въ томъ числѣ, два сына «измѣнника», Яковъ и Петръ, послѣ бѣгства ихъ отца Ѳедора проживавшіе у своего дяди, знаменитаго черниговскаго полковнаго Павла Полуботка. Вскорѣ и ихъ знаменитый дядя, вызванный въ Петербургъ, былъ заточенъ въ

девять Мировичей: «старая» жена полковника Ивана Мировича Пелагея Захарьевна, пять ея сыновей (Семенъ, Яковъ, Дмитрій, Иванъ, Василій), сноха (жена Семена—Елена), и внукъ и внучка (дѣти Семена—Григорій и Ульяна). Въ 1715 году, ея сынъ Василій Ивановичъ наказывалъ военно-плѣнному шведу Эрику, по размѣну возвращавшемуся въ Стокгольмъ, чтобъ братъ его, Ѳедоръ Ивановичъ, который «при шведе», не возвращался бы въ Россію, такъ какъ онъ и самъ намѣренъ бѣжать въ Швецію. Это было узнано, и въ 1716 году Василій Ивановичъ былъ сосланъ въ Сибирь, въ каторжныя работы, а остальные Мировичи—въ Тобольскъ на вѣчное житье. Въ 1732 г. въ Тобольскъ же были сосланы сыновья Ѳедора Ивановича, Петръ и Яковъ. Въ Сибири, семья Мировичей значительно умножилась. Въ 40-хъ годахъ всѣ Мировичи получили право выѣхать изъ Сибири въ такомъ порядкѣ: въ 1742 году освобождены отъ надзора дѣти Ѳедора Мировича—Петръ былъ назначенъ воеводою въ Енисейскъ и по требованію сибирскаго приказа вызванъ въ Москву; Яковъ—воеводою въ Кузнецкъ, гдѣ вскорѣ умеръ; въ 1743 г. возвращенъ изъ Сибири Григорій Семеновичъ; въ 1744 г.—Пелагея Захарьевна и Дмитірй Ивановичъ, при чемъ въ Глуховѣ съ нея взяли подписку и закладъ, чтобъ «она заграницу никуда не отъѣзжала и никакой бы съ сыномъ ея Ѳедоромъ Мировичемъ, который изменя съ Мазепою отъѣхалъ къ королю швецкому і ни съ кемъ заграничными жителями кореспонденціи не имела»; въ 1747 г. Степанъ Васильевичъ, но съ него взятъ реверсъ, чтобъ «ему никуда заграницу отнюдь не выѣзжать». Остальные сыновья «старой» Пелагеи — Яковъ и Иванъ—«изъ Сибири возвратились ли і гдѣ обретаются или тамо померли въ сенатѣ неизвѣстно». И объ этихъ Яковѣ и Иванѣ нашлись позже свѣдѣнія въ сибирской губернской канцеляріи: Яковъ Ивановичъ—«въ бытность ево въ Тюмени, въ 1730 году, поколотъ посацкимъ Матвеемъ Головковымъ до смерти»; Иванъ Ивановичъ—въ 1723 г. отпущенъ по требованію г.-м. Геннина въ Екатеринбургъ для работъ на заводахъ, въ 1728 г. былъ капитанъ-поручикомъ, въ 1730 г. былъ посланъ въ Москву и Петербургъ съ желѣзомъ, но назадъ не возвращался. Онъ-то и бѣжалъ въ Крымъ, гдѣ своимъ присутствіемъ смутилъ генерала Бисмарка.

крѣпость. Яковъ и Петръ жили дружно, никогда не разставались; вмѣстѣ бѣдствовали въ Москвѣ, вмѣстѣ горевали въ Петербургѣ. Чѣмъ и какъ перебивались они въ это время—неизвѣстно. Ходили они одно время въ академію «для науки», но, за недостаткомъ средствъ, прекратили посѣщеніе академіи. Они были нѣкогда богаты, принадлежали къ «украинскимъ панамъ»; теперь они нищи — всѣ ихъ имѣнія конфискованы; они въ опалѣ—ихъ отецъ измѣнникъ. Въ 1728 году Петръ Мировичъ опредѣлился въ секретари къ Елизаветѣ Петровнѣ [1]); уѣзжая съ цесаревной въ Москву, Петръ захватилъ съ собою и брата Якова. Этотъ Яковъ служилъ секретаремъ у польскаго посланника гр. Потоцкаго, ѣздилъ тайкомъ въ Польшу, возвратился въ Москву и въ Москвѣ же, въ 1731 году, женился на купчихѣ Акишевой. Въ 1732 году, оба брата Мировичи, Петръ и Яковъ, угодили въ Сибирь за тайную отлучку: Яковъ за поѣздку въ Польшу, Петръ—въ Малороссію, куда всѣмъ Мировичамъ въѣздъ былъ запрещенъ.

Въ Сибири, неизвѣстно точно гдѣ, но, вѣроятно, въ Тобольскѣ, у Якова Ѳедоровича Мировича родился сынъ Василій. Тамъ, въ Тобольскѣ, жила въ это время вся семья переяславскаго полковника Ивана Мировича—«старая» Пелагея Захарьевна, со своими сыновьями, которые все еще тянутъ къ шведу, живутъ мыслью за польскимъ рубежомъ, и съ внуками, которые родились въ Сибири, ни шведа, ни поляка не знаютъ, но выросли въ малороссійской семьѣ и съ молокомъ матери всосали патріотическую любовь къ Малороссіи, къ привольной жизни на Украйнѣ; они много наслышались о богатствѣ Мировичей, о своихъ необозримыхъ земляхъ, конфискованныхъ русскою казною. Въ 1742 году, Яковъ и Петръ Мировичи возвращены изъ Сибири и велѣно ихъ опредѣлить къ дѣламъ. Яковъ былъ назначенъ воеводою въ Кузнецкъ. Воевода вскорѣ умеръ, а сынъ его, Василій Яковлевичъ, явился въ Петербургъ «служить», и былъ зачисленъ сперва въ нарвскій, потомъ въ смоленскій пѣхотный полкъ.

Безъ связей, безъ денегъ, безъ образованія, сильно бѣдствовалъ юный Мировичъ въ Петербургѣ. Къ нему отнеслись

---

[1]) *Записки Марковича*, I, 266.

съ недовѣріемъ—его родня все еще безпокоила русское правительство: то генералъ Бисмаркъ сообщитъ изъ Крыма о каверзахъ «поляка» Мировича, то Гроссъ изъ Варшавы увѣдомитъ о проискахъ Ѳедора Мировича [1]). Внукъ долженъ платиться за грѣхи дѣда. Отъ него отняли все, оставили только фамилію, и за фамилію отметаютъ. Онъ могъ бы быть богатъ: «старая» Пелагея Захарьевна говорила ему, что мужъ ея, полковникъ Иванъ, служилъ Россіи вѣрно, но въ 1706 г. былъ взятъ шведами въ плѣнъ въ польскомъ городѣ Ляховичи и тамъ умеръ; что имѣнія ихъ были конфискованы несправедливо; она и дѣло въ Сенатѣ начала, да умерла, не дождавшись рѣшенія. Юный Мировичъ ходилъ въ Сенатъ, просилъ—ничего не добился: тамъ даже говорить съ нимъ не хотятъ. Сестры пишутъ изъ Москвы, просятъ у него помощи, а онъ, полуголодный, шатается по петербургскимъ улицамъ, не зная гдѣ преклонить голову и все мечтая о прежнемъ довольствѣ, о бывшемъ величіи Мировичей...

При восшествіи Екатерины на престолъ ему было 22 года. На его глазахъ совершился переворотъ 28 іюня—совершился легко, скоро, театрально. Люди, не имѣвшіе вчера никакого значенія, вполнѣ ничтожные, стали сегодня значительными «персонами», титулованными сановниками. Въ пріемной, если не въ кабинетѣ Петра Ивановича Панина, у котораго онъ былъ одно время адъютантомъ, Мировичъ слышитъ невѣроятныя подробности «счастливаго» переворота. При немъ разсказываются эпизоды необычайныхъ перемѣнъ въ судьбѣ нѣкоторыхъ офицеровъ, называютъ фамиліи, получившія въ одинъ день титулы, чины, земли, деньги... а у Мировича, кромѣ долговъ, лишь три сестры въ Москвѣ голодаютъ, а въ Сенатѣ лежитъ безнадежный процессъ съ казною о возвращеніи конфискованныхъ имѣній «злосчастнаго и вреднаго предка». Малороссъ Мировичъ забѣгалъ къ своему земляку, всесильному гетману графу К. Г. Разумовскому, прося его содѣйствія о возвращеніи ему хотя бы части имѣнія его дѣда. Гетманъ выслушалъ молодого Мировича, подумалъ малость, и сказалъ: «Мертваго изъ гроба не ворочаютъ. Ты—молодой человѣкъ: самъ себѣ прокладывай дорогу. Старайся

---

[1]) *Васильчиковъ*, I, 208, 211.

подражать другимъ, старайся схватить фортуну за чубъ, и будешь такимъ же паномъ, какъ и другіе» [1]). Задумался Мировичъ надъ простыми словами гетмана...

Какъ проложить дорогу? Для этого нужны знанія—у него ихъ нѣтъ; можно, конечно, и безъ знаній, но у него нѣтъ ни связей, ни поддержки. У него въ избыткѣ только честолюбіе: онъ оскорбляется, что его, подпоручика арміи, не пускаютъ въ собственные покои императрицы; онъ не выноситъ, что штабъ-офицеры относятся къ нему, изъ «славнаго» рода Мировичей, такъ же, какъ и ко всякому офицеру изъ разночинцевъ. Его мучаетъ прошлое, его гнететъ настоящее; онъ ищетъ и не находитъ выхода. Нѣтъ такой жертвы, которую онъ не принесетъ, лишь бы выйти изъ своего стѣсненнаго положенія. Онъ бросилъ курить, пересталъ играть въ карты, далъ обѣтъ построить церковь, если получитъ малороссійскія имѣнія [2]), которыя ему такъ расхваливали. Сенатъ ему отказалъ — онъ обратился къ императрицѣ. Два раза подавалъ онъ просьбы по своему сенатскому процессу — два раза Екатерина отказывала [3]) просителю, тогда подпоручику смоленскаго пѣхотнаго полка [4]).

---

[1]) *Русск. Архивъ*, 1863, 478.

[2]) *Государств. Архивъ*, VI, 400, ч. 2. Въ числѣ восемнадцати собственноручныхъ отмѣтокъ Мировича хранятся слѣдующія: № 11—на письмѣ матери, съ отказомъ уплатить долгъ въ 40 рублей и съ совѣтомъ жить скромнѣе, на полѣ, отмѣтка Мировича, въ которой онъ проситъ чудотворца Николая принять его обѣщаніе—съ 1761 года по смерть табаку не курить и не нюхать, въ карты не играть; «еще теперь мнѣ отъ роду 22 года, а когда минетъ 25 лѣтъ, то водку пить умѣренно»; № 14—на лоскуткѣ бумаги: «дьявольскихъ танцевъ не творить»; № 15—на другомъ лоскуткѣ записано обѣщаніе чудотворцу Николаю «въ карты не играть»; тоже повторено на оборотѣ листка, при чемъ помѣчено 17 іюля 1763 года.

[3]) Челобитныя Мировича были въ дѣлопроизводствѣ Теплова. На докладѣ Теплова 5-го февраля, Екатерина положила резолюцію: «Отослать въ Сенатъ на разсмотрѣніе». На первой челобитной, отъ 13 апрѣля 1764 г., Екатерина написала: «По прописанному здесь просители право не имеютъ и для того Сенату надлежитъ отказать имъ»; на второй, отъ 9-го іюня: «довольствоваться прежнею резолюціею». *Государств. Архивъ*, X, 452; Кашпиревъ I, 307. Въ челобитной Мировичъ упоминаетъ о дядѣ своемъ, генеральномъ бунчужномъ Ѳедорѣ Мировичѣ, умалчивая о преступленіи дѣда.

[4]) При обыскѣ въ квартирѣ Мировича былъ найденъ нѣмецкій календарь, въ которомъ Мировичъ записалъ свой послужной списокъ: 11-го іюня 1753 года—капралъ; 15-го іюля — каптенармусъ; 1-го января 1756 г. — сер-

Полкъ этотъ стоялъ въ шлюссельбургскомъ форштадтѣ; роты его занимали по недѣлямъ караулъ въ крѣпости. Ходилъ въ караулъ и Мировичъ. Странная крѣпость: въ крѣпости еще какъ бы крѣпость, съ казематами, охраняемая особою командою, никогда не смѣняемою. Кто содержится въ этихъ казематахъ? Что это за «безъимянный колодникъ», отчего такою таинственностью окруженъ «№ 1-й»? Въ октябрѣ 1763 года, отставной барабанщикъ шлюссельбургскаго гарнизона проболтался «господину подпоручику»: безъимянный колодникъ, № 1-й [1]) — бывшій императоръ Иванъ III Антоновичъ. Какъ молнія въ ночи, озарила Мировича эта вѣсть: такъ вотъ гдѣ тотъ «Иванушка», котораго молва то прочила въ мужья Екатеринѣ, то называла императоромъ — онъ не только живъ, онъ здѣсь, подъ карауломъ Мировича же! Вотъ и гетманская фортуна: нужно только взять ее за чубъ, чтобъ стать паномъ. Освободитъ Мировичъ Ивана, посадитъ его на престолъ — всѣ долги уплачены, онъ богатъ, опять можетъ играть въ карты, онъ въ чести; не удастся попытка — ему терять нечего, онъ и такъ уже потерянный человѣкъ. Гвоздемъ засѣла эта мысль въ головѣ Мировича. Трудное намѣреніе казалось ему легкимъ: при помощи своего караула освободить Ивана, привезти въ Петербургъ, провозгласить императоромъ и получить отъ «благодарнаго» императора титулы, чины, земли, деньги, главное — деньги, какъ получили ихъ еще недавно отъ благодарной имератрицы тѣ лица, которыя помогали ей въ дѣлѣ болѣе трудномъ.

Съ октября по апрѣль, въ теченіе полугода, Мировича безотвязно преслѣдовала соблазнительная мысль — какимъ-нибудь «дешператнымъ и безразсуднымъ coup» [2]) схватить свою фортуну за чубъ именно въ Шлюссельбургѣ. Чѣмъ болѣе думалъ онъ о своемъ намѣреніи, тѣмъ болѣе казалось оно ему удобоисполнимымъ: человѣкъ, не получившій никакого образованія, съ умомъ вовсе не дисциплинированнымъ и съ

жантъ; 4-го декабря 1760 г. — прапорщикъ; 1-го октября 1763 г. — подпоручикъ. *Государств. Архивъ*, VI, 400, ч. 2, № 7-й

[1]) Büsching VI, 533.

[2]) *Государств. Архивъ*, VI 400, ч. I; Приложенія I, 49

наклонностями, хищническими, Мировичъ не столько обдумывалъ трудности предстоявшаго переворота, сколько дразнилъ свое воображеніе тѣми матеріальными благами, которыхъ достигнетъ успѣшнымъ исполненіемъ своего намѣренія. Мало-по-малу, обманывая себя, онъ, какъ азартный игрокъ, до того сжился съ мыслью о возможности однимъ ударомъ «отыграться» вполнѣ, что съ апрѣля 1764 года рѣшился начать дѣйствовать. Почему-то, почему именно—онъ и самъ не знаетъ, 1-го апрѣля вспомнились ему слова отставного барабанщика о № 1-мъ, и Мировичъ рѣшился «всѣ свои силы, разумъ и помышленія въ томъ употребить, чтобъ онаго Ивана Антоновича выведши изъ крѣпости шлюссельбургской, привезть въ Петербургъ для возведенія его на престолъ всероссійской» [1]).

---

1) *Государств. Архивъ*, VI, 400. Мы основываемъ разсказъ на «экстрактѣ» слѣдствія о бунтѣ Мировича, какъ главномъ источникѣ (Приложенія, VII, 6). Экстрактъ—не обвинительный актъ; это—систематическое изложеніе всего бунта, основанное на подлинныхъ показаніяхъ лицъ, принимавшихъ то или другое участіе въ бунтѣ. О бунтѣ Мировича сохранилось много извѣстій. Происшествіе это произвело сильное впечатлѣніе на умы современниковъ. Каждый изъ иностранныхъ министровъ, бывшихъ тогда въ Петербургѣ, считалъ своимъ долгомъ возможно подробно извѣстить свое правительство о шлюссельбургскомъ возмущеніи, и передавалъ такія подробности, которыя, по существу дѣла, не могли быть ему извѣстны. Въ городѣ пошли разнообразные толки; улица наполнилась различными разскзаами, болѣе или менѣе вымышленными. Говорили даже, будто весь бунтъ не болѣе, какъ комедія, разыгранная съ вѣдома Екатерины, единственно для эпилога—умерщвленія ненавистнаго ей Ивана III (Депеша *Беранже*, отъ 7 августа 1664 г., въ *Парижс. Архивѣ*., Turquie, vol. XI, Suppl.; депеша гр. *Сакена*, отъ 20-го іюля въ *Дрезд. Архивѣ*, 1764, vol. I, № 60). Находя необходимымъ «дальнихъ дурацкихъ разглашеній пресѣчь» (*Госуд. Архивъ*, VI, 400, ч. I-я; *Сборикъ*, VI, 366) правительство поспѣшило издать 17-го же августа манифестъ, въ которомъ довольно подробно изложена исторія бунта, окончившагося «пресѣченіемъ жизни» Ивана Антоновича, а 9-го сентября—«сентенцію по злодѣйскимъ винамъ Мировича и его сообщниковъ». Такимъ образомъ, составился обширный матеріалъ двухъ родовъ, частный и оффиціальный, во многихъ частяхъ разнорѣчивый, въ нѣкоторыхъ противоположный. Которому же вѣрить? Частныя лица не могли знать истины; правительство было заинтересовано въ ея искаженіи или, по крайней мѣрѣ, въ сокрытіи нѣкоторыхъ подробностей катастрофы. Экстрактъ изъ слѣдственнаго производства, вполнѣ добросовѣстно составленный Веймарномъ, даетъ возможность разсказать фактъ словами самихъ дѣятелей этого факта.

Легкомысленный и въ то же время упрямый, Мировичъ находилъ, что не столько возведеніе на престолъ, сколько освобожденіе Ивана Антоновича сопряжено съ нѣкоторыми затрудненіями. Одному никакъ не освободить; нужно имѣть «вѣрнаго, надежнаго во всемъ способнаго» товарища. Такимъ ему казался «давнишній въ нравахъ совсѣмъ сходный пріятель»—поручикъ великолуцкаго полка Апполонъ Ушаковъ. 8-го или 9-го мая, Мировичъ отправился къ Ушакову, стоявшему тогда у Исаакіевскаго моста, при кордегардіи на караулѣ, и началъ ему говорить о своемъ намѣреніи, сперва намеками, потомъ все откровеннѣе и прямѣе. Ушаковъ сначала «въ ужасъ пришелъ» но, увѣрившись, что Мировичъ не шутитъ и что «не по коварству или притворствомъ ему такое откровеніе дѣлается», признался, что о содержаніи Ивана Антоновича въ Шлюссельбургѣ уже слышалъ и намѣреніе Мировича одобряетъ. Они тотчасъ же обязались помогать другъ другу и, «желая себя взаимно вяще укрѣпить», отправились 13-го мая въ церковь Казанской Божіей Матери, гдѣ отслужили по себѣ, какъ по умершимъ, акафистъ и панихиду. Только по выходѣ изъ церкви присту пили они «къ ближайшему о производствѣ своего намѣренія и къ тому способнѣйшихъ мѣръ, средствъ и способовъ изобрѣтенію».

Они условились, во-первыхъ, никогда никому о своемъ намѣреніи не открывать и никого въ сообщники не приглашать; во-вторыхъ, намѣреніе свое привести въ исполненіе по отъѣздѣ императрицы въ Лифляндію, «на третій или поздно на пятый день, а отнюдь не далѣе недѣли», и, въ-третьихъ, самое исполненіе должно состоять въ слѣдующемъ:

Въ условный день, когда Мировичъ занималъ бы караулъ въ шлюссельбургской крѣпости, Ушаковъ долженъ былъ подъѣхать къ крѣпостной пристани, ровно въ полночь, на шлюпкѣ; на окликъ часового, отвѣчать: «курьеръ отъ государыни», и, подъ именемъ подполковника и ея императорскаго величества ординарца Арсеньева, вручить караульному офицеру, Мировичу, дѣлая видъ, «будто отъ роду его не знавалъ», заранѣе составленный отъ имени ея императорскаго величества указъ объ освобожденіи Ивана Антоновича. Получивъ такой указъ, Мировичъ долженъ былъ «въ самый

тотъ моментъ, отнюдь ни мало мѣшкая», прочесть указъ всей командѣ, послѣ чего Мировичъ, взявъ изъ команды своей восемь человѣкъ, долженъ «арестовать и сковать» коменданта крѣпости, а Ушаковъ идти къ надзиравшимъ за Иваномъ офицерамъ, объявить имъ, что присланъ отъ ея императорскаго величества съ указомъ къ караульному офицеру, «кой тотчасъ къ нимъ будетъ», и когда, по арестованіи уже коменданта, Мировичъ присоединился бы къ Ушакову, приказать тѣмъ офицерамъ, «чтобы они убирались». Затѣмъ, «посредствомъ освобожденія изъ-подъ караулу получивъ Ивана Антоновича», они тотчасъ же, «взявъ крѣпостную шлюпку и гребцовъ, посадя съ собою на оную шлюпку для битья тревоги барабанщика, слѣдовали бы въ Петербургъ».

Таковъ несложный проектъ освобожденія; также простъ и планъ провозглашенія.

Они условились пристать со шлюпкой къ Выборгской сторонѣ и «представить Ивана Антоновича артиллерійскому лагерю, а есть ли же того бъ лагеря тамъ не находилось, то къ пикету того корпуса на Литейной сторонѣ стоящему». Барабанщикъ забилъ бы тревогу, собрался бы «любопытный народъ», которому они объявили бы, что «представляющаяся особа есть дѣйствительно государь Иванъ Антоновичъ, который по семилѣтнемъ въ крѣпости шлюссельбургской содержаніи оттуда ими самими высвобожденъ», прочли бы нарочно для того составленный ими манифестъ и тотчасъ же стали бы всѣхъ собравшихся приводить къ присягѣ. Вслѣдъ за присягой, они предполагали «изъ присягавшихъ артиллерійскихъ полковъ или другихъ случившихся штабъ и оберъ-офицеровъ, съ пристойными командами, тотчасъ послать на Санктъ-петеребургскую сторону и взявъ тамо состоящую крѣпость, овладѣть всѣми тамошними орудіями, пушками и прочими припасами, не умедливая при томъ повелѣть чрезъ тѣхъ же посланныхъ произвесть пушечную пальбу, хотябъ не въ большомъ числѣ выстрѣловъ, но, по крайней мѣрѣ, продолжительную, дабы тѣмъ только подать знакъ къ собранію народа и приведеніе онаго въ страхъ». На присягнувшихъ уже штабъ и оберъ-офицеровъ возлагалось, сверхъ того: привесть къ присягѣ всѣ стоящіе въ Пе-

тербургѣ гвардіи и полевые полки, разставить пикеты «при всѣхъ мѣстахъ съ обѣихъ сторонъ рѣки», и развести манифесты въ Сенатъ, Синодъ, во всѣ коллегіи и присутственныя мѣста. Мировичъ же или Ушаковъ, кто-нибудь одинъ, кому случится, долженъ былъ, «не отлучаясь отнюдь, находиться при возстановляющейся особѣ, а оная бъ особа для сохраненія цѣлости и здравія, должна была тогда для полученія торжественнаго окончанія подъ собственнымъ сохраненіемъ артиллерійскаго корпуса пребыть».

Согласно такому плану, Мировичъ «составилъ и своеручно написалъ» слѣдующія бумаги: 1) указъ отъ имени ея императорскаго величества находящемуся въ шлюссельбургской крѣпости въ караулѣ офицеру взять немедленно подъ арестъ коменданта Бередникова и привесть его вмѣстѣ съ Іоанномъ Антоновичемъ въ правительствующій Сенатъ; 2) письмо отъ Мировича и Ушакова, обоими подписанное къ Ивану Антоновичу — въ этомъ письмѣ они объявляютъ ему, что, забывъ всѣ «мучительные и телесные страхи, помня только Царя Небеснаго», рѣшились «искупить его изъ темницы и возвести на высоту Дѣдовскаго славнаго престола»; 3) манифестъ отъ имени Ивана Антоновича, 4) форму клятвеннаго обѣщанія.

Изготовивъ орудія, Мировичъ и Ушаковъ ознакомились и съ «мѣстомъ дѣйствія». Они посѣтили артиллерійскій лагерь на Выборгской сторонѣ, «при которомъ случаѣ сдѣлали они общее обѣщаніе о построеніи на томъ мѣстѣ, буде ихъ намѣреніе предъуспѣетъ, церквей и прочихъ украшеній»; они ѣздили въ Шлюссельбургъ, но въ крѣпость не попали: «приставъ въ Рыбачью Слободу и нанявъ рыболова, подъ видомъ, чтобъ переѣхать въ тѣ избушки, гдѣ рыбу ловятъ, туда переѣхали и, смотря на крѣпость, сожалѣли, что имъ войти въ оную возможность не допустила». Они, однако, осмотрѣли ту подъ крѣпостью пристань, къ которой Ушаковъ-Арсеньевъ долженъ былъ пристать въ полночь условленнаго дня. Ушакову такъ и не удалось быть въ крѣпости, а Мировичъ, «хотя предъ симъ уже въ крѣпости шлюссельбургской и бывалъ, но еще для такихъ надобныхъ примѣчаніевъ чаще самоохотно напрашиваться сталъ, почему въ караулѣ въ той крѣпости неоднократно находился».

Предварительныя соглашенія Мировича съ Ушаковымъ, изготовленіе подложныхъ документовъ и осмотръ мѣстности заняли ровно десять дней—съ 13-го мая, когда они «отпѣвали» себя въ казанской церкви, по 23-е мая, когда, совершенно неожиданно для обоихъ заговорщиковъ, одинъ изъ нихъ, Апполонъ Ушаковъ, былъ командированъ военною коллегіею въ Смоленскъ «для отвозу денежной казны господину генералу-аншефу, сенатору и кавалеру князю Михайлѣ Никитичу Волконскому». По словамъ Мировича, «эта посылка Ушакову весьма въ томъ разсужденіи противною казалась, чтобъ препятствіемъ иногда ихъ предпріятію не послужила, но тѣмъ не меньше онъ ласкалъ себя оную столь споспѣшно отправить, что къ отшествію ея императорскаго величества изъ С.-Петербурга въ Лифляндію, для исполненія между ними условленнаго дѣла, обратно поспѣть».

Ушаковъ не столько торопился «споспѣшно отправить» данное ему военною коллегіею порученіе, сколько рѣшился во что бы то ни стало, такъ или иначе, вернуться въ Петербургъ. Ушакова сопровождалъ въ Смоленскъ фурьеръ того же великолуцкаго полка Григорій Новичковъ. Изъ Смоленска возвратился одинъ только Новичковъ и представилъ слѣдующій рапортъ [1]) о своей поѣздкѣ:

23-го мая выѣхали они изъ Петербурга. Не доѣзжая до Порхова, въ 37-ми верстахъ, въ Сухловскомъ яму, Ушаковъ «волею Божіею заболелъ», но «черезъ силу» поѣхалъ въ Пороховъ и донесъ о своей болѣзни генералъ-майору Патрикѣеву, командиру новогородскаго карабинернаго драгунскаго полка. Явился полковой врачъ, осмотрѣлъ Ушакова и—«велено ему ехать въ назначенное мѣсто». Отъѣхавъ отъ Порохова верстъ 90, въ деревнѣ Княжей, Ушаковъ «совсемъ занемогъ»: отправилъ Новичкова въ Шелеховскій форпостъ; гдѣ находился тогда кн. Волконскій, а самъ остался въ деревнѣ. Новичковъ сдалъ 15000 рублей серебряною монетою, получилъ квитанцію и поѣхалъ обратно «темже

---

[1]) «Репортъ великолуцкаго пѣхотнаго полка фуриера Григорія Новичкова», въ *Госуд. Архивѣ*, VI, 350, ч. 5. къ № 7-му. Комиссія, вырывавшая тѣло Ушакова, состояла изъ писаря и солдата: «пищикъ Василій Холковъ и солдатъ Ерофей Поповъ». Ср. Castéra, 83; Herrman, V, 649.

трактомъ». Прибывъ въ деревню Княжую, Новичковъ спрашиваетъ: гдѣ Ушаковъ? Ему отвѣчаютъ: «Въ тожъ самое время после тебя поехалъ назадъ въ Санктъпитербурхъ». Новичковъ ѣдетъ далѣе въ Петербургъ и вездѣ разспрашиваетъ о своемъ мнимомъ больномъ поручикѣ; вездѣ отвѣчаютъ, что онъ «следуетъ» въ Петербургъ. «А какъ прибылъ въ село Апоки, объявили мне живущіе тутъ обыватели, что де здесь найдена въ реке Шалоне кибитка обитая рогожей и въ ней подушка, шляпа, шпага, рубашка, потомъ приплывшее тело афицерское, которое и зарыто въ землю». Новичковъ осмотрѣлъ платье—Ушакова. Отъ порховской воеводской канцеляріи прибыла комиссія, вскрыла тѣло, «причомъ и я въ тожъ время находился и помянутаго господина порутчика Ушакова опозналъ».

Ушаковъ утонулъ. Это была тяжелая потеря для Мировича: ихъ всего было двое, теперь онъ остался одинъ. Какъ произвести государственный переворотъ одному? Въ первое время «по увѣдомленіи о смерти товарища своего», Мировичъ «старался намѣстника ему найти, но потомъ, остерегаясь незнаемымъ людямъ разглашать, таковое стараніе оставилъ»: онъ рѣшился одинъ «сіе предпріятіе въ то же время и такимъ же способомъ, какъ между имъ и Апполономъ Ушаковымъ установлено было, дѣйствительно въ дѣло произвесть».

Мировичъ началъ съ того, что, по необходимости, переписалъ манифестъ и письмо къ Ивану Антоновичу «на одно свое имя». Этимъ онъ фактически засвидѣтельствовалъ свою рѣшимость «не имѣть сообщниковъ». Сообщниковъ, но не сочувствующихъ его намѣренію — ихъ онъ искалъ весьма старательно и повсюду. Гдѣ же могъ, однако, искать ихъ подпоручикъ армейскаго полка, не имѣвшій никакихъ связей, вполнѣ невѣжественный, вѣчно нуждавшійся?

Прежде всего, среди лакеевъ. Переѣзжаетъ Мировичъ Неву и слышитъ, какъ солдатъ разсказываетъ своему ближайшему сосѣду, что «Иванъ Антоновичъ въ Санктпетербургѣ, какъ при бывшемъ императорѣ Петрѣ Третьемъ, такъ уже и во время державствованія ея императорскаго величества, два раза былъ»—онъ пользуется этимъ солдатскимъ разсказомъ, чтобъ найти себѣ «сочувственника» въ придвор-

номъ лакеѣ Тихонѣ Косаткинѣ, стараясь «его, лакея, незамѣтнымъ образомъ къ вознамѣренному предпріятію въ томъ разумѣ пріуготовить, чтобъ посредствомъ онаго лакея, то его дѣло охотнѣе въ народѣ принято быть могло». Въ показаніи Косаткина обрисовываются какъ пріемы Мировича въ уловленіи «сочувственниковъ», такъ и степень успѣшности этихъ пріемовъ. Приводимъ это лакейское показаніе [1]):

«За нѣсколько дней до Сошествія Святаго Духа, идучи съ Мировичемъ чрезъ лѣтняго ея императорскаго величества двора садъ, по отвѣтствованіи на Мировичевъ вопросъ о бытности Ивана Антоновича въ Санктпетербургѣ, онъ спросилъ у Мировича объ Иванѣ Антоновичѣ: «гдѣ же онъ нынѣ содержится»? На что Мировичъ сказалъ: «въ крѣпости шлюссельбургской, въ темницѣ, у которой и окна забрызганы; мы часто въ крѣпости бываемъ и туда на караулъ ходимъ». По учиненіи того отвѣтствія, Мировичъ спрашивалъ у лакея: «каковъ нынѣшній дворъ имъ кажется въ сравненіи противъ того, какъ при жизни Елизаветы Петровны и при Петрѣ Третьемъ было»? На что лакей отвѣтствовалъ: «какъ-то не весело—прежде изъ придворныхъ лакеевъ выпускаемы были въ офицеры съ рангами поручичьими и подпоручичьими, а нынѣ никакого выпуску нѣтъ, а слышно, что по новому стату будутъ ихъ выпускать сержантскими чинами». На эти рѣчи Мировичъ сказалъ: «здоровъ ли то походъ [2]) нашей Государынѣ будетъ? У насъ солдаты, какъ вѣщуны, говорятъ, что Иванъ Антоновичъ будетъ возведенъ на престолъ»; на что лакей Мировичу сказалъ «о, сохрани Господи! и ни дай Богъ слышить—намъ и такъ уже эти перемѣны надоѣли», сказывая при томъ Мировичу, что конной гвардіи рейтаръ Михаилъ Торопченинъ хотѣлъ идти къ его сіятельству графу Алексѣю Григорьевичу Орлову объявлять, что вездѣ говорятъ про Ивана Антоновича и, конечно, что будетъ ли де здоровъ нашей Государыни походъ? и что онъ, лакей, сего рейтора, дабы больше не болталъ, отъ себя выслалъ; и паки лакей сказывалъ Мировичу по слышаннымъ имъ отъ своего родного брата, троицкаго собора священ-

[1]) *Государств. Архивъ*, VI, 400, ч. 3, л. 47.
[2]) Путешествіе въ Лифляндію.

ника, Ивана Матвѣева рѣчамъ, что «здоровъ ли то будетъ вашъ походъ?» въ коемъ онъ, лакей, назначенъ былъ въ Ревель; къ чему еще отъ себя лакей прибавилъ: «предъ симъ находящимся при дворѣ придворнымъ лакеямъ всегда, сверхъ опредѣленнаго жалованья, отъ кавалеровъ награжденія бывали деньгами, а нынѣ и жалованье мѣдными деньгми даютъ, а при Петрѣ III по большей части все серебряная монета ходила» [1]).

Эти чисто лакейскіе взгляды охладили, вѣроятно, Мировича; по крайней мѣрѣ, онъ не дѣлалъ уже болѣе попытокъ искать сочувствія своему предпріятію въ средѣ челяди, хотя бы и придворной. Не болѣе успѣшною оказалась и попытка въ средѣ пьяницъ. О ней такъ записано въ протоколѣ:

«Пришедъ день Іоанна Крестителя, т.-е. іюня 24-го числа, изъ крѣпости шлюссельбургской въ форштадтъ оной, въ квартиру смоленскаго пѣхотнаго полка капитана Миллера и услышавъ къ себѣ, отъ тамо же, между прочихъ офицеровъ, весьма въ пьяномъ образѣ находящагося того же полка капитана Василья Бахтина, съ дружескимъ къ нему, Мировичу, изъявленіемъ, сей вопросъ: «откуда ты пріѣхалъ»? и отзываясь на то онъ, Мировичъ, ему сказывалъ, что пришелъ изъ крѣпости шлюссельбургской, гдѣ у коменданта и обѣдалъ, оной Бахтинъ ему, Мировичу, выговорилъ: «что ты, братъ, не веселъ пріѣхалъ? я знаю, что задумалъ, а коли смерть такъ смерть». Пошелъ на другой день Мировичъ къ нему, Бахтину, въ квартиру нарочно вывѣдать, можетъ ли оный Бахтинъ къ тому иногда склоннымъ себя оказать и потому имъ, Мировичемъ, къ своему намѣренію приведеннымъ быть; но не увидѣвъ отъ него, Бахтина, ни малѣйшаго отзыва и не примѣтивъ ни тогда, ни передъ тѣмъ, ни послѣ того, никакого въ немъ къ тому въ его, Мировича, предпріятіяхъ согласнаго поступка, далѣе о себѣ въ томъ ему открываться и искушать оставилъ».

Между тѣмъ время шло. 20-го іюня Екатерина уѣхала въ Лифляндію. Если Мировичъ «свое предпріятіе исполнить

---

[1]) «Въ которомъ лакея Касаткина показаніи подпоручикъ Мировичъ не только не заперся, но съ очной ставки въ томъ точно во всемъ признался и утвердился». *Экстрактъ*, въ Приложеніяхъ, VII, 6.

и совершить вознамѣрился» именно во время отсутствія императрицы, то долженъ былъ торопиться. Съ 1-го іюля, «хотя ему, Мировичу, очереди и не было, но вмѣсто другого офицера въ крѣпость шлюссельбургскую на караулъ стать домогался». Его домогательство исполнилось 3-го же іюля. По собственному сознанію Мировича, онъ въ то время «не имѣлъ какъ изъ постороннихъ, такъ и изъ караульной команды себѣ сообщниковъ или къ предпріятію его приглашенныхъ», и, тѣмъ не менѣе, твердо рѣшился «во время онаго на караулѣ стоянія свое предпріятіе въ дѣло произвесть».

Во всемъ слѣдственномъ производствѣ нѣтъ ни малѣйшаго указанія, что дѣлалъ и какъ провелъ Мировичъ день 3-го іюля, приходившійся въ 1764 году въ субботу. Извѣстно только, что Мировичъ занялъ въ этотъ день караулъ въ шлюссельбургской крѣпости. Но канунъ «шлюссельбургскаго бунта» разработанъ слѣдователемъ до мельчайшихъ подробностей: генералъ Веймарнъ прослѣдилъ шагъ за шагомъ всѣ поступки, движенія, рѣчи и разговоръ Мировича во весь день, предшествовавшій «исполненію предпріятія».

Это было воскресенье, 4-го іюля. «Часу въ 10-мъ пополуночи пріѣхали въ крѣпость шлюссельбургскую изъ-за рѣки, съ форштадта, четыре человѣка»—канцеляріи отъ строеній капитанъ Загряжскій, подпоручикъ изъ грузинъ князь Семенъ Чефаридзевъ, регистраторъ Василій Безсоновъ и купецъ Шелудяковъ—отстояли обѣдню и изъ церкви прошли къ коменданту, «куда и Мировичъ былъ приглашенъ». Здѣсь, въ комендантскихъ покояхъ, Мировичъ, за закускою и чаемъ, познакомился съ княземъ Чефаридзевымъ. Разговорившись, они вышли на крыльцо комендантскаго дома, и князь Чефаридзевъ сказалъ, между прочимъ, Мировичу, «безъ всякаго его начинанія», совершенно случайно: «Здѣсь, вѣдь, содержится Иванъ Антоновичъ. Будучи еще сенатскимъ юнкеромъ, я объ немъ отъ сенатскихъ подъячихъ разныя обстоятельства свѣдалъ». Мировичъ отвѣтилъ: «Я давно знаю, что онъ здѣсь содержится». Въ показаніи Мировича глухо сказано: «а потомъ и прочіе у насъ съ княземъ разговоры, единственно касавшіеся до той же особы, происходили». Какіе же

разговоры? Приводимъ ихъ изъ показанія [1]) князя Чефаридзева:

«Поговоривъ на крыльцѣ, вошли паки въ комендантскіе покои, откуда при комендантѣ, въ провожаніи всѣхъ особъ, пошли по крѣпости, а Мировичъ, для отпиранія проломныхъ воротъ напередъ пошелъ, а какъ взошли на сдѣланныя въ замкѣ на подобіе галлереи перильца, то, увидя сверху внизу недостроенныя каменныя палаты, я спросилъ по любопытству у Мировича, на что онъ сказалъ: это построенъ былъ бывшимъ императоромъ Петромъ Третьимъ цейхгаузъ или магазейнъ, а оный построенъ былъ не болѣе время какъ въ мѣсяцъ или въ пять недѣль». Пошли еще выше, въ башню, а оттуда сошедъ и вышедъ изъ проломныхъ воротъ, шли вдвоемъ же по крѣпости, гдѣ я спросилъ Мировича: «Въ которыхъ именно комнатахъ содержится Иванъ Антоновичъ?» На что Мировичъ и сказалъ: «Примѣчай, какъ я тебѣ на которую сторону головой кивну, то на ту сторону смотри: гдѣ увидишь переходъ черезъ каналъ, тутъ и содержится». А оттуда до покоевъ комендантскихъ шли безъ всякихъ разговоровъ, а по приходѣ туда, малое время посидѣвъ, паки вышли на крыльцо, и я сказалъ Мировичу про Ивана Антоновича: «Вотъ этотъ человѣкъ безвинный, отъ самыхъ ребяческихъ лѣтъ содержится». На что Мировичъ сказалъ: «Это правда; очень жалокъ». Потомъ и далѣе у него спрашивалъ: «Есть ли у онаго арестанта въ покояхъ свѣтъ? Какая ему пища идетъ? Разговариваетъ ли кто съ нимъ?» На что Мировичъ сказалъ: «Свѣту никакого нѣтъ, а днемъ и ночью всегда огонь; кушанья же и напитковъ весьма довольно ему идетъ, для чего и придворный поваръ здѣсь находится; также случается, что онъ разговариваетъ съ караульными офицерами». Еще спросилъ: «Забавляется ли онъ чѣмъ?» На что Мировичъ сказалъ: «Какъ обученъ то забавляется чтеніемъ книгъ, а по случаю комендантъ ему и газеты читать носить» [2]). При томъ я Мировичу и то сказалъ про

---

[1]) «Съ чѣмъ съ очной ставки данной съ Чефаридзевымъ, Мировичъ во всемъ признался, и на томъ его, Чефаридзева, отвѣтѣ утвердился». Ibid.

[2]) Спрошенный по этому поводу Мировичъ показалъ: «Все оное онъ не посредствомъ кого-либо зналъ и не развѣдалъ, но только единственно доходя своею догадкою, а коменданта онъ никогда, чтобъ онъ носилъ къ той

Ивана Антоновича: «Его, вѣдь, можно и его высочествомъ назвать»; на что Мировичъ и сказалъ: «Безспорно можно». Потомъ Мировичъ, взявъ его къ себѣ въ офицерскую кордегардію, между посторонниxъ разговоровъ, говорилъ: «Да, жаль, что у насъ солдатство несогласно и загонено, а ежели бы были бравы, то бы Ивана Антоновича оттуда выхватилъ и, посадя на шлюпку, прямо прибылъ въ Петербургъ къ артиллерійскому лагерю представилъ». «Чтожъ бы это значило?» «А чтобъ это значило? То значило бы, какъ бы привезъ туда, то окружили бы его съ радостью». И тѣмъ окончивъ рѣчи, пошли къ коменданту, откуда съ регистраторомъ Безсоновымъ вышелъ, ходили за крѣпостью; оттуда съ Безсоновымъ возвратились и у коменданта откушавъ, съ прочими пріѣзжими пошли изъ крѣпости вонъ. Идучи съ Мировичемъ позади всѣхъ, я сказалъ ему въ разумѣ томъ, чтобъ не попался онъ въ бѣду: «Смотри, братъ?» а онъ на то отвѣтствовалъ: «Я давно смотрю, и сожалѣю, что времени недостаетъ поговорить, да къ тому же у насъ и солдатство несогласно и не скоро его къ тому приведешь». Противу чего я ему отвѣчалъ: «Это правда, и я знаю». И съ тѣмъ разстались.

Комендантъ крѣпости, полковникъ Бередниковъ, провожалъ своихъ гостей изъ крѣпости въ форштадтъ, и когда, «не больше какъ въ полчаса времени», возвратился опять въ крѣпость, то замѣтилъ, что Мировичъ «по крѣпости расхаживаетъ». Былъ пятый часъ по полудни. Мировичъ, увидѣвъ передъ крыльцомъ той казармы, гдѣ содержался Иванъ Антоновичъ, капитана Власьева, приблизился къ нему и, «по учиненіи взаимственно поклоненія», началъ съ нимъ «прохаживаться по галлереи». При этомъ Мировичъ, «безъ всякаго Власьевымъ къ тому даннаго повода, началъ въ своихъ намѣреніяхъ открываться такимъ образомъ, что не погубитъ ли онъ Мировича прежде предпріятія его? На что Власьевъ, не допустя далѣе до разговору, тое рѣчь прервалъ и сказалъ, что когда оно такое, чтобъ къ погибели его, Мировича, слѣдовало, то онъ не только внимать, ниже слышать о томъ не хочетъ». Послѣ этого они уже, молча, пошли на

особѣ газеты, не видѣлъ, а чтобъ разговоры офицеры съ той особою когда какіе чинили не знаетъ». *Госуд. Архивъ,* VI, 400, ч. 3, л. 18.

пристань, и, «немного тамо посидѣвъ», возвратились въ крѣпость. Въ воротахъ, Мировичъ звалъ Власьева «въ свою кордегардію посидѣть», отчего Власьевъ отказался, говоря, что «имъ никогда и ни къ кому ходить не можно».

Теперь только, уже въ вечеру, Мировичъ остался одинъ въ кордегардіи. Что онъ тамъ дѣлаетъ? Онъ весь поглощенъ своимъ «предпріятіемъ». Какъ кошмаръ душитъ его заманчивый замыселъ. Онъ ни на чемъ не можетъ сосредоточиться; ему грезится успѣхъ затѣи, и—богатство, почетъ, величіе. Ни дружеское предостереженіе князя Чефаридзева, ни рѣзкій отпоръ Власьева даже не толкнули его мыслей на возможность неудачи. Все такъ зрѣло обдумано, такъ всесторонне предусмотрѣно—что же можетъ помѣшать успѣху? откуда явятся непредусмотрѣнныя препятствія? Онъ и не думалъ о препятствіяхъ, которыя могутъ представиться, ни о затрудненіяхъ, которыя придется преодолѣвать—онъ только мечтаетъ объ успѣхѣ и о послѣдствіяхъ удачи. Вотъ, подъ подушкою, приготовленныя бумаги—манифестъ, письмо, присяга—все въ порядкѣ. Ему видится уже Иванъ Антоновичъ въ Петербургѣ, уже признанный артиллерійскимъ лагеремъ «съ радостію», новому императору уже присягаютъ... а дальше что? на кого опереться? И Мировичъ, «въ запасъ, егда его предпріятіе къ тому концу дѣйствительно дойдетъ, то къ подкрѣпленію его тамо дальнихъ производствъ» трудится теперь, вечеромъ 4-го іюля, въ кордегардіи, надъ составленіемъ «отъ имени Ивана Антоновича указа смоленскаго пѣхотнаго полка полковнику Римскому-Корсакову о слѣдованіи ему съ полкомъ въ Санктпетербургъ къ лѣтнему ея императорскаго величества дворцу». Почему же именно въ смоленскій полкъ, гдѣ и почеркъ-то Мировича знаютъ, и гдѣ, какъ ему показала встрѣча съ Бахтинымъ, нѣтъ сочувствующихъ его предпріятію? Да просто потому, что ему выбора нѣтъ: другихъ полковъ онъ не знаетъ точно, ни гдѣ они расположены, ни кто въ нихъ командиры.

Занятый своею «неотвязчивою мыслью», Мировичъ, не чувствуетъ усталости и даже комендантское вино, выпитое за обѣдомъ [1]), на него не дѣйствуетъ: «онъ остается твердъ

---

[1]) Князь Чефаридзевъ показалъ, что намѣревался донести «кому-нибудь

въ намѣреніи, чтобъ всеконечно и непремѣнно его предпріятіе въ томъ его въ караулѣ стояніи и въ самыхъ малыхъ дняхъ въ дѣйство произвесть, хотя не въ эту ночь». Это «предпріятіе», однако, можетъ быть исполнено подъ его руководствомъ, ни кѣмъ инымъ, какъ солдатами его караульной команды, и Мировичъ начинаетъ «пріуготовлять» свою команду. Онъ зоветъ къ себѣ въ кордегардію, по одиночкѣ, сперва своего вѣстового, «находящагося на вѣстяхъ солдата», Якова Писклова, за нимъ—солдата Матвѣя Босова, потомъ «всѣхъ стоящихъ на караулѣ трехъ капраловъ»—Андрея Кренева, Николая Осипова, Абакума Миронова. Съ каждымъ изъ этихъ солдатъ онъ продѣлывалъ одно и то же: «напередъ обласкавая дружескою ласкою, скажетъ ему прямо, что здѣсь содержится государь Иванъ Антоновичъ и уговариваетъ его въ свое намѣреніе, прибавляя къ тому, что и солдаты согласны и чтобъ онъ и другихъ, знакомыхъ ему, къ тому склонивалъ» и отъ каждаго обласканнаго солдата получаетъ одинъ и тотъ же отвѣтъ: «ежели солдатство согласно, то и онъ не отстанетъ».

Такіе нехитрые переговоры между подчиненными солдатами и начальствующимъ офицеромъ заняли время до «пробитія тапты или вечерней зори». Когда уже пробили зорю, Мировичъ, «не запирая у воротъ калитки», пригласилъ трехъ капраловъ—Кренева, Осипова и Миронова—прогуляться съ нимъ вокругъ крѣпости. Во время этой прогулки, онъ «прежній имъ чинимый подговоръ повторилъ» уже всѣмъ вмѣстѣ; на что подневольные собесѣдники, послѣ нѣкоторыхъ колебаній, дали свое согласіе «токмо единственно наружнымъ видомъ, а отнюдь не въ самую истину, чтобъ то учинить, а по одной той причинѣ, чтобъ скорѣе отъ него, Мировича, отойти». Возвратившись съ прогулки, Мировичъ прошелъ прямо въ офицерскую кордегардію, раздѣлся и легъ спать.

Мировичъ вовсе и не думалъ «преднамѣреніе свое исполнить» именно въ эту ночь. Напротивъ, засыпая, онъ рѣшилъ, что для успѣха предпріятія ему необходимо увеличить число

изъ знатныхъ особъ» о слышанныхъ имъ отъ Мировича рѣчахъ, но онъ «въ тотъ день былъ отъ пьяныхъ напитковъ такъ отягощенъ, что не въ состояніи нашелся и на другой день за приключившимся ему отъ того припадкомъ донесть». Ibid. л. 31.

своихъ сторонниковъ среди солдатъ. Вотъ какъ записаны въ протоколѣ эти соображенія Мировича на сонъ грядущій: «И хотя такимъ къ заговору склоненіемъ капраловъ и солдатъ онъ предъуготовилъ, но со всѣмъ тѣмъ, лаская себя, что капитанъ Власьевъ сказанныя ему имъ рѣчи уважать и какого-либо изъ нихъ употребленія сдѣлать не можетъ, то ту ночь къ исполненію своего намѣренія, дабы себѣ между солдатствомъ еще болѣе къ видамъ его благосклонныхъ приумножить, употреблять не полагалъ». Въ самомъ дѣлѣ что же сказалъ Мировичъ Власьеву? Въ чемъ открылся? Въ его вопросѣ, не погубитъ ли его Власьевъ, не было и нѣтъ никакого преступнаго признанія. Мировичъ могъ спать спокойно.

Но ему не спалось. Впечатлѣнія ли, пережитыя имъ въ этотъ день, вино ли, выпитое у коменданта, или то и другое вмѣстѣ волновало Мировича, но онъ, лежа въ постели, слышалъ, какъ часы пробили полночь, потомъ часъ по полуночи. Ему все не спалось. Позже, ему уже не дали уснуть.

Въ самомъ началѣ второго часа ночи, пришелъ въ кордегардію фурьеръ Лебедевъ и объявилъ Мировичу, что комендантъ приказалъ, «не безпокоя его, Мировича», пропустить изъ крѣпости гребцовъ; въ половинѣ второго, является тотъ же Лебедевъ — комендантъ приказалъ пропустить въ крѣпость канцеляриста и гребцовъ; черезъ нѣсколько минутъ входитъ опять Лебедевъ—комендантъ приказалъ пропустить изъ крѣпости обратно гребцовъ. Три пропуска въ теченіе получаса, глухою ночью—это уже слишкомъ! Мировичу приходитъ мысль, что капитанъ Власьевъ передалъ коменданту Бередникову его слова и теперь комендантъ шлетъ гонца за гонцомъ въ Петербургъ съ доносами на Мировича. Разгоряченное воображеніе рисуетъ ему картину его гибели, и спасая себя, Мировичъ рѣшается освободить Ивана Антоновича въ эту же ночь, тотчасъ же.

Въ исходѣ второго часа ночи, Мировичъ, полураздѣтый, схватилъ свой мундиръ, шарфъ, шпагу, шляпу, сбѣжалъ изъ кордегардіи внизъ, къ солдатскую караульню, и скомандовалъ: «къ ружью!» Караульня была маленькая, въ ней находилась только часть солдатъ, остальные размѣщались по другимъ зданіямъ. Проснувшіеся въ караульнѣ солдаты бросились

будить и созывать своихъ товарищей. Тѣмъ временемъ Мировичъ одѣлся. Ставъ передъ фронтомъ собравшейся команды, Мировичъ приказалъ заряжать ружья «съ пулями», а капрала Кренева съ однимъ солдатомъ послалъ «къ воротамъ, къ калиткѣ», приказавъ никого не пропускать ни въ крѣпость, ни изъ крѣпости. Командныя слова отдавались громко, ружья заряжались съ шумомъ—Бередниковъ, въ халатѣ, выскочилъ на крыльцо и, увидя Мировича, закричалъ ему: «Для чего такъ безъ приказу во фронтъ становятся и ружья заряжаютъ?» Мировичъ бросился на коменданта, ударилъ его ружейнымъ прикладомъ въ лобъ «столь сильно, что разбивши оный съ поврежденіемъ черепа до крови, его въ безпамятствѣ учинилъ», приговаривая: «Что ты здѣсь держишь невиннаго государя!» Онъ схватилъ коменданта за воротъ халата и отдалъ солдатамъ своей команды подъ караулъ, строго запретивъ не только разговаривать съ нимъ, но и выслушивать его рѣчи.

Бунтъ начался.

Вслѣдъ за арестованіемъ коменданта, Мировичъ, перестроивъ команду изъ «четырехъ-шеренгнаго фронта» въ три шеренги, повелъ свою команду къ «той казармѣ, гдѣ гарнизонная команда состояла». На окликъ: «кто идетъ?» Мировичъ отвѣчалъ: «иду къ государю». Какъ только Мировичъ сталъ подходить къ мѣсту расположенія гарнизонной команды, раздался сперва одинъ выстрѣлъ часового, потомъ залпъ «всего фронта». Мировичъ тоже приказалъ «выпалить всѣмъ фронтомъ». Караульная команда исполнила приказъ своего офицера—выпалила, «а какъ выпалила, то вся врознь разсыпалась». Среди солдатъ возникло недоумѣніе, прошелъ ропотъ. Русскій солдатъ не любитъ стрѣлять въ своихъ. Отступая «отъ приступнаго мѣста», солдаты собрались близъ склада пожарныхъ инструментовъ и требовали у Мировича «вида по чему поступать». Мировичъ успокаивалъ солдатъ увѣреніемъ, что имѣетъ «вѣрный видъ». Одного увѣренія оказалось недостаточно. Мировичъ побѣжалъ въ кордегардію, взялъ спрятанный въ расщелинѣ манифестъ отъ имени Ивана Антоновича и прочиталъ командѣ «однѣ тѣ только выраженія, которыя больше команду тронуть и къ намѣренному предпріятію возбудить могли». Солдаты сознавались,

что «хоть Мировичемъ указъ и былъ читанъ, но въ какомъ оной содержанiи и къ чему клонится, никто понять не могли». Для Мировича, вовсе не знавшаго гдѣ именно содержится Иванъ Антоновичъ и какъ охраняется, возникъ вопросъ: продолжать ли перестрѣлку съ гарнизономъ или прекратить? Мировичъ опасался, что ружейная пуля можетъ «застрѣлить оную персону». Онъ запретилъ своимъ стрѣлять. Въ то же время, онъ кричалъ гарнизонной командѣ, чтобъ она «не палила», въ противномъ случаѣ стращалъ пушкою; онъ посылалъ для переговоровъ солдатъ—ничто не помогло: гарнизонная команда отвѣчала, что «палить будетъ». Нечего дѣлать, пришлось «устращивать пушкою». Мировичъ побѣжалъ въ комендантскiе покои за ключами; потомъ съ солдатами—на бастiонъ за пушкою. Привезли пушку, мѣдную, шестифунтовую — нѣтъ пороха и снарядовъ. Мировичъ, съ другими же солдатами, бѣжитъ къ пороховому погребу. Среди этой бѣготни по крѣпости, Мировичъ кричалъ всѣмъ, встрѣчавшимся часовымъ, чтобы зарядили ружья и ни въ крѣпость, ни изъ крѣпости никого не пропускали, «а кто прорвется и поѣдетъ по рѣкѣ въ лодкахъ по тѣхъ стрѣлять». Изъ порохового погреба брали все «безъ мѣры и вѣсу» и, наконецъ, притащили къ «приступному мѣсту», гдѣ стояла уже пушка, «пороху половину капiармуса, фитилю палительнаго кусокъ, пакли на пыжи, тожъ и шесть шестифунтовыхъ ядеръ». Прибѣжалъ къ «приступному мѣсту» и Мировичъ. Что-жъ онъ будетъ дѣлать? Онъ опасался, какъ бы ружейнымъ выстрѣломъ не убить Ивана Антоновича, такъ ужъ изъ пушки палить и вовсе не годилось. Мировичъ такъ распорядился: онъ громко приказалъ заряжать пушку и, въ то же время, «захватя гарнизоннаго солдата Иштирякова, велѣлъ ему идти къ гарнизонной командѣ и сказать, чтобъ не палили, а буде сей послѣднiй разъ будутъ палить, то уже неотмѣнно увидятъ, что изъ пушки по нихъ будутъ бить». Черезъ нѣсколько минутъ сержантъ Иштиряковъ возвратился и объявилъ, что «они палить не будутъ». Почему?

Капитанъ Власьевъ и поручикъ Чекинъ давно ужъ ищутъ случая освободиться отъ «каторжнаго заключенiя» въ одной казармѣ съ Иваномъ Антоновичемъ. Они просили, они умоляли Панина смѣнить ихъ съ «тяжкаго поста» — Панинъ

обѣщалъ снять съ нихъ эту обузу не позже весны, но уже іюль, а они все еще въ заточеніи. Очевидно: пока живъ «арестантъ», имъ повѣренный, ихъ не выпустятъ изъ крѣпости. Теперь представлялся случай добыть себѣ свободу вполнѣ законнымъ путемъ: «ежели случится — сказано въ инструкціи,—чтобъ кто пришелъ съ командою или одинъ и захотѣлъ арестанта у васъ взять, то онаго арестанта никому не отдавать и почитать все то за непріятельскую руку; буде же такъ оная сильна будетъ рука, что опастись не можно, то арестанта умертвить». Теперь непріятельская рука явилась, и не одна, а «съ командою», уже и пушку заряжаютъ—неужели они не воспользуются такимъ случаемъ? Власьевъ и Чекинъ на слѣдствіи показали: «какъ они увидали, что привезенную пушку заряжать стали, и дѣйствительно зарядили, въ такомъ случаѣ видя сей страхъ и не находя себя инако въ состояніи быть, какъ только для спасенія всей команды отъ напрасной и безвременной смерти, сему внутреннему и сугубо злѣйшему непріятелю уступить, но не ранѣе того, какъ уже та особа, полученіемъ коей Мировичъ себя ласкалъ и за главнѣйшую себѣ добычу имѣть поставлялъ, жизнію отъ нихъ истреблена была, а по учиненіи сего [1]) неминуемаго поступка и егда сержантъ Ишти-

[1]) О томъ, какъ «сіе учинено» было есть только три современныя показанія: 1) ундеръ-офицеръ Ладожскаго канальнаго баталіона Жемчужковъ разсказывалъ, что бывшій при арестантѣ приставомъ «офицеръ тово Івана Антоновича имѣющеюся при себѣ *шпагою чрезъ три язвы закололъ до смерти*», при чемъ Жемчужковъ сознался, что весь свой разсказъ онъ «отъ своего вымыслу и съ одной догадки затеялъ» (*Госуд. Архивъ*, VI, 400, ч. 3, № 10); 2) въ депешѣ гр. *Сакена* отъ 24 іюля, сказано: Le prince Iwan dormoit tranquillement, lorsqu'il reçut le premier coup d'épée. Il ne s'eveillat qu'au second. Il chercha alors inutilement à se défendre et à tenter de se saisir de l'épée de l'officier. Son corps est couvert de *huit blessures, dont quatre paroissent morles* (*Дрезд. Архивъ*, 1764 vol. I, № 61); и 3) англійскій посланникъ гр. *Букингэмъ*, въ депешѣ отъ 20-го іюля, сообщаетъ: The frist stab awaked the umfortunate youth, who was asleep in bed. He made so stout a resistance, as to break one of their swords and received *eight wounds* before he expired (*Grimblot*, 235; *Сборникъ* XII, 171); Въ 1771-мъ году этотъ эпизодъ разсказывался уже съ такими подробностями: Der erste Stich, welchen sie ihm in der Verwirrung gaben, gieng ins dicke Bein, und der folgende in den Arm, welchen der von dem ersten Stich erwachte Prinz verhütét; die folgenden aber trafen seine Brust und das Herz, und tödteten ihn (*Büsching*, VI, 534).

ряковъ прибѣжавъ, сказывалъ, что по нихъ изъ пушекъ палить будутъ, то потому отъ нихъ и сказано, что они палить не будутъ».

Обрадовался Мировичъ, услыхавъ, что палить не будутъ. Немедленно двинулся онъ со всею командою къ казармѣ; на галлереѣ онъ столкнулся съ поручикомъ Чекинымъ. Мировичъ схватилъ его за руку и потащилъ въ сѣни, спрашивая: «Гдѣ государь?» Чекинъ отвѣтилъ: «У насъ государыня, а не государь». Мировичъ, сильно толкнувъ его въ затылокъ, вскричалъ: «Пойди, укажи государя, отпирай двери». Чекинъ отперъ дверь каземата—темно. Побѣжали за огнемъ. Лѣвою рукою Мировичъ держалъ Чекина за воротъ; въ правой у него было ружье со штыкомъ. Въ ожиданіи огня, Мировичъ сказалъ Чекину: «Другой бы тебя, каналья, давно закололъ». Принесли огонь. Мировичъ вскочилъ въ казематъ и остолбенѣлъ—среди каземата, на полу, въ лужѣ крови, валялось мертвое тѣло! Изъ-за Мировича безучастно смотрѣли на теплый еще трупъ капитанъ Власьевъ и поручикъ Чекинъ...

«Ахъ вы, безсовѣстные—сказалъ имъ Мировичъ—за что вы невинную кровь такого человѣка пролили?» Власьевъ и Чекинъ спокойно отвѣчали: «Какой онъ человѣкъ — мы не знаемъ; только то знаемъ, что онъ арестантъ. А кто надъ нимъ что сдѣлалъ, тотъ поступилъ *по присяжной* должности» [1]). Даже солдаты содрогнулись при видѣ, дѣйствительно, ужаснаго зрѣлища.

Въ иномъ видѣ убійство описывалось въ 1880 году: Iwan trouva des forces dans son désespoir et, quoique nu, il se défendit assez long-temps. Ayant le main droit percée et le corps couvert de blessures, il saisit l'épée d'un de ces monstres et la brisa; mais tandis qu'il se débattoit pour lui en arracher le tronçon, l'autre le poignarda par derrière et le renversa. Celui dont l'épée étoit cassée acheva de lui ôter la vie à coups de baïonnette (*Castéra* II, 87). Встрѣчаются еще и другіе разсказы (*Iwan*, 33; *Saldern*, 217); но дѣло въ томъ, что сами убійцы не сообщили въ своемъ донесеніи никакихъ по этому поводу подробностей (*Госуд. Архивъ*, VI, 400, ч. I,; Приложенія, VII, 4, 5).

[1]) Относительно этого пункта въ показаніяхъ встрѣчается значительное разнорѣчіе, которое слѣдствіемъ *не могло быть* выяснено. Мировичъ показалъ, что Власьевъ и Чекинъ сказали ему, что они убили Ивана Антоновича «по указу» и подали Мировичу бумагу, которую онъ не взялъ и, поэтому не читалъ; Власьевъ и Чекинъ, напротивъ, утаили при допросахъ, что

Мировичъ приблизился къ трупу, сталъ на колѣни, поцѣловалъ руку и ногу мертвеца. По его приказанію, солдаты положили мертвое тѣло на кровать, вынесли изъ казармы, перенесли черезъ «канальный переходъ» и остановились: солдаты недоумѣвали, какимъ образомъ убійцы остаются на свободѣ, и спрашивали Мировича, не прикажетъ ли онъ взять ихъ подъ караулъ. Мировичъ не приказалъ, говоря солдатамъ, что «они и такъ не уйдутъ». Опять подняли солдаты кровать съ мертвецомъ, и по крѣпости двинулась печальная процессія: впереди трупъ, сопровождаемый «всей въ разстройкѣ находящейся командой», за трупомъ Мировичъ, поодаль—капитанъ Власьевъ и поручикъ Чекинъ подъ надзоромъ нѣсколькихъ солдатъ. Процессія приблизилась къ фронтовому мѣсту. По приказанію Мировича мертвое тѣло поставили передъ фронтомъ; команда построилась въ четыре шеренги. «Теперь — сказалъ Мировичъ — отдамъ послѣдній долгъ своего офицерства». Онъ велѣлъ бить утренній побудокъ; потомъ приказалъ командѣ сдѣлать въ честь мертваго тѣла на караулъ; наконецъ, скомандовалъ бить полный походъ, при чемъ самъ первый салютовалъ. Отдавъ трупу

имѣли указъ умертвить «арестанта»; сознаваясь въ своихъ словахъ Мировичу, что они поступили «по приказу», Власьевъ прибавлялъ: «только онаго указа я никогда и ни откуда не имѣлъ, слѣдственно у меня какъ въ рукахъ не было, такъ и показывать было нечего, а сказали мы объ указѣ отъ смертнаго страха» (*Госуд. Архивъ*, VI, 400, ч. 3-я). Теперь это разнорѣчіе объясняется весьма просто: Власьевъ и Чекинъ имѣли «указъ»—инструкцію, но въ этомъ же указѣ предписывалось имъ никому и никогда объ этой инструкціи ничего не говорить. Когда Мировичъ наступалъ на нихъ, требуя отчета въ совершенномъ ими убійствѣ, они дѣйствительно «отъ страха», что раздраженный неудачею Мировичъ способенъ и ихъ убить, упомянули объ указѣ, но подавать бумагу Мировичу они не могли: инструкціи хранились ими весьма тщательно и бережно, они не могли носить ее съ собою и поэтому въ данный моментъ показывать ее Мировичу. Подлинная инструкція, подписанная Панинымъ, по пунктамъ, сохранялась въ такомъ хорошемъ видѣ, что, очевидно, ее берегли, не трепали по карманамъ. Есть извѣстіе, будто Власьевъ и Чекинъ сообщили Мировичу на словахъ содержаніе указа: They told Mirowitz, that, if he persisted, it would endanger the Prince's life, as their instructions were, in case they found their efforts to guarb him ineffectual, immediately to put him to death (Изъ депеши гр. *Букингэма* отъ 20 іюля 1764 года, *Сборникъ*, XII, 171; *Raumer*, II, 552).

воинскія почести, Мировичъ приблизился къ мертвому тѣлу, поцѣловалъ холодѣвшую уже руку и, обращаясь къ солдатамъ, сказалъ: «Вотъ, братцы, нашъ государь Іоаннъ Антоновичъ. Теперь мы не столь счастливы, какъ безсчастны, а всѣхъ больше за то я претерплю. Вы не виноваты—вы не вѣдали, что я хотѣлъ сдѣлать. Я уже за всѣхъ отвѣтствовать и всѣ мученія на себѣ сносить долженъ».

Мировичъ не зналъ, что дѣлать дальше. Онъ, видимо, не приготовилъ себя къ такому исходу предпріятія. Мировичъ сталъ обходить шеренги и цѣловать рядовыхъ. Онъ обошелъ уже и перецѣловалъ три переднія шеренги, кончалъ и четвертую, когда солдаты одумались: Капралъ Мироновъ подошелъ къ Мировичу сзади и взялся за его шпагу; Мировичъ заявилъ, что отдастъ шпагу только коменданту; но капралъ, «на то не взирая», съ помощью солдатъ снялъ съ него шпагу. Вскорѣ подошелъ и комендантъ: онъ сорвалъ съ Мировича «офицерскій знакъ» и отдалъ «бунтовщика» подъ караулъ при фронтѣ.

Бунтъ окончился.

III.

Безвинный, безобидный, ни на что неспособный Иванъ III Антоновичъ родился, жилъ и умеръ коронованнымъ мученикомъ деспотизма. Съ колыбели и до могилы, въ теченіе 24 лѣтъ, онъ всегда былъ только слѣпымъ, безсознательнымъ орудіемъ политическихъ страстей; никто не хотѣлъ видѣть въ немъ человѣка, для всѣхъ онъ былъ политическимъ «фантомомъ». Ему было два мѣсяца, когда родная мать, ради своихъ честолюбивыхъ цѣлей, обрекла его на «безчеловѣчныя» мученія; ему не было и двухъ лѣтъ, когда императрица Елизавета, по своимъ политическимъ видамъ, осудила его на пожизненное заключеніе; онъ былъ и убитъ потому, что какой-то армейскій подпоручикъ избралъ его орудіемъ своихъ честолюбивыхъ замысловъ.

Какъ только Мировичъ былъ арестованъ солдатами, комендантъ Бередниковъ, солдатами же освобожденный изъ подъ караула, послалъ за командиромъ смоленскаго пѣхотнаго полка. Полковникъ Римскій-Корсаковъ явился въ сопровожденіи секундъ-майора Кудряваго. Когда они подхо-

дили къ фронтовому мѣсту, Мировичъ сказалъ командиру своего полка: «Быть можетъ, вы не видѣли живого Ивана Антоновича, такъ теперь мертваго увидите—онъ уже теперь не тѣломъ, а духомъ кланяется вамъ». Римскій-Корсаковъ, не останавливаясь и не слушая, прошелъ мимо въ комендантскіе покои. Вскорѣ прибылъ и «секурсъ»: согласно приказу, ежегодно повторявшемуся, поручикъ Власьевъ и прапорщикъ Жегловъ, бывшіе въ ту ночь дежурными по полку, услышавъ ружейную пальбу въ крѣпости, наскоро собрали команду въ 23 человѣка и на шхерботѣ и одной лодкѣ приплыли въ крѣпость [1]). Секурсъ, какъ и всегда, опоздалъ. Однако, «по справедливому на караульную смоленскаго полка команду сомнѣнію, комендантомъ оная секурсная команда оставлена и для лучшей безопасности особымъ пикетомъ разставлена была».

По возстановленіи полной тишины, прежде всего, были отправлены рапорты о «приключившемся бунтѣ» въ Царское Село, Н. И. Панину. Потомъ, комендантъ Шлюссельбургской крѣпости и командиръ смоленскаго полка озаботились каждый о своихъ людяхъ. По сдѣланной перекличкѣ, всѣ люди оказались на лицо, здравы и невредимы, несмотря на перестрѣлку. Въ протоколѣ объ этомъ записано въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «И хотя въ караульной подъ предводительствомъ Мировича командѣ дѣйствительно тридцать восемь человѣкъ точно дѣйствующихъ, а гарнизонной команды всѣхъ чиновъ шестнадцать человѣкъ было и всѣми оными съ обѣихъ сторонъ во время того мятежа выпалено было патроновъ съ пулями сто двадцать четыре, но со всѣмъ тѣмъ ни одного человѣка раненаго, а меньше еще убитаго, ни въ которой командѣ не имѣлось, что не иному приписать можно, какъ по части тогда чрезвычайно велико стоя-

---

[1]) «Порутчикъ Власьевъ и прапорщикъ Жегловъ, услышавъ той ночи ружейную въ крепости пальбу, собрали свою оставшуюся команду, состоящую въ одномъ поручике, прапорщике, одномъ сержанте и двадцати двухъ человѣкъ солдатъ, въ силу прежде отданныхъ коммендантомъ, въ случае тревоги, приказовъ, дѣйствительно оружейными въ двухъ судахъ, а имянно на шерботе и лодке севши къ крепости Шлюссельбургской пріехали, и во оную вошли тогда, когда уже смятеніе прекратилось». *Госуд. Архивъ,* VI, 400, ч. 3, № 10-й.

щему туману [1]), по части жъ, что фронтовая команда на высокомъ, гарнизонная же въ низкомъ и нѣсколько покрытомъ мѣстѣ состояли, а еще и ночной порѣ, когда люди, отъ сна вставши, по большей части можетъ не вовсе въ настоящую память вошли». Объясненія не измѣняютъ факта: была пролита кровь, но не того, въ кого стрѣляли.

Сообщенія въ то время были довольно медленны [2]), и только на другой день, 6-го іюля, «предъ полуднемъ», Панинъ прочелъ рапортъ коменданта Бередникова и донесенія Власьева и Чекина. Онъ немедленно сдѣлалъ необходимыя распоряженія, командировалъ подполковника Кашкина въ Шлюссельбургъ, чтобы составить, по первому же допросу Мировича, протоколъ о всемъ случившемся, приказалъ похоронить «мертвое тѣло» [3]) и послалъ подробный докладъ императрицѣ въ Ригу.

---

[1]) Въ «репортѣ артиллеріи поручика Семена Рудомазина», отъ 5-го іюля сказано: «і въ то время отъ воли Божией сильной былъ туманъ». (*Гогуд. Архивъ*, VI, 400, ч. I-я).

[2]) Въ рапортѣ И. И. Веймарна Н. И. Панину сказано, между прочимъ: «изъ Петербурга 13-го іюля по полуночи въ 10-мъ часу отправился и въ крѣпость Шлюссельбургскую прибылъ тогожъ числа по полудни въ седьмомъ часу» (*Госуд. Архивъ*, VI, 400, ч. I-я, № 27), т.-е. на переѣздъ изъ Петербурга въ Шлюссельбургъ потребовалось девять часовъ. Панинъ въ это время жилъ въ Царскомъ Селѣ, что увеличивало разстояніе еще часа на три. Этимъ объясняется, что донесеніе о Шлюссельбургской катастрофѣ Панинъ прочелъ только 6-го іюля, утромъ: донесеніе, вѣроятно, пришло ночью, когда Панинъ уже спалъ.

[3]) Въ письмѣ Панина къ Бередникову, отъ 6-го іюля: «P. S. Мертвое тѣло безумнаго арестанта, по поводу котораго произошло возмущеніе, имѣете вы сего же числа въ ночь съ городскимъ священникомъ въ крепости вашей предать землѣ, въ церквѣ или въ какомъ другомъ мѣсте, где бы не было солнечнаго зноя и теплоты. Нести же его въ самой тишинѣ нѣсколькимъ изъ техъ солдатъ, которые были у него на караулѣ, дабы, какъ оставляемое предъ глазами простыхъ и въ движенія приведенныхъ людей тѣло, такъ и съ излишними обрядами предъ ними погребение онаго не могло ихъ вновь встревожить и подвергнуть какимъ-либо злоключеніямъ». *Госуд. Архивъ*, VI, 400, ч. I. То же, только кратче, и въ письмѣ Екатерины къ Панину отъ 9-го іюля: «Безъимяннаго колодника велите хоронить по христіанской должности въ Шлюссельбургѣ безъ огласки» (*Сборникъ*, VII, 365). О погребеніи см. *Busching*, VI, 535; *Herrmann*, V, 651; *Отечественныя Записки*, CLXV, 546. До полученія приказанія отъ Панина, комендантъ Бередниковъ не могъ похоронить Ивана Антоновича, и тѣло его не только весь понедѣльникъ, 5-го іюля, но и большую часть вторника,

Панинъ вѣрно понялъ, правильно установилъ точку зрѣнія и сразу опредѣлилъ «важность злодѣйства предпринятаго и благополучно, Божіимъ промысломъ, на вѣки тѣмъ же самимъ пресѣченнаго». Въ первомъ же донесеніи Екатеринѣ, отъ 6-го іюля, Панинъ писалъ: «Ваше императорское величество просвѣщеннымъ вашимъ проницаніемъ сами усмотреть соизволите, что нѣтъ въ семъ предпріятіи пространнаго заговора, а дѣло произведено было отчаянною ухваткою»; на другой день, 7-го іюля, та же точка зрѣнія подтверждается захваченными у Мировича бумагами: «Его сочинения вирши алегорическия довольно доказываютъ, что сія измена его однимъ фанатическимъ безуміемъ затѣяна»[1]).

6-го іюля, лежало передъ гауптвахтою, возлѣ часового, и всѣ, кто имѣлъ доступъ въ крѣпость, видѣли трупъ. Въ объявленіи капитана выборгскаго пограничнаго 4 батальона Христофора фонъ-Бергена, поданномъ выборгскомъ губернатору Исакову, сказано: «въ тотъ же понедѣльникъ по полуночи въ 10-мъ часу пошелъ я въ крепость, гдѣ многие люди находились и смотрели на предъявленнаго отъ язвъ умершаго Ивана Антоновича, который предъ гауптвахтою возле часоваго на двухъ доскахъ лежалъ и покрытъ красною епанчою». (*Госуд. Архивъ*, VI, 400, ч. 3, № 3). Это тотъ капитанъ фонъ-Бергенъ, который случайно находился въ это время въ Шлюссельбургѣ, услышалъ разсказъ унтеръ-офицера Жемчужкова о людяхъ въ маскахъ, пріѣхавшихъ изъ Петербурга, желалъ провѣрить его показаніе относительно умерщвленія Ивана III, пошелъ въ крѣпость, куда имѣлъ доступъ, какъ капитанъ, и вслѣдъ затѣмъ уѣхалъ въ Выборгъ, гдѣ объявилъ все своему непосредственному начальнику, оберъ-коменданту Ступишину и подалъ, по требованію губернатора, вышеуказанное объявленіе. Фонъ-Бергенъ былъ въ отпуску, у своего родственника коллежскаго ассессора Бека, жившаго въ Шлюссельбургѣ. Эта случайность поставила въ тупикъ Панина: «Съ удивленіемъ—пишетъ Панинъ Веймарну, отъ 14-го іюля—не могу понять какой бы могъ туда теперь капитанъ приехать, который бы виделъ известное мертвое тѣло» (*Госуд, Архивъ*, VI, 400, ч. I-я, № 30). Фонъ-Бергенъ видѣлъ на трупѣ Ивана Антоновича красную епанчу, графъ Сакенъ же слышалъ, что онъ былъ въ нищенскомъ рубищѣ: on l'a trouvé habillé d'hallions et aussi misérablement que le dernier mendiant (депеша отъ 31-го іюля, въ *Дрезд. Архивѣ*, 1764, vol. I, № 6). Едва ли въ этомъ можно видѣть противорѣчіе и, во всякомъ случаѣ, красная епанча, наброшенная на трупъ, не принадлежала Ивану Антоновичу.

[1]) Четыре донесенія Панина, отъ 6, 7, 9 и 13 іюля, въ *Госуд. Архивѣ*, VI, 400, ч. I-я. Тотъ же взглядъ высказанъ и въ письмѣ Панина къ кн. Волконскому, отъ 17-го августа 1764 г., въ *Сборникѣ*, LI, 479. По словамъ гр. *Сакена*, отвѣты Мировича dénotent assez un fanatisme qui approche de la frénésie (депеша отъ 7-го августа, въ *Дрезд. Архивѣ*, 1764, vol. I, № 65).

Никогда еще Екатерина не испытывала такого усиленнаго прилива чувствъ, такого нервнаго потрясенія, какъ при извѣстіи о шлюссельбургской «дивѣ». Радость объ исчезновеніи послѣдняго претендента смѣнялась тревогой за спокойствіе трона; страхъ, доходящій до отчаянія, надежда на благополучный исходъ, боязнь обширнаго «плана» у измѣнниковъ, опасеніе за преступныя разоблаченія—все волновало Екатерину тѣмъ рѣзче и чувствительнѣе, что издали, въ Ригѣ, на разстояніи 600 верстъ, подробности получали несвойственное имъ, нерѣдко фантастическое освѣщеніе, а самый фактъ принималъ неправильныя очертанія, преувеличивался или принижался, смотря по отрывочнымъ извѣстіямъ, раздражавшимъ воображеніе въ ту или другую сторону.

«Руководствіе Божіе чудное и неиспытанное есть!» вскричала невольно Екатерина при первой вѣсти объ умерщвленіи Ивана Антоновича. «Провидѣніе оказало мнѣ очевидный знакъ своей милости, придавъ такой конецъ этому предпріятію», пишетъ она Панину. Но эта радость тотчасъ же затуманилась, когда она прочитала бумаги, найденныя у Мировича. Она спокойно, сохраняя полное присутствіе духа, читала его замѣтки, случайно набросанныя на листкахъ календаря, его «вирши» и сновидѣнія, даже его обѣты святымъ на случай «если взойдетъ Іоаннъ»; но ужасъ и страхъ охватили Екатерину, когда она читала манифестъ, составленный «негодяями» отъ имени Ивана III. Вотъ что, между прочимъ, прочла она въ этомъ манифестѣ: «Недолго владѣлъ престоломъ Петръ Третій, и тотъ отъ пронырства и отъ руки жены своеј опоенъ смертнымъ ядомъ, по немъ же не інымъ чемъ какъ силою обладала наследнымъ моімъ престоломъ самолюбная расточительница Екатерина, которая по день Нашего возшествія изъ отечества Нашего выслала на корабляхъ къ родному брату своему къ римскому генералъ-фельдмаршалу князю Фридрику Августу всего на двадцать на пять мілйоновъ денегъ золота и серебра въ деле и не въ деле и сверхъ того она чрезъ свои природные слабостј хотела взять себе въ мужья подданнаго своего Григорья Орлова съ темъ, чтобъ ужъ изъ злонамереннаго и вреднаго отечеству ея похода [1]) и невоз-

[1]) Т.-е. путешествія въ Остзейскія Провинціи.

вратитца, за что конечно она предъ его страшнымъ судомъ неоправдаетца»[1]).

Одна Екатерина знала, что и насколько ложь въ этомъ манифестѣ; но и ложь производитъ впечатлѣніе на толпу, которая не въ силахъ отдѣлить ее отъ правды. Эти «преступныя разоблаченія», даже будучи «клеветой», способны поколебать въ народѣ и довѣріе къ императрицѣ, и уваженіе къ женщинѣ. Мысли, одна другой тревожнѣе, омрачали чело Екатерины при чтеніи манифеста, крайне разнообразныя чувства волновали ее, и она излила ихъ въ письмѣ къ Панину отъ 10-го іюля[2]):

«Хотя зло пресѣчено въ своемъ корнѣ, я опасаюсь, однако, чтобъ въ такомъ большомъ городѣ, какъ Петербургъ, глухіе толки не надѣлали бы много несчастныхъ, такъ какъ эти два негодяя, которые наказаны Богомъ за ужасную ложь, написанную ими на мой счетъ въ ихъ такъ называемомъ манифестѣ, не приминули посѣять свой ядъ... Я не останусь здѣсь ни одного часа болѣе, чѣмъ сколько нужно, не показывая, однако, вида, что я тороплюсь; я возвращусь въ Петербургъ, гдѣ, я надѣюсь, мое возвращеніе не мало будетъ содѣйствовать уничтоженію всѣхъ ихъ клеветъ на мой счетъ... Я къ вамъ съ крайнею откровенностію все то пишу, что въ голову пришло; но не думайте, чтобъ я страху предалась. Я сіе дѣло не болѣе уважаю, какъ оно въ самомъ существѣ есть, сиречь дешператной и безразсудной coup, однакожъ надобно до фундамента знать, сколь далеко дурачество распространилось».

Спокойствіе и охрана Петербурга поручены Неплюеву, и Неплюевъ доноситъ, что въ «большомъ городѣ» все спокойно и благополучно[3]); но можно ли ему вѣрить? не

---

1) *Госуд. Архивъ*, VI, 400, ч. I-я, А. Въ Госуд. Архивѣ хранится копія съ манифеста, при чемъ указанное мѣсто отмѣчено точками, а на полѣ противъ нихъ написано: «Здѣсь столь дерзостныя и поносныя бунтовщики изблевалъ рѣчи противъ освященной особы монаршей, что никакая рука силъ иметь не можетъ оныя переписывать» (VI, 400, ч. 2, № I-й). Содержаніе манифеста, въ общихъ, конечно, чертахъ, было извѣстно многимъ. «Депеша гр. *Сакена*, отъ 24 іюля, въ *Дрезд. Архивѣ*, 1764, vol. I, № 61; Castéra II, 90). Совершенно невѣрно онъ изложенъ у Herrmann, VI, 650.

2) *Госуд. Архивъ*, VI, 400, ч. I-я; Приложенія, I, 49.

3) И. И. Неплюевъ увѣдомилъ 8-го іюля Панина, жившаго въ Царскомъ Селѣ: «въ городѣ хотя і ведаютъ о произшедшемъ въ Шлюссельбургѣ, но

обманывается ли старикъ? Екатерина имѣла серьезный поводъ не вѣрить Неплюеву: 14-го іюля она получила отъ выборгскаго губернатора А. С. Исакова офиціальное донесеніе о вооруженныхъ и замаскированныхъ людяхъ, прибывшихъ въ ночь съ 4-го на 5-е іюля на шлюпкахъ изъ Петербурга въ Шлюссельбургъ.

Въ понедѣльникъ, 5-го іюля, въ 8-мъ часу утра, унтеръ-офицеръ ладожскаго канальнаго баталіона Жемчужковъ, находившійся на шлюзахъ, донесъ своему командиру ассе-

---

никакихъ предъосудительныхъ толкованій не слышно». (*Госуд. Архивъ*, VI, 350, ч. 5, № 8). Въ рапортѣ Неплюева императрицѣ, отъ 14 іюля, значится: «Здесь въ городе обстоитъ спокойно и благополучно, и никакихъ противныхъ слуховъ ни отъ кого не слышно, кромѣ какъ точной исторіи того произшествія» (Ibid. VI, 400, ч. 1, № 38). Но въ этомъ же рапортѣ упоминаются и люди въ маскахъ, прибывшіе изъ Петербурга, какъ сообщилъ выборгскій губернаторъ г.-м. Исаковъ, основываясь на офиціальныхъ донесеніяхъ, полученныхъ имъ едва ли не отъ очевидцевъ; какъ имѣла право полагать Екатерина. Донесенія Неплюева дополняются депешами саксонскаго посланника гр. *Сакена*. Въ депешѣ отъ 24-го іюля: On redouble ici toutes sortes de précautions pour conserver la tranquillité publique. Les gardes ont été sous les armes une couple de nuits et on les tient en haleine en les exerçant continuellement aux armes, qu'ils n'ont guères plus de temps á eux, qu'il n'en faut pour dormir. Un régiment d'hussards patrouille continuellement á l'entour de la ville (*Дрезд. Архивъ*, 1764, vol. I, № 61); въ депешѣ отъ 27 іюля: On distribua avant hier publiquement et avec une sorte d'affectation aux régiments de campagne, qui sont ici en garnison, des cartouches chargées à balles, sans que les gardes en fussent pourvues de même, précaution qui partoit n'avoir été prise que contre elles (Ibid., № 62). Другой очевидецъ, пасторъ *Бюшингъ*, вполнѣ подтверждаетъ это: Auch unter den Garderegimentern verursachte die Ermordung des Prinzen eine grosse Bewegung, welche in der Nacht vom 13-ten auf den 14-ten Julii so stark war, dass man die allerschlimmsten Folgen besorgte. Dieser aber wurde dadurch vorgebeuget, dass der Fürst Alexander Golizin unter die bey St.-Petersburg campirende Feldregimenter Pulver und Bley öffentlich austheilen liess, welches die Garde-Regimenter im Zaum hielt, und alles beruhigte (Büsching, VI, 535). Эти мѣры дали Неплюеву возможность увѣдомить императрицу, что въ городѣ все обстоитъ благополучно. Къ показаніямъ гр. *Сакена* надо относиться, впрочемъ, весьма осторожно. Такъ, въ депешѣ отъ 10-го іюля читаемъ: On n'oublie aucune des précautions essentielles pour tenir ici tout le monde en bride. Les patrouilles sont plus fréquentes et plus nombreus es que lorsque Sa Majesté Impériale est en ville. Plusieurs personnes, décorées des cordons bleus et rouges, dévouées a l'Impératrice et à la clique des Orlows, s'y mettent à la têt et parcourent souvent la ville jour et nuit. (*Дрезд. Архивъ*, 1764, *vol.* I, № 51).

ссору Беку: «Между вторымъ и третьемъ часу ночи прибыло изъ Санктъ-Петербурга къ Шлюссельбургской крепости на дву шлупкахъ незнаемыхъ людей въ маскахъ не малое число вооруженныхъ, которыя и въ крепость черезъ состоящаго на карауле смоленскаго пехотнаго полку оберъ-офицера пропущены; и по пропуске пришедъ къ полковнику и тамошнему коменданту объявили манифестъ, будто имѣющейся въ той шлюссельбургской крепости подъ присмотромъ Іванъ Антоновичъ избранъ ныне імператоромъ; но какъ оной комендантъ того манифеста не принялъ, то въ маскахъ прибывшія люди ево полковника і коменданта бивъ, связали руки назадъ, и потомъ пришли въ то место где помянутой Іванъ Антоновичъ находился, при которомъ состоялъ на карауле гвардиі офицеръ, коему те прибывшія въ маскахъ незнаемыя люди потомужъ объявили помянутый манифестъ, но и оной того не принялъ, то они стали усиливатся чтобъ реченнаго Івана Антоновича взять, точію тотъ гвардіи офицеръ видя сію непристойность тово Івана Антоновича имѣющеюся при себя шпагою чрезъ три язвы закололь до смерти. И какъ сіе темъ гвардіи офицеромъ учинено, то те незнаемыя люди видя что предписаннаго Івана Антоновича живаго получить не могли, неведомо куда скрылися и на техъ же шлюпкахъ на коихъ прибыли уехали». Бекъ сообщилъ объ этомъ капитану 4-го выборгскаго пограничнаго батальона Христофору фонъ-Бергену, капитанъ—выборгскому оберъ-коменданту П. А. Ступишину, оберъ-комендантъ — выборгскому губернатору, и такъ это дошло до Екатерины, въ Ригу, прежде, чѣмъ до Панина, въ Царское Село. Все это, по тщательномъ изслѣдованіи [1]),

[1]) На слѣдствіи Жемчужковъ показалъ, что слышалъ о людяхъ въ маскахъ отъ жены своей, Ненилы Ивановны; жена его, напротивъ, сказала, что подслушала на базарѣ, гдѣ покупала провизію, какъ купецъ Шадринъ передавалъ какому-то солдату, что «въ крепости зделалась ночью штурма»; Шадринъ даже и отъ этихъ словъ отрекся. На очной ставкѣ всѣхъ трехъ лицъ, Жемчужковъ объявилъ, что «онъ все то отъ своего вымыслу и съ одной догадки затеялъ и разглашалъ самъ собою, и самъ ничего оного не виделъ и не знаетъ». Подозрѣвая, что Жемчужковъ это говоритъ лишь «къ закрывательству» жены, онъ вновь былъ «съ пристрастіемъ подъ битьемъ батоги спрашиванъ», но во всемъ «утвердился на прежнемъ». Всеподд. доношеніе, въ *Госуд. Архивѣ*, VI, 400, ч. 3, № 10; *Сборникъ*, VII, 370; Büsching, VI, 536.

оказалось чистымъ вздоромъ, но подобный вздоръ тѣмъ болѣе безпокоилъ императрицу, что въ немъ упоминалось о манифестѣ съ «ужасною» ложью на ея счетъ.

Одно несказанно утѣшало Екатерину—Иванъ III Антоновичъ исчезъ, сошелъ со сцены, погребенъ. Единственная ея забота теперь: прекратить всякіе толки, успокоить умы, заставить забыть и Ивана Антоновича, и его умерщвленіе, и всѣ эти шлюссельбургскіе дивы. «Я ныне—пишетъ она Панину, отъ 11-го іюля—более спешю, какъ прежде, возвратится въ Питербурхъ, дабы сіе дело скорея окончать и темъ далныхъ дуратскихъ разглашеній пресечь». Въ тотъ же день, Неплюеву: «Я спешу къ вамъ возвратится, гдѣ увижю, надеюсь, скорое окончаніи сего безумнаго дела». Екатерина справедливо полагала, что «молва народная лишь концомъ всего дела пресечется»[1]).

Генералъ-поручикъ Гансъ фонъ-Веймарнъ произвелъ слѣдствіе быстро, довольно точно и вполнѣ безпристрастно. Не только «ухватка» Мировича, но и самыя мелкія подробности и побочныя обстоятельства разъяснены имъ всесторонне и съ чисто нѣмецкою аккуратностью. При этомъ онъ выказалъ и свое доброе сердце, стараясь, не только не привлекать безвинныхъ, но и привлеченныхъ избавлять, по возможности, отъ излишней отвѣтственности. Особенно сожалѣлъ онъ солдатъ: «сіи бедныя простотою и по большей части безпримерною глупостью наполненныя люди»[2]) оказывались безъ вины виноватыми.

25-го іюля Екатерина возвратилась въ Петербургъ. Въ день же пріѣзда она видѣла слѣдователя Веймарна и личными съ нимъ переговорами убѣдилась, что онъ «съ умомъ взялся за дѣло» и что слѣдствіе, дѣйствительно, ведено «гладко»[3]). Въ началѣ августа генералъ-поручикъ Веймарнъ

---

[1]) *Госуд. Архивъ*, VI, 400, ч. I-я; *Сборникъ*, VII, 366, 372.

[2]) Изъ письма Веймарна Панину, отъ 16-го іюля, въ *Госуд. Архивѣ*, VI, 400, ч. I-я, № 38. Онъ допросилъ 69 человѣкъ нижнихъ чиновъ, слѣпо исполнявшихъ приказанія начальника.

[3]) *Госуд. Архивъ*, VI, 400, ч. 2-я. Въ депешѣ гр. Сакена, отъ 29 сентября: M-r de Weymarn est accueilli à présent de Sa Majesté Impériale d'une manière fort distinguée et qui dénote que cette Souveraine est très satisfaite de son zèle et de la tournure qu'il a su donner à cette affaire tragique et singulière (*Дрезд. Архивъ*, 1764, vol. I, № 80). См. *Сборникъ*, VII, 371, 372.

представилъ императрицѣ «экстрактъ» слѣдственнаго дѣла о шлюссельбургскомъ бунтѣ; 17-го августа Екатерина подписала манифестъ о назначенiи верховнаго суда надъ Мировичемъ. «Мы посылаемъ сiе дѣло—сказано въ манифестѣ—на судъ нашему сенату, повелѣвая ему, купно съ синодомъ, призвавъ первыхъ трехъ классовъ персонъ съ президентами всѣхъ коллегiй, выслушать оное отъ генералъ-поручика Веймарна, яко производителя всего слѣдствiя, и заключить, въ силу государственныхъ законовъ, сентенцiю, которую, подписавъ обще всѣмъ, внести къ намъ на конфирмацiю» [1]. Это верховное судилище составилось изъ 48 сановниковъ имперiи—5-ти духовныхъ и 43-хъ военныхъ и гражданскихъ [2].

Въ верховномъ судѣ дѣло пошло уже не такъ «гладко».

Первое засѣданiе верховнаго суда состоялось 19-го августа, а спустя шесть дней, 25-го уже августа, особая его депутацiя представила императрицѣ всеподданнѣйшiй докладъ, въ которомъ говорилось: «чтобъ частыми по сему дѣлу могущими быть представленiями Вашего iмператорскаго величества человѣколюбивѣйшему и милосерднѣйшему

---

1) *Архивъ Сената*, т. III, л. 370; депеша гр. *Сакена*, отъ 4 сентября въ *Дрезд. Архивъ*, 1764, № 73; *Iwan*, 3; *Büsching*, VI, 537; П. С. З., № 12228; *Осмнадц. Вѣкъ*, III, 361; *Чтенiя*. 1861, I, 182.

2) Приводимъ имена членовъ верховнаго суда въ томъ порядкѣ, какъ они подписались подъ всеподданнѣйшимъ докладомъ 25 августа: *Димитрiй*, митрополитъ новогородскiй: *Гаврiилъ*, архiепископъ санктпетербургскiй: *Афанасiй*, епископъ ростовскiй: *Лаврентiй*, архиманрдитъ свято-троицкiя лавры; *Симеонъ*, архимандритъ кириллова бѣлоозерскаго монастыря: гр. *Кирилла Разумовскiй*, гр. *А. Бутурлинъ*, кн. *Я. Шаховской*, гр. *П. Чернышевъ*, гр. *М. Скавронской*, гр. *Романъ Воронцевъ*, *Н. Панинъ*, *П. Панинъ*, *Федоръ Ушаковъ*, *Н. Муравьевъ*. кн. *А. Козловскiй*, *Ф. Милославскiй*, *А. Олсуфьевъ*, кн. *П. Трубецкой*, гр. *В. Ферморъ*, *С. Нарышкинъ*, гр. *Эрнстъ Минихъ*, *Семенъ Мордвиновъ*, гр. *Минихъ*, *И. Талызинъ*, кн. *А. Голицынъ* (фельдмаршалъ), *А. Нарышкинъ*, гр. *З. Чернышевъ*, гр. *И. Гендриковъ*, *Д. Де-Боскетъ*, *Левъ Нарышкинъ*, *И. Бецкой*, гр. *Г. Орловъ*, гр. *С. Ягужинскiй*, *Ф. Эмме*, баронъ *А. Черкасовъ*, *И. Шлаттеръ*, *А. Глѣбовъ*, *Ф. Вадковской*, *Гансъ Веймарнъ*, гр. *И. Чернышевъ*, баронъ *Т.*, фонъ-*Дицъ*, кн. *А. Голицынъ*, (вицеканцлеръ), *Н. Чичеринъ*, *Я. Евреиновъ*, *Д. Волковъ*. Депеша гр. *Сакена* отъ 4 сентября: Le nombre de ceux qui ont assistés aux délibérations de ce jugement n'a pas excédé celui de cinquante personnes (*Дрезд. Архивъ*, 1764, vol. I, № 73).

сердцу не нанести чувствительнаго безпокойствія, собраніе всеподданнѣйше дерзаетъ попросить Вашего императорскаго величества всевысочайшаго дозволенія, чтобъ въ разсужденіи великой важности сего дѣла, на сей только случай уполномочить собраніе въ томъ, чтобъ все то, по присягѣ, вѣрности и лучшему разумѣнію предостережено и дѣло такъ рѣшено и совершенно было, какъ того честь государства, будущаго онаго тишина и безопасность и святость обнародованныхъ законовъ требуетъ, всемилостивѣйше дозволя-жъ поступать по сему дѣлу собранію во всемъ по большинству голосовъ» [1]. Собраніе, которому поручено судить государственнаго преступника, покушавшагося свергнуть Екатерину съ престола, испрашиваетъ позволеніе «поступать по большинству голосовъ», не надѣясь, очевидно, добиться единогласнаго рѣшенія! По выраженію барона Черкасова, собраніе «верховную власть на сей только случай отъ Ея императорскаго величества требовало и получило». Эта передача верховной власти собранію совершилась слѣдующею резолюціею императрицы на упомянутомъ докладѣ: «Что лежитъ до Нашего собственнаго оскорбленія въ томъ мы сего судимаго всѣмилостивейше прощаемъ, въ касающихся же делахъ до целости государственной, общаго благополучія и тишины, въ силу поднесеннаго намъ доклада, на сего дела случай отдаемъ въ полную власть сему верноподданному собранію» [2].

---

[1]) *Госуд. Архивъ,* VI, 400, ч. 4, № 8; депеша гр. *Сакена,* отъ 14 августа: L'autorité de prononcer en dernier ressort et sans aucun appel l'arrêt du crime (*Дрезд. Архивъ,* 1764, vol. I, № 67).

[2]) Екатерина не тотчасъ рѣшилась на такую резолюцію. Въ *Госуд. Архивѣ* хранится слѣдующій проектъ резолюціи, составленный кн. Шаховскимъ: «Что оной злодей низвергнуть меня съ росискаго престола устремлялся за то я не оскорбляюся, его прощаю и прошу за то ему не мстить, панеже онъ не меня, но таго прогневлялъ, который своими божескими судбами на престолъ меня возвелъ и, видя маю невинность отъ всѣхъ коварныхъ сетей меня сохраняетъ. А съ какими я тщаніями и ко всемъ верноподданнымъ доброжелательствами оная полученная мнѣ отъ Бога государствованія должность исполнять стараюсь, и какой цены то для меня стоитъ, всякой справедливость любящей гражданинъ познать можетъ. Что же оной злодей свей имперіи нашей бѣдствѣнныя потрясенія учинить и нещастливому жербію многихъ гражданъ подвергпуть хателъ, а томъ сердечно собалезную и ва удовольствіе ваше и всѣхъ маіхъ верноподданныхъ аскорб-

Предоставивъ судилищу такую верховную власть, Екатерина поручила, вмѣстѣ съ тѣмъ кн. А. А. Вяземскому, исполнявшему должность генералъ-прокурора, слѣдить за каждымъ шагомъ собранія [1]) и ей обо всемъ доносить. Очевидно, въ собраніи, состоящемъ изъ высшихъ сановниковъ имперіи, есть лица, которымъ Екатерина не довѣряетъ.

Верховный судъ выслушалъ докладъ Веймарна [2]), ознакомился со всѣми подробностями слѣдствія и обратилъ преимущественное вниманіе на Мировича. Онъ три раза былъ призываемъ въ собраніе, гдѣ только подтвердилъ свои показанія, данныя Веймарну, и ничего новаго не сообщилъ. По словамъ протокола засѣданія 31 августа, собраніемъ «примечена въ немъ окаменелость человѣчество превозходящая»; для «приведенія его въ чувство и въ истинное раскаяніе» [3]), собраніе назначило четырехъ членовъ [4]), которые должны были увѣщевать Мировича. И на увѣщаніи, Мировичъ заявилъ, что ничего новаго сказать не можетъ, что сказалъ все Веймарну и прибавить ничего не имѣетъ.

Въ засѣданіи 1-го сентября, оберъ-прокуроръ Соймоновъ подошелъ къ барону Черкасову и сообщилъ ему, что «не-

---

ленія по прашенію вашему онаго аставляю въ вашей власти». *Госуд. Архивъ,* VI, 400, ч. 4. Депеша гр. *Сакена,* отъ 11-го сентября 1764 г.: Mais en tout ce qui y put concerner Sa Majesté personellement elle se reservoit la liberté de ne consulter que sa bonté et clémence naturelles. Gette reponse authorise la Souveraine de raporter selon son bon plaisir le crime de Mirowitch àbtelle classe qu'elle le juge à propos et de se jouer des recherches et de la sentence de la commission (*Дрезд. Архивъ* 1764, vol. I, № 78).

1) Депеша гр. Сакена, отъ 14 сентября: Dès que quelque membre du Sénat veuille trop approfondir l'enchainure de cette émeute, M-r le comte d'Orlow y met le holas et en detourne un examen trop suivi (*Дрезд. Архивъ* 1764, vol. I, № 76).

2) On m'a dit que ce Mirowitch s'est trouvé présent, lorsque les actes des différentes procédures de cette afaire ont été lus et rapportés au sénat. Изъ депеши гр. *Сакена,* отъ 4 сентября, въ *Дрезд. Архивъ.* 1764, vol. I, № 74.

3) *Госуд. Архивъ,* VI, 400, ч. 4. Mirowitch se soutient fort bien au sénat. Il se présente decemment et avec une assurance, qui indique trop, qu'il n'appréhend pas que la sentence de mort, qu'on va prononcer contre lui, soit exécutée e qu'il est dressé au manège des interrogatoirs, qu'on lui adresse. Изъ депеши гр. *Сакена,* отъ 14 сентября, въ *Дрезд. Архивъ,* 1764, vol. I, № 76.

4) Афанасія Ростовскаго, гр. К. Разумовскаго, кн. А. М. Голицына фельдмаршала, и барона А. Черкасова.

которыя изъ духовенства приговариваютъ злодея пытать». Баронъ Черкасовъ не успѣлъ еще обсудить этого заявленія, какъ подошелъ кн. Вяземскій и «повелительнымъ образомъ» запретилъ Соймонову продолжать разговоръ, а отъ барона Черкасова «потребовалъ» его мнѣнія на баллотировавшійся вопросъ: приступать ли къ сентенціи или нѣтъ? Черкасовъ отвѣтилъ «приступать», но на другой же день, 2-го сентября, представилъ въ собраніе свое письменное мнѣніе, въ которомъ доказывалъ, согласно мнѣнію духовенства, что Мировича слѣдуетъ пытать, чтобы, такимъ образомъ, «выведать» его сообщниковъ. «Намъ необходимо нужно — писалъ Черкасовъ—жестокимъ розыскомъ злодѣю оправдать себя не токмо передъ всѣми теперь живущими, но и слѣдующими по насъ родами. А то опасаюсь, чтобъ не имѣли причины почесть насъ машинами, отъ посторонняго вдохновенія движущимися, или и комедіантами» [1]). «Повелительный» тонъ кн. Вяземскаго объясняется тѣмъ, что Екатерина поручила ему устранить вопросъ о пыткѣ—не по человѣколюбію, а единственно для ускоренія дѣла: пытка ничего новаго не открыла бы, но могла затянуть рѣшеніе дѣла на нѣсколько недѣль, до выздоровленія Мировича. О пыткѣ шли только переговоры, но вопросъ не баллотировался; опѣшенный кн. Вяземскимъ 1-го сентября, баронъ Черкасовъ употребилъ въ своемъ мнѣніи такія выраженія, которыми собраніе не могло не оскорбиться. Поднялись протесты, жалобы и дѣло уладилось только тогда, когда баронъ Черкасовъ заявилъ, въ свое извиненіе, что онъ въ добромъ намѣреніи употребилъ такія выраженія, которыми собраніе почло себя оскорбленнымъ.

Этотъ раздоръ крайне раздражалъ Екатерину, и она вылила это раздраженіе въ слѣдующемъ письмѣ [2]) къ исправлявшему должность генералъ-прокурора:

«Князь Александръ Алексѣевичъ!

«Мнѣ весьма удивительно, что собраніе, чѣмъ ему упражняться и окончить то, что ему мною поручено, вздоромъ упражняется. Есть-ли они завтра также горячо за голосъ

---

1) См. *Изслѣдованія*, IV: «Мнѣніе о пыткѣ».

2) *Осмнадц. Вѣкъ*, III, 365.

Черкасова примутся, то можете имъ представить, чтобъ они удовольствовались тѣмъ, что онъ изъ своего голоса вычернитъ тѣ слова, которыя ихъ тронули. При томъ вы сказать можете, сколько вы знаете, что мнѣ всякія въ Россіи несогласія и раздоры весьма противны; что они тутъ, чтобъ судить Мировича; что несогласія въ семъ собраніи суть наипаче соблазны для публики, и что сію ссору должно сократить въ разсужденіи объекта, изъ котораго она начало свое имѣетъ, и ко мнѣ для того не носить сіе несогласіе для менажемента: ко мнѣ, которая о всемъ Мировича дѣлѣ съ крайнею чувствительностью слышитъ. Кой часъ сентенція подписана будетъ, то уже собранію не за чѣмъ болѣе кажется собраться. Однимъ словомъ, скажите инымъ на ухо, что вы знаете, что я говорю, что собраніе, чѣмъ ему порученнымъ дѣломъ упражняться, упражняется со вздоромъ и несогласіями, къ крайнему соблазну моему и публики. Вы все сіе употребить можете съ вашей обыкновенной осторожностью и по вашему разсмотрѣнію. Только отклоните отъ жалобы на Черкасова ко мнѣ и примирите ихъ всѣхъ, есть-ли возможно. Есть-ли же надежды нѣту, то пресѣките собраніе или доведите до множественнаго числа разныхъ голосовъ. А Черкасову выбиться нельзя: онъ равной тутъ имъ. Онъ писалъ изъ усердія и съ излишней горячностью, а не болѣе».

«*Екатерина*».

Надо полагать, что кн. Вяземскій говорилъ на ухо не «инымъ», а весьма многимъ: собраніе занялось исключительно дѣломъ Мировича и скоро окончило его. Въ тотъ же день, когда Екатерина писала это письмо, 3-го сентября было донесено, что, согласно его постановленію, на Мировича надѣты оковы, при чемъ замѣчено, что «при скованіи велъ себя обычно, а потомъ началъ плакать» [1]). Собраніе увидѣло въ этихъ слезахъ «приведеніе его въ чувство» и постановило вновь увѣщевать Мировича [2]). Это второе

---

[1]) *Госуд. Архивъ*, VI, 400, ч. 4. Депеша гр. *Сакена*, отъ 14 сентября 1764 г. Mirovitch n'a été ni enchaîné ni traité de la façon comme il est d'usage dans ce pays-ci d'en agir avec un criminel d'état (*Дрезд. Архивъ*, 1764, vol. I, № 76).

[2]) Во второмъ увѣщаніи участвовали тѣ же лица, что и въ первомъ,

увѣщаніе осталось, какъ и первое, безъ результата—Мирович опять повторилъ, что ни новыхъ фактовъ, ни новыхъ лицъ объявить не имѣетъ. Собраніе приступило къ составленію сентенціи [1]). Такъ какъ вопросъ сводился къ смертной казни, то «учрежденному собранію святѣйшаго правительствующаго синода члены письменно объявили, что они, слушавъ въ собраніи слѣдственное о Мировичѣ и его сообщникахъ дѣло, и видя собственное ихъ признаніе, соглясуютъ, что онъ, Мировичъ, за его злодѣйство и съ сообщники достоинъ жесточайшей казни; слѣдственно какая по тому заключена будетъ сентенція, отъ оной не отрицаются; но поелику они суть духовнаго чина, то къ подписанію на смерть сентенціи приступить не могутъ» [2]).

9-го сентября собраніе подписало сентенцію, которою приговорило: 1) «отсѣчь ему, Мировичу, голову, и, оставя тѣло его народу на позорище до вечера, жжечь оное потомъ купно съ эшафотомъ, на которомъ та смертная казнь учинена будетъ»; 2) капраламъ Креневу, Осипову и Миронову, да солдатамъ Писклову, Босову и Дитятеву «учинить вмѣсто смертной казни жестокое наказаніе прогнаніемъ шпицрутенъ черезъ 1000 человѣкъ, Писклова 12 разъ, прочихъ каждаго по десяти разъ, и по учиненіи наказанія со-

---

только гетманъ гр. К. Г. Разумовскій не могъ принимать участія и его замѣнилъ гр. А. Бутурлинъ. То обстоятельство, что баронъ Черкасовъ былъ избранъ и въ эту комиссію, свидѣтельствуетъ, что «ссора» изъ-за его мнѣнія 2-го сентября о пыткѣ не имѣла послѣдствій.

[1]) Составленіе сентенціи было возложено на особую комиссію изъ трехъ лицъ: сенатора А. В. Олсуфьева, генералъ-поручика И. И. Веймарна и президента юстицъ-коллегіи лифляндскихъ и эстляндскихъ дѣлъ Ѳ. И. Эмме. Духовенство передало въ эту комиссію, для свѣдѣнія, составленныя имъ выписки изъ Свящ. Писанія, озаглавленныя: «Показательства изъ Священнаго Писанія объ уваженіи чести Царской». *Госуд. Архивъ*, VI, 400, ч. 4-я.

[2]) Госуд. Архивъ, VI, 400, ч. 4. Büsching, VI, 555; П. С. З., № 12241. Османдц. Вѣкъ, Ш, 383. Депеша Сакена отъ 21 сентября: Le clergé a fait bien la tête revêche dans le cours de procès contre Mirovitch, mais l'archevêque de Novgorod, courtisan adroit et vil pensionnaire de la cour, l'a ramené ou du moins l'engagé à silence; il y en a d'autre encore qui ont marqués assez d'élevation d'esprit et de courage de coeur à y parler d'un ton éclairé et ferme, mais ils ent été ou gagnés, ou étourdis, ou forcés de se taire par des instrumenta servitutis, comme dit Tacite. *Дрезд. Архивъ*, 1764, vol. I, № 78.

слать вѣчно въ каторжную работу»: 3) смоленскаго пѣхотнаго полка барабанщика, флейщика и 36 солдатъ «прогнать шпицрутенъ черезъ 1000 человѣкъ, по десяти разъ четырехъ по жребію, прочихъ же по пяти разъ и всѣхъ распредѣлить въ дальнія воинскія команды, въ коихъ быть имъ солдатами вѣчно»; 4) того же полка десять солдатъ «записать вѣчно въ солдаты въ дальнія команды»; 5) одного артиллерійскаго капрала, двухъ канонеровъ и двухъ гандлангеровъ «отослать въ дальнія воинскія команды»; 6) придворнаго лакея Косаткина «высѣчь батогами и отослать въ дальнія воинскія команды въ солдаты»; 7) подпоручика кн. Чефаридзева «лишить всѣхъ чиновъ, посадить въ тюрьму на шесть мѣсяцевъ и потомъ написать въ отдаленные полки въ солдаты»; 8) одного артиллерійской команды цирюльника, двухъ гандлангеровъ и 14 солдатъ смоленскаго пѣхотнаго полка «яко ни въ чемъ невиновныхъ, освободя изъ подъ караула, оставить каждаго въ прежней командѣ», и 9) регистратора Безсонова, «какъ ни въ чемъ невиновнаго оставить безъ всякаго наказанія».

Приговоръ былъ приведенъ въ исполненіе 15-го сентября. Мировича казнили и сожгли на Петербургскомъ Островѣ, на обжорномъ рынкѣ [1]). Какъ во время слѣдствія и суда Мировичъ велъ себя съ достоинствомъ—ничего не утаи-

---

[1]) *Архивъ Сената*, Секретн. дѣла № 1473. On a trainé l'execution en longueur au delà de toute coutume, parce qu'on avoit marqué au Lieutenant de la Police l'heure et le moment dans lequel on dut lui abattre la tête en cas que la pardon n'arrivât pas, preuve de l'incertitude, dans laquelle en a flotté à la cour jusqu'aux derniers instans. Изъ депеши гр. *Сакена*, отъ 29 сентября, въ *Дрезд. Архивъ*, 1764, vol. I, № 80. Медленность казни, если такая медленность дѣйствительно была, можетъ объясняться простою точностью исполненія, безъ всякой нерѣшительности двора. Малороссійскій новеллистъ Квитка сохранилъ слѣдующее извѣстіе, относящееся ко дню казни Мировича: «Полки были собраны по полковымъ дворамъ и находились тамъ чрезъ цѣлый день, и имъ патроны розданы. Въ послѣдующую ночь усилены были вездѣ караулы и строжайше были наблюдаемы улицы города. Но вездѣ было покойно, какъ равно и слѣдующіе дни» (*Русск. Архивъ*, 1863, 169, 418). Эта подробность ничѣмъ не подтверждается и, кажется, мѣры, принятыя въ іюлѣ (см. донесенія Неплюева), пріурочены здѣсь ко дню казни. Вполнѣ невѣрно его заявленіе, будто Мировичу «обѣщано было совершенное прощеніе, забытіе всего, даже награды, если онъ назоветъ сообщниковъ» (Ibid. 169, 479).

валъ, признавая одного себя во всемъ виновнымъ, такъ и во время казни выказалъ необыкновенную твердость духа и съ какимъ-то благоговѣніемъ приступалъ къ смерти [1]). Казнь его видѣлъ знаменитый Г. Р. Державинъ и такъ записалъ о ней въ своемъ дневникѣ: «Мировичу отрублена на эшафотѣ голова. Народъ, стоявшій на высотахъ домовъ и на мосту, необыкшій видѣть смертной казни и ждавшій почему-то милосердія государыни [2]), когда увидѣлъ голову въ рукахъ па-

---

[1]) *Порошинъ*, 50, Гр. А. С. Строгоновъ могъ видѣть Мировича, могъ слышать о его поведеніи во время казни—нѣтъ основанія не вѣрить его показанію, тѣмъ болѣе, что другіе современники вполнѣ подтверждаютъ его слова. Mirovitch s'est, présenté à la mort avec une tranquillité d'ame et avec une intrépidité étonnante, пишетъ гр. *Сакенъ* въ депешѣ отъ 29 сентября (*Дрезд. Архивъ*, 17 64, vol. I, № 80); англійскій посланникъ гр. *Букингэмъ* вполнѣ подтверждаетъ его слова: «какъ при слѣдствіи, такъ и во время казни Мировичъ выказалъ твердость духа» (Raumer, III, 383; Grimblot, 237). Подробности, сообщаемыя Квиткою о бесѣдахъ Мировича со священникомъ, полицеймейстеромъ и палачемъ (*Русск. Архивъ*, 1863, 480), представляются довольно подозрительными, особенно «камердинеръ» Мировича. Не только камердинера, Мировичъ не имѣлъ никакой прислуги. Онъ нанималъ въ домѣ партикулярной верфи, въ Литейной части, одну комнату, «въ верху надъ сеньми» (*Госуд. Архивъ*, VI, 400, ч. 2, л. 151); въ случаѣ крайней надобности, онъ пользовался услугами солдатъ. Такъ, на оборотѣ своего билета на придворный маскарадъ 21 февраля 1764 года, онъ записалъ: «Было і гулено і пешкомъ съ маскарада придено по причине той что гранодеръ съ шенелью ушолъ і я не сыскавъ лошадей въ маскарадномъ платье домой пришолъ» (Ibid. № 18). Извѣстія иностранныхъ писателей не заслуживаютъ никакого довѣрія. Mirovitch marcha à l'échafaud en homme qui ne craint rien et qui se croit bien sûr de recevoir sa grâce (Castéra, II, 94). Mirovitch lachte immer fort, als er zum Richtplatze geführt wurde und sein Urtheil erfuhr, und lachte noch, als er statt des gehofften Pardons den Todesstreich empfing (*Helbig*, Günstlinge, 214).

[2]) Ожиданіе вполнѣ естественное и законное, наблюдаемое при всѣхъ смертныхъ казняхъ, во всѣхъ странахъ и во всѣ времена, тѣмъ болѣе въ то время въ Петербургѣ, гдѣ въ теченіе послѣднихъ 22 лѣтъ смертной казни не практиковалось. Екатерина, однако, не могла даровать жизнь лицу, высказавшему на нее такой взглядъ, какой отмѣченъ Мировичемъ въ подложномъ манифестѣ. Толки о помилованіи, записанныя не только иностранцами. (*Castéra*, II, 95; *Helbiq*, Günstlinge, 214; *Saldern*, 174; *Herrmann*, V, 654), но и русскими (*Русск. Архивъ*, 1863, 169 или 480), лишены всякаго основанія и не могутъ служить подтвержденіемъ нелѣпой сказки о Мировичѣ, какъ орудіи императрицы, желавшей отдѣлаться отъ Ивана Антоновича. Письмо *Беранже*, отъ 7-го августа: Le temps et les circonstances de cet assassinat font soupçouner la Czarine de l'avoir instigué Elle même dans le dessein de se délivrer d'un objet d'inquiétude continuelle (*Париж. Архивъ*, Tur-

лача, единогласно ахнулъ и такъ содрогся, что отъ сильнаго движенія мостъ поколебался и перила обвалились» [1]).

---

quie, vol. 11, Supplem.). Саксонскій посланникъ гр. *Сакенъ* болѣе всѣхъ своихъ коллегъ занимался въ своихъ депешахъ этой сказкой, совпадающей съ тѣмъ именно временемъ, когда онъ убѣдился въ полномъ неуспѣхѣ порученной ему миссіи. Еще въ депешѣ отъ 20-го іюля, онъ сообщаетъ, что слухъ о переселеніи принца Ивана въ Ригу, имъ же переданный въ депешѣ отъ 10-го іюля (*Дрезд. Архивъ*, 1764, vol. I, № 54), ложенъ и что «dans le pouvoir de Sa Majesté Impériale est de s'en défaire tout court si on remuoit le moins du monde en sa faveur (Ibid., № 60). Въ депешѣ отъ 24-го іюля, сообщенъ слухъ о письмѣ: On a trouvé dans les poches de M-r de Miranovief (Mirovitch) une lettre sans date et sans signature, dans laquelle on l'exhorte de ne plus tarder de faire son coup et qu'il seroit reçu ici à bras ouverts (*Ibid.*, № 61). Къ чести гр. Сакена должно сказать, что самъ онъ подобнымъ слухамъ не вѣрилъ: Comme il entre bien des simagrées dans toute l'affaire de l'assassinat du prince Iwan, et qu'il est difficile, si non impossible, de dèfinir de qui ce coup terrible part, on ne peut pas guères ajouter foi aux bruits qui se répandent dans les moments présents et qui sont prèsque continuellement contradictoires. (*Ibid.* № 62). Изъ этихъ-то сообщеній гр. Сакена, министръ Флемингъ заключаетъ уже, въ рескриптѣ гр. Сакену, отъ 25 августа, изъ Дрездена: Si la scène tragique du Schlüsselbourg s'est passé par les ordres de l'Impératrice, je croirois que cette Princesse retarde son retour dans la capitale pour laisser affaiblir la première impression, qu'aura faite un si terrible coup et voir de loin, quelles en seront les suites (*Ibid.*, № 24). Гр. Сакенъ въ депешѣ отъ 7-го августа, категорически передаетъ: Le peuple s'imagine que cette pièce n'a été jouée que pour se défaire decemment du prince Iwan (*Ibid.*, № 65), что и подтверждаетъ еще болѣе депешей отъ 14 августа: L'Impératrice informée de ce que le peuple est imbu de l'opinion que l'assassinat du prince Iwan n'est qu'un jeu concertée par ses ordres et voulant l'en faire revenir de bonne façon, sans s'en justifier pourtant directement, a déclarée vendredi dernier en plein sénat etc. (*Ibid.*, № 67). Это категорически опровергается протоколами сената (*Архивъ сената*, прот. отъ пятницы, 7-го августа 1764 г., № 211, л. 3), въ которомъ Екатерина даже не присутствовала. Въ депешѣ отъ 7-го сентября замѣчается уже вся фабула позднѣйшей сказки: Toutes les formalités du procés de M-r de Mirovitch ne peuvent guères étouffer les soupçons peut-être mal fondés d'une grande partie de la nation, comme que l'assassinat du prince Iwan ne soit une tragédie prèparée de loin et expressément remise à être réprésentée pendant le voyage de l'Impératrice en Livonie pour lui ménager toutes les apparences de la surprise (*Дрезд. Архивъ*, 1764, vol. I, № 74). Въ депешѣ отъ 14-го сентября: L'impératrice se trouve dans le cas facheux que soit qu'Elle fassé grâce au dit Mirovitch ou qu'Elle lui fasse subir la punition le mort, le peuple aussi bien qu'une partie des grands sont prévenue que l'assassinat du prince Iwan ne s'est pas exécuté à son insû (*Ibid.*, № 76). Дальнѣйшее развитіе этой сказки см. *Büsching*, VI, 536; *Castéra*, II, 82; *Saldern*, II, 225; *Дашкова*, 117; *Helbig*, 315.

[1]) Державинъ, VI, 446.

Это единственное сообщенie русскаго современника о впечатлѣнiи, произведенномъ на русское общество казнью Мировича. Даже И. И. Неплюевъ, въ своихъ «Запискахъ» [1]), умолчалъ о казни. Русскie люди привыкли быть осторожными въ этомъ отношенiи, научились уже быть несообщительными; они предпочитаютъ молчать. «Мовчатъ, бо благодiнствуютъ», по злому объясненiю генiальнаго сатирика, тоже, какъ и Мировичъ, малоросса. Наша мемуарная литература, поэтому, крайне бѣдна; у насъ мало записокъ, да и тѣ подъ запретомъ. Это досадное обстоятельство заставляетъ нерѣдко обращаться къ сообщенiямъ иностранцевъ [2]) для разъясненiя чисто русскаго вопроса, что крайне неудобно.

Въ манифестѣ 17-го августа было объявлено «во всенародное извѣстie», что капитану Власьеву и поручику Чекину повелѣно было «призирать и соблюдать» Ивана III и что они же «пресѣкли жизнь его»; спустя мѣсяцъ, въ сентенцiи по винамъ Мировича и его сообщниковъ, обнародованный тоже «во всенародное извѣстie», вовсе уже не упоминается объ убiйцахъ Ивана Антоновича, самое умерщвленie его названо «приневоленнымъ» и даже заявлено, что «сего несчастнаго принца убiйцомъ признать должно Мировича». Что же это такое?

Убiйство есть убiйство, и ничѣмъ инымъ быть не можетъ. Такъ смотрѣли на это русскie люди, читая манифестъ, дивились, что преступленie приравнено въ немъ къ добродѣтели, но молчали и только старались найти не оправданie— оно для нихъ было невозможно, но объясненie непонятному факту [3]). Объяснили это въ то время особою инструкцiею, данною еще императрицею Елизаветою Петровною, приставленнымъ къ Ивану Антоновичу офицерамъ и обязывавшею ихъ, въ случаѣ возмущенiя, направленнаго къ освобожденiю принца, умертвить Ивана III; слухи только прибавляли, что

---

[1]) *Русск. Архивъ*, 1871, 681.

[2]) Le peuple a gardé un énorme silence pendant les cérémonies de l'exécution de ce malheureux. Изъ депеши гр. *Сакена*, отъ 29 сентября въ *Дрезд. Архивъ*, 1764, vol. I, № 80.

[3]) Депеша гр. *Сакена*, отъ 7-го сентября: Les Russes se trouvant entre quatre yeux épluchent avec assez peu de ménagement le contenu et les expressions du manifeste (*Дрезд. Архивъ*, 1764, vol, I, № 74).

эта инструкція не была отмѣнена Екатериною. Въ то время никто даже и не думалъ, чтобъ именно Екатерина могла быть творцомъ этой инструкціи. Современниковъ обманывало поведеніе самой Екатерины, которая даже слухъ, приписывавшій инструкцію ея теткѣ, публично называла «безбожнымъ и безсовѣстнымъ» [1]).

Во всемъ дѣлѣ о Мировичѣ, какъ вь слѣдствіи, такъ и въ судѣ, нѣтъ ни слова объ инструкціи. Въ первомъ же донесеніи Панина императрицѣ, писаннымъ подъ свѣжимъ еще впечатлѣніемъ, сказано только, что это дѣло «несказанно похвальною резолюціею капитана Власьева и поручика Чекина пресѣчено», какъ будто инструкціи и не существовало, какъ будто Власьевъ и Чекинъ не были только слѣпыми исполнителями инструкціи. Еще не зная никакихъ подробностей шлюссельбургской катастрофы, Екатерина, въ своемъ отвѣтѣ на это первое сообщеніе Панина, приказываетъ ему «верныхъ офицеровъ обнадежить Нашей милостію». Даже въ частной перепискѣ Екатерины съ Панинымъ, почти интимной, какъ не предназначавшейся къ обнародованію, ни разу не упоминается объ инструкціи. Не зналъ объ ней слѣдователь, генералъ-поручикъ Веймарнъ, не знало и верховное судилище. Въ одномъ изъ первыхъ же засѣданій суда былъ поднятъ вопросъ вполнѣ естественный, о поведеніи Власьева и Чекина: дѣйствительно ли настояла безусловная необходимость «умертвить» принца Ивана [2]), но онъ не обсуждался, какъ не относящійся въ строгомъ смыслѣ слова къ дѣлу Мировича. Инструкціею, возможностью ея разоблаченія, и ничѣмъ инымъ, объясняется та нервность, та «чувствительность», съ которою Екатерина по ея собственнымъ словамъ, относилась къ

1) *Госуд. Архивъ*, VI, 399, л. 62; *Чтенія*, III, 276.

2) Депеша гр. *Сакена*, отъ 11-го сентября: Il y avoit dans la commission bien des esprits revêches, qui ont voulu que les officiers qui ont assassinés le prince Iwan y fussent de même jugés (*Дрезд. Архивъ*, 1764, vol. I, № 78). Депеша англійскаго посланника гр. *Букингэма*, отъ 11-го же сентября 1764 года: Dans le cours du proces de Mirovitz il s'est passé bien des choses qui ont été assez désagréables a l'impératrice, et particulièrement le zéle montré par quelques-uns des juges pour s'enquérir si la nécessité absolue alléguée par les deux officiers de mettre à mort le prince Iwan, était suffisamment fondée (*Grimblot*, 237; *Raumer*, III, 381).

дѣлу Мировича. Позже когда уже Екатерина вполнѣ утвердилась на престолѣ, объ инструкціи писали и печатали [1]), не въ Россіи, конечно, за ея предѣлами, и Екатерина не обращала на это вниманія, не считала нужнымъ даже опровергать подобное извѣстіе: но въ 1764-мъ году объ ея инструкціи никто не долженъ былъ знать, никто и не зналъ [2]).

Крикъ ужаса раздался въ Западной Европѣ, когда она прочла переводъ манифеста 17-го августа объ умерщвленіи Ивана Антоновича. Общественное мнѣніе Англіи, Франціи, Германіи не имѣло причинъ ни скрывать своего негодованія

[1]) Сперва объ этомъ упоминали, какъ о слухѣ только: On s'efforce à justifier la conduite et le procédé aussi criminel qu'inhumain et barbare de ce gouverneur, en disant que l'officier de garde avoit ordre de prévenir l'enlévement de ce Prince par une telle voye (*Iwan*, 35; Geschichte von dem Leben, der Regierung und Verstossung vom Throne Ivans III, London, 1766, s. 17). Въ 1771 г. это уже сообщается, какъ положительный фактъ: Ein Hauptmann und ein Lieutenant, welche seine Wächter waren, wurden mit ihm eingeschlossen, und bekamen den schriftlichen kaiserlichen Befehl, dass, venn jemals eine Empörung zum Besten des Prinzen entstehen sollte, welche schlechterdings nicht anders als durch die Ermordung desselben erstickt werden könnte, so sollten sie in diesem Nothfall solches äusserste Mittel ergreifen (*Büsching*, VI, 530).

[2]) Съ Власьева и Чекина была взята формальная подписка. Въ общемъ, они обязывались «молчать» три раза: 1) указомъ 3 августа 1762 года, помѣщаемомъ ниже, въ Приложеніяхъ, 1, 8; 2) подпискою 13 октября 1764 года, которую отобралъ отъ нихъ Веймарнъ (*Госуд. Архивъ*, VI, 400, ч. 3., № 3-й) и которою они обязывались молчать «о бывшей службѣ», наконецъ, 3) подпискою 22 марта 1766 года, въ которой сказано: «о произшествіи случившемся въ прошломъ 764-мъ году съ покойнымъ принцомъ Иваномъ никому ни тайно, ни явно не разсказывать и ктобъ о томъ другой ни говорилъ, въ те разговоры не вмешиваться сколько возможно, а притворяться совсемъ людьми ничего о семъ незнающими» (*Госуд. Архивъ*, VI, 350, ч. 5-я). За свою службу въ Шлюссельбургѣ, какъ и за молчаніе, они были щедро вознаграждены: Власьевъ былъ произведенъ въ секундъ-майоры и, сверхъ того, каждый изъ нихъ получилъ по 7000 р. (*Госуд. Архивъ*, VI, 400, ч. 3, № 4; *Осмнадц. Вѣкъ*, III, 386; *Iwan*, 70; *Castéra*, III, 90; *Saldern*, 227). Дальнѣйшею судьбою Власьева и Чекина, конечно, никто не интересовался и она вполнѣ неизвѣстна. Подробности, передаваемыя иностранными писателями, не заслуживаютъ довѣрія. Die Officiers machten sich durch ihre That beym Publico so verhasst, dass, als sie nachmals am Hofe erschienen, jedermann Verachtung und Abscheu gegen sie äusserte (Büsching VI, 536). On avoit aussi craint pour ses deux assassins, Oulousieff (Wlasieff) et Tschekin, qui, dès qu'ils eurent commis leur crime, trouvèrent un vaisseau tout prêt â les transporter en Danemark, où le ministre de Russie s'empressa de les accueillir (*Castéra*, II, 89).

по поводу звѣрскаго убійства ни въ чемъ неповиннаго юноши, ни лицемѣрить въ оцѣнкѣ тенденцій, исповѣдуемыхъ составителями манифеста. Появились листки, брошюры, пасквили. Манифестъ подвергся подробному разбору и убійство Ивана Антоновича вызвало единогласное осужденіе. Екатерина, обманутая молчаніемъ Россіи, увидѣла теперь, что подчиненіе общечеловѣческихъ понятій личнымъ чувствованіямъ не всегда проходитъ безнаказаннымъ. Ей пришлось прочесть въ заграничной печати много нелестныхъ отзывовъ, иногда довольно грубыхъ, но, по большей части, весьма правдивыхъ. Она сознала, что съ общественнымъ мнѣніемъ приходится считаться даже самодержавцамъ. Вотъ почему она признала неудобнымъ оставлять безъ отвѣта отзывъ «Свободнаго Англичанина» и съ ея вѣдома былъ обнародованъ на французскомъ языкѣ, въ Лондонѣ, «Отвѣтъ несвободнаго русскаго слишкомъ свободному англичанину»[1]). Приводимъ наиболѣе спокойный листокъ, появившійся подъ заглавіемъ «Замѣтки путешественника нѣмца на манифестъ 17 августа»[2]) и представляющій взглядъ западно-европейскаго человѣка на «пресѣченіе жизни» шлюссельбургскаго узника.

«Какъ ни была уже печальна судьба несчастнаго принца Ивана, ему не удалось, однако, избѣгнуть и послѣдняго насилія со стороны націи, не охотно упускающей всякій случай проявить свое звѣрство. Испытавъ на себѣ въ теченіе 23-хъ лѣтъ невозможное обращеніе, недостойное уважающей себя націи, ему суждено было и умереть чисто по-русски.

«Не подлежитъ, конечно, сомнѣнію, что принцу Ивану незаконно предназначено было носить русскую император-

---

[1]) Remarques d'un Anglois Libre sur le manifeste de l'Impératrice de Russie en date du 17 Août 1764. Londres. 1765. Réponse d'une Russe, qui n'est pas libre, à un Anglois, qui l'est un peu trop, sur les remarques précédens. Londres. 1765. «Замѣтки» англичанина появились въ 1764 году, въ видѣ уличнаго листка. Въ этой брошюрѣ in 12⁰ «Замѣтки» занимаютъ 4 страницы, «Отвѣтъ»—10 страницъ. Для правильной оцѣнки подобныхъ листковъ необходимо замѣтить, что они составлялись по переводу манифеста, въ которомъ допущены нѣкоторыя смягченія. Такъ, при упоминаніи объ умерщвленіи Ивана Антоновича, выраженіе русскаго оригинала: «приняли между собою крайнѣйшую резолюцію» передано въ нѣмецкомъ переводѣ такъ: fassten sie unter sich den, obwol harten, doch äussersten Entschluss.

[2]) Remarques d'un Voyageur Allemand sur le manifeste du 17 Août 1764. Londres, 1765.

скую корону: по праву, она принадлежала не Ивану III, даже не Елизаветѣ Петровнѣ, а Петру III. Но можно ли ставить въ вину Ивану то, что сдѣлали его именемъ другіе? Какое участіе могъ проявлять ребенокъ, когда его, еще спеленутаго, предназначили быть наслѣдникомъ престола? Можно ли его назвать узурпаторомъ? Если же онъ не былъ узурпаторомъ, съ нимъ должны были обходиться и обязаны были его воспитывать сообразно его рожденію. Если даже допустить, что онъ дѣйствительно былъ лишенъ разума и смысла человѣческаго, то это лишь доказываетъ, что съ нимъ поступали такъ точно, какъ нѣкогда съ Петромъ Великимъ, которому, по честолюбивымъ видамъ царевны Софіи, хотѣли дать такое воспитаніе, чтобъ сдѣлать его навсегда неспособнымъ царствовать. Если бъ Петръ Великій не былъ одаренъ природою, если бъ Лефортъ, его воспитатель и другъ, не защитилъ бы его отъ убійственныхъ намѣреній націи, онъ скороталъ бы свой вѣкъ въ полной неизвѣстности и Россія оставалась бы, попрежнему, дикою пустынею.

«Казалось, будто новый «золотой вѣкъ» начался въ Россіи и Мудрость избрала эту имперію, чтобъ воздвигнуть въ ней чертогъ свой. И что же? Петръ III, законный наслѣдникъ престола, низложенъ и сведенъ со сцены, такъ какъ, говорятъ, онъ не былъ уменъ; равнымъ образомъ и жизнь несчастнаго Ивана ставится ни во что, потому что «кромѣ весьма ему тягостнаго и другимъ невразумительнаго косноязычія, онъ былъ лишенъ разума и смысла человѣческаго». Если будутъ продолжать такимъ образомъ лишать жизни всѣхъ, не обладающихъ умомъ или косноязычныхъ, то придется трепетать за жизнь весьма многихъ лицъ.

«Ничего, однако, не можетъ быть таинственнѣе, какъ обстоятельства, которыя вызвали и должны оправдывать неслыханное убійство.

«Что нѣкоему Мировичу, подпоручику смоленскаго полка, малороссу, внуку перваго измѣнника, послѣдовавшаго за Мазепою, проходимцу, знавшему принца Ивана только по имени, вздумалось возстановить этого несчастнаго принца на престолѣ, который онъ никогда не занималъ—это очень правдоподобно. Этотъ безразсудный человѣкъ, поощряемый примѣромъ другихъ, измѣной сдѣлавшихъ блестящую карь-

еру, воображалъ, быть можетъ, что отсутствіе императрицы представляетъ благопріятный случай для выполненія безъ особеннаго труда его безумнаго предпріятія. Съ этой цѣлью онъ просится въ караулъ шлюссельбургской крѣпости; ночью ведетъ солдатъ къ тому мѣсту, гдѣ содержится принцъ; бьетъ прикладомъ ружья коменданта, вышедшаго изъ своихъ покоевъ, чтобъ узнать причину тревоги; стрѣляетъ въ горсть солдатъ, охраняющихъ принца Ивана. Его приступъ отбитъ и, по особенному благоволенію Провидѣнія, поднимается такой густой туманъ, что никто ни убитъ, ни раненъ. Ярость и отчаяніе внушаютъ Мировичу мысль привезти съ бастіона пушку—это тоже очень вѣроятно. Но что же было предпринято въ столь критическомъ положеніи? Вмѣсто того, чтобъ воспользоваться туманомъ, облегчавшимъ возможность схватить измѣнника, чтобъ утушить бунтъ, не видятъ другого исхода, какъ умертвить невиннаго, который не только не принималъ ни малѣйшаго участія въ этомъ предпріятіи, но даже не былъ извѣстенъ своему непрошенному освободителю; къ тому же онъ, по описанію всѣхъ, рѣшительно никому не былъ опасенъ. Это такое дѣйствіе, которое можетъ быть оправдываемо только въ Россіи. Каковы ни были бы побужденія двухъ русскихъ офицеровъ, обагрившихъ свои безчеловѣчныя руки въ неповинной крови, могутъ ли эти побужденія оправдать ихъ въ умерщвленіи невиннаго принца, который былъ порученъ ихъ охранѣ и котораго они, согласно своей священной обязанности, должны были защищать до послѣдней капли крови? Единственною ихъ заботою было отбиваться отъ нападающихъ и наказать бунтовщиковъ; но принятое ими рѣшеніе—умертвить спящаго принца Ивана—казалось имъ, конечно, болѣе выгоднымъ для ихъ карьеры и, во всякомъ случаѣ, менѣе опаснымъ для нихъ лично, чѣмъ принять участіе въ прекращеніи бунта.

«Послѣ такого доблестнаго подвига, Власьевъ и Чекинъ выбрасываютъ трупъ убитаго принца за двери каземата и Мировичъ, не знавшій до того принца Ивана, чуднымъ образомъ признаетъ въ немъ теперь своего императора, несмотря на густой туманъ. Этотъ неожиданный ударъ поражаетъ его до такой степени, что онъ всей своей командѣ выражаетъ свое раскаяніе и свою скорбь, даетъ себя аресто-

вать и изъ всей команды, бывшей его соучастницей, одинъ онъ, ея начальникъ, арестованъ, одинъ онъ казненъ.

«Одни и тѣ же дѣйствія не всегда имѣютъ одни и тѣ же послѣдствія. Капитанъ, великороссъ, внукъ измѣнника, отступая отъ закона Божія и присяги, учиненной законному государю, достигъ блестящаго положенія: подпоручикъ, малороссъ, внукъ измѣнника, отступая отъ закона Божія и присяги, учиненной своей государынѣ, осужденъ на смертную казнь. Родившіеся подъ различными созвѣздіями, два измѣнника испытываютъ различную судьбу: одинъ возведенъ въ графы, сенаторъ, кавалеръ многихъ орденовъ; другому отрублена голова и тѣло его сожжено вмѣстѣ съ эшафотомъ».

Такъ отнеслась Европа къ шлюссельбургской катастрофѣ—она увидѣла въ ней не только государственное преступленіе Мировича, но и уголовное преступленіе Власьева и Чекина. Примѣняя къ Россіи общеевропейскія понятія, западные публицисты прошлаго вѣка привлекали русскій народъ къ отвѣтственности за дѣянія, въ которыхъ онъ ни мало не повиненъ. Не только народъ, даже общество русское не имѣло возможности ни выразить свои взгляды [1]), ни тѣмъ менѣе влiять на правительственныя распоряженія. Мы и до сихъ поръ еще не имѣемъ русскихъ словъ для выраженія понятій о «протестѣ», объ «оппозиціи». Къ чести русскаго народа и русскаго общества должно, однако, замѣтить, что русскіе люди не остались безучастными къ злосчастной судьбѣ Ивана Антоновича. Въ Россіи долго помнили о безвинно убіенномъ и свои взгляды на шлюссельбургское преступленіе выражали въ формѣ своеобразной, конечно, но не допускавшей никакого сомнѣнія [2]).

---

[1]) Въ депешѣ гр. *Сакена*, отъ 29 сентября эти взгляды переданы такъ: On dit assez ouvertement, qu'aprés avoir versé deux fois un sang auguste et innocent, il seroit hors de saison d'être difficile à sacrifier celui du vulgaire, surtout si le besoin l'exige pour pallier un acte, qui fait frémir l'humanité et pour répondre de l'incertitude et des doutes sur les ressort primitifs d'un événement qui a frappé toute l'Europe. On m'a assuré que quelques uns de la populace ont fait des prières pour l'ame de Mirowitch, comme pour un martire et cela sur la place même de l'exécution (*Дрезд. Архивъ*, 1764, vol I, № 80).

[2]) Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ убіенія Ивана Антоновича, въ 1765 году, проявились сочувствія и не только къ нему, но и къ Петру III (*Госуд. Архивъ*, VII, 2174); въ 1766 году разсматривалось шесть тайныхъ

Шлюссельбургская катастрофа, казнью Мировича и его сообщниковъ такъ или иначе окончившаяся, значительно помогла Екатеринѣ. Теперь уже Вольтеръ не будетъ безпокоится, что «Іоаннъ можетъ отнять престолъ у Екатерины», а Фридрихъ II напрасно будетъ освѣдомляться у своего представителя въ Петербургѣ, «убіеніе принца Ивана не облегчитъ ли Екатеринѣ вступить въ бракъ съ Орловымъ». Нѣтъ, теперь только, черезъ два года по воцареніи, Екатерина стала самодержавна въ полномъ смыслѣ слова. Исчезъ Петръ III, умерщвленъ Иванъ III, нѣтъ ни одного изъ претендентовъ; теперь могутъ быть только самозванцы. Они будутъ; но это будутъ уже лишь тѣни претендентовъ, отъ которыхъ Екатерина сумѣла избавиться.

дѣлъ, въ которыхъ поминалось имя Ивана Антоновича (*Ibid.* 2195, 2197, 2200, 2205, 2206, 2208), въ 1767 году—десять дѣлъ объ оскорбленіи величества и, въ томъ числѣ, два по дѣлу Ивана III (*Ibid.*, 2212, 2213, 2217, 2230, 2233, 2237, 2238, 2245, 2252). Замѣчательно, однако, что въ первые годы по умерщвленію Ивана Антоновича, эти своеобразные «протесты» шли преимущественно изъ провинцій; только однажды былъ открытъ заговоръ въ Москвѣ и то въ пользу брата Ивана Антоновича, какъ законнаго наслѣдника русскаго престола. Въ 1774 году, извѣстная Тараканова привлекала къ себѣ симпатіи потому, между прочимъ, что въ ней видѣли сестру шлюссельбургскаго мученика (*Госуд. Архивъ*, VI, 532; Die vorgebliche Tochter der Kaiserin Elisabeth, s. 102); въ 1788 году, купецъ Курдиловъ выдавалъ себя за Ивана Антоновича (*Ibid.*, 544; *Осмнадц. Вѣкъ*, I, 398). Быть можетъ были подобные протесты и позже; быть можетъ, ихъ не было—мы не знаемъ. Во всякомъ случаѣ, никогда въ Россіи умерщвленіе Ивана Антоновича не оправдывалось русскими людьми; никогда русскіе люди не признавали подобное преступленіе «естественнымъ», не объясняли его «печальною необходимостью» (*Büsching*, VI, 536; *Брюкнеръ*, 91).

Je suis un peu en peine de mon impératrice Catherine: je crains bien qu'Iwan ne détrône notre bienfaitrice. Voltaire à M-r le comte d'Argental, du 28 Septembre 1762. (*Voltaire*, LXXXVIII, 92). Вольтеръ два раза упоминаетъ о судьбѣ Ивана Антоновича, въ двухъ письмахъ къ извѣстной Дю-Деффанъ, отъ 21-го сентября и 3-го октября 1764 года, и оба раза почти въ тождественныхъ выраженіяхъ: Quand on voit que le prince Iwan a été empereur à l'âge d'un an, qu'il a été vingt-quatre ans en prison et qu'au bout de ce temps il est mort de huit coups de poignard, la philosophie trouve là de trés bonnes reflexions à faire et elle nous dit alors que nous devons être heureux de tous les maux qui ne nous arrivent pas. Voltaire à M-me la marquise du-Deffant, du 21 de septembre et 3 d'octobre (*Voltaire*, LXXXIX, 237 et 250).

Депеша гр. *Сольмса*, отъ 9 ноября 1764 г., въ *Берлин. Архивѣ*, XI, 175; Приложенія, III, 7.

Аракчеевъ

и

военныя поселенія.

ВОСПОМИНАНІЯ СОВРЕМЕННИКОВЪ.

I.

Воспоминанія М. Ѳ. Бороздина.

I.

Характеристика гр. Аракчеева.—Примѣры изъ его дѣйствій по водворенію военныхъ поселеній въ Новгородской губерніи.—Анекдотъ съ поросенкомъ.—Строгость и грубость обращенія съ подчиненными, въ округахъ военныхъ поселеній.—Вліяніе мѣщанки Анастасіи Ѳедоровой на гр. Аракчеева.—Убійство ея.—Утрата значенія гр. Аракчеева по кончинѣ императора Александра I.

1831 г.

Послѣ 1814 года графу Аракчееву поручено было составить проектъ учрежденія военныхъ поселеній [1]). Цѣль заключаласъ—въ сокращеніи расходовъ на содержаніе армій и въ образованіи войска — обученнаго и мало стоющаго казнѣ.

Мнѣнія Барклая де-Толли и Дибича о вредныхъ послѣдствіяхъ подобнаго учрежденія оставлены безъ вниманія.

Пробѣгая исторію новѣйшаго времени Россіи, невольно останавливаешься на личности графа Аракчеева. Не беру на себя труда судить о его государственномъ умѣ... Но достоинство ума теряетъ цѣну, если человѣку чужды снисходительность и состраданіе къ другимъ,—если въ его душѣ подавлены нѣжныя чувства, и камень замѣняетъ сердце.

Положеніе графа Аракчеева во главѣ государственнаго управленія возстановило противъ него и зависть, и недоб-

---

[1]) Проектъ о военныхъ поселеніяхъ не былъ составленъ какъ цѣльное положеніе. Все, что постановлено по этому предмету, вырабатывалось изъ опыта, и вводилось въ исполненіе въ разное время съ 1816 по 1823 годъ.

рожелательство. Но онъ шелъ своимъ путемъ всегда угрюмый, холодный, непреклонный, недовѣряющій другимъ, отвергнувшій отъ себя общество. Тяжелый характеръ его и притязательность къ лицамъ, пользующимся общимъ уваженіемъ, увеличивали число враговъ. Переписка графа съ новгородскимъ губернаторомъ Сумароковымъ, помѣщикомъ Свѣчинымъ, съ графомъ Буксгевденомъ и другими, даетъ понятіе о мелочныхъ и несправедливыхъ придиркахъ къ людямъ, которые откровенно высказывали временщику горькую истину. Карамзинъ не ранѣе получилъ пособіе на изданіе своей исторіи, пока не исполнилъ тягостный для него визитъ къ графу Аракчееву въ 1818 году. Рылѣевъ выставилъ его въ своей сатирѣ: «Къ Временщику».

Для Аракчеева не было ничего невозможнаго,—онъ жертвовалъ всѣмъ для своихъ цѣлей. Онъ смотрѣлъ на простой народъ, какъ на орудія физической силы.

Новгородская губернія, наполненная закоренѣлыми раскольниками, обратила на себя его вниманіе. Потомки прежней новгородской вольницы сохранили еще черты стариннаго буйнаго характера. Даже монахи Рдѣйскаго монастыря (подъ Холмомъ) выходили для промысла на дороги. Эта губернія избрана была центромъ военнаго поселенія, которое формировалось изъ казенныхъ деревень и имѣній, насильно вымогаемыхъ у помѣщиковъ. Дворяне, притѣсняемые всѣми возможными средствами, принуждены были удаляться изъ родовыхъ помѣстьевъ. На правомъ берегу Волхова, почти напротивъ Юрьевской обители, жилъ отставной полковникъ, ветеранъ временъ Суворова. Ему предложили продать свое имѣніе: тотъ и слушать не хотѣлъ. Аракчеевъ приказалъ обвести канавою все его помѣстье, засѣять поля хлѣбомъ и забирать скотъ и птицъ, если попадутся на казенной землѣ. Полковникъ, отрѣзанный отъ города и отъ рѣки, долженъ былъ наконецъ покинуть свое гнѣздо.

Изъ казенныхъ деревень—Ясенева (въ 13 верстахъ отъ Новгорода), первая обращена въ поселеніе. Лейбъ-гвардіи Семеновскій полкъ прибылъ изъ столицы въ декабрѣ мѣсяцѣ и шесть недѣль блокировалъ селеніе мирнымъ способомъ. Крестьяне, оттѣсненные къ послѣдней избѣ, измученные голодомъ и холодомъ—покорились; цирульники сейчасъ же

остригли и обрили ихъ, подъ жалобный вой крестьянокъ. Командировка полка въ насмѣшку названа была—Ясеневскою кампаніею. Это сообщилъ мнѣ оставной ген.-лейт. Дубельтъ.

Въ другихъ селеніяхъ крестьяне высказали болѣе упорства: они гибли въ наказаніяхъ, не желая разстаться съ своими бородами; многіе были закованы въ цѣпи, какъ преступники и отправлены въ Оренбургскій край.

Такимъ образомъ правительственныя власти укореняли неудовольствіе и ропотъ между дворянствомъ и простымъ народомъ. Время и сила поддержали нововведеніе, но воспоминаніе о безчеловѣчныхъ поступкахъ сохранилось въ памяти молодого поколѣнія.

Поселянамъ дали ружья и аммуницію,—они пахали землю и ходили на ученья,—дѣти ихъ составляли батальоны военныхъ кантонистовъ. Округа получили названія по полкамъ Гренадерскаго корпуса, а 13-й и 14-й—назначены были для артиллеріи. Полки раздѣлялись на батальоны и роты. Деревни (связи) перестроены по утвержденнымъ планамъ и фасадамъ.

Аракчеевъ придавалъ поселенію великое значеніе, какъ дѣлу преобразованія грубаго народа, какъ подвигу человѣколюбія. Подлая лесть, въ отчетѣ за 1824 годъ, выставила графа *«великимъ геніемъ»*, который *«въ три мѣсяца»* измѣнилъ въ крестьянскомъ населеніи *«прежніе буйные нравы, пороки и самые даже порывы къ дурнымъ и вреднымъ наклонностямъ»*.

Графъ упросилъ однажды императора Александра I взглянуть на обновленный бытъ поселянъ, на чистоту ихъ домашняго быта, на обиліе въ средствахъ продовольствія. Государь къ удовольствію своему замѣтилъ на столахъ въ обѣденное время—хорошія щи, квасъ и жареныхъ поросятъ; полы въ домахъ были будто новые, потому что крестьянъ обязывали застилать ихъ въ будень рогожами. Орловъ былъ догадливѣе: онъ отрѣзалъ въ первой избѣ ухо у поросенка, а въ пятой—приставилъ его на свое мѣсто къ головѣ странствующаго по избамъ зажаренаго животнаго. Пока императоръ улицею переходилъ изъ избы въ избу, поросенокъ задворками переносился со стола на столъ въ другіе дома.

Съ нижними чинами Аракчеевъ отличался жестокостью. Передъ солдатами онъ напоминалъ начальникамъ о человѣко-

любiи, а за глазами требовалъ строгости и суровой взыскательности. Имя его наводило страхъ на военныхъ.

Офицеры обязывались собираться на общiй обѣдъ въ полковые и батальонные штабы; не являющихся подвергали штрафу [1]). Заведенные дилижансы привозили и развозили офицеровъ послѣ обѣда обратно по деревнямъ. Иногда графъ являлся къ обѣду, но садился всегда за особымъ столомъ. Тарелка съ кушаньемъ, назначаемая имъ кому-либо изъ присутствующихъ — считалась знакомъ особаго расположенiя грознаго начальника.

Участь офицеровъ была слишкомъ незавидная. Для нихъ не было отставки. Упорнымъ просителямъ, по правамъ дворянской грамоты, выдавались *«волчьи билеты»* — нигдѣ не принимать на службу, кромѣ военнаго поселенiя.

Полковые командиры въ угожденiе графу старались превзойти другъ друга въ жестокомъ обращенiи съ подчиненными. Графскiй полкъ до такой степени былъ озлобленъ безчеловѣчiемъ своего командира полковника Фрикена, что едва не поднялъ его на штыки. Этотъ человѣкъ вырывалъ у солдатъ клочьями волосы, билъ эфесомъ сабли по головѣ, а о палкахъ и говорить нечего: они пробивали спины до костей.

Офицеровъ ругали и оскорбляли, стригли на барабанахъ передъ полкомъ, а молодого прапорщика Салогуба Фрикенъ засадилъ за рѣшетку вмѣстѣ съ арестантами,—потомъ при объясненiи нанесъ ему побои по лицу. Офицеръ Ботте съ товарищемъ бѣжали изъ полка, и пойманы были уже въ Курляндiи.

Немѣровскiй, бывшiй секретарь Аракчеева, разсказывалъ, что разъ подавая графу бумаги для подписи, чѣмъ-то не угодилъ ему и получилъ такого *«подзубника»*, что ему показалось, будто бы голова его отлетѣла отъ тѣла. «Пришлось промолчать! на другой день подалъ въ отставку и славу Богу, что выпустили еще на волю!»

---

[1]) На этихъ обѣдахъ предписывалось соблюдать строгую умѣренность. Дозволялось покупать вино, но «шампанскаго—ни въ какомъ случаѣ».

Исторія съ прапорщикомъ Салогубомъ взволновала всѣхъ офицеровъ: они рѣшились принести жалобу императору. Аракчеевъ успѣлъ ихъ отговорить, выставляя позоръ полка его имени, и обѣщаясь наказать Фрикена. Послѣ смотра графъ доложилъ Государю, что офицеры «*бунтуютъ*». Въ слѣдующую ночь до 11-ти офицеровъ исчезли изъ полка, неизвѣстно куда.

Артиллеристы замѣняли въ поселеніи Генеральный Штабъ, архитекторовъ и инженеровъ [1]). Имъ поручались—постройка деревень и мостовъ, проведеніе дорогъ, съемки, заготовленіе разныхъ строительныхъ матеріаловъ. Аракчеевъ назначалъ имъ хорошія справочныя цѣны, и называлъ дураками тѣхъ, кто представлялъ экономію... Офицеры, живя поодиночкѣ въ селеніяхъ, искали утѣшенія отъ грусти—въ водкѣ. Вотъ настоящая причина пьянства, которымъ сдѣлались извѣстными поселенные артиллеристы.

Другая замѣчательная личность въ поселеніи была Анастасія Ѳедоровна, жена мелочного торговца въ деревнѣ Старая Медвѣдь—мѣщанина Минкина. Куда исчезъ послѣдній—неизвѣстно, а жена его изъ лавочки перебралась въ Грузино, въ домъ графа и сдѣлалась его сожительницею. Простая женщина успѣла подчинить желѣзный характеръ Аракчеева своему вліянію. Она разыгрывала большую роль, генералы, не стыдясь, цѣловали ей руку. Этихъ достойныхъ людей изобразили въ каррикатурѣ: графъ ѣдетъ въ коляскѣ, запряженной генералами—Павломъ Алексѣевичемъ Угрюмовымъ, Шкуринымъ и кажется Полуэктовымъ; Клейнмихель, сидя за кучера, подгоняетъ бичемъ ретивую тройку.

Анастасьѣ льстили, заискивали ея милостей, служили шпіонами и доносчиками (Бухмейеръ, Протопоповъ).

Въ угоду своей любовницѣ Аракчеевъ выстроилъ дорогой мостъ черезъ оврагъ, раздѣляющій селенія—Старую и Новую Медвѣдь.

Искатели стяжаній нерѣдко пріѣзжали изъ столицы вытирать спинами стѣны передней въ Грузино.

---

[1]) Это невѣрно, въ чемъ можно убѣдиться изъ помѣщеннаго въ этой книгѣ «Очерка организаціи воен. посел.», составленнаго по подлиннымъ документамъ. *А. П.*

Хитрая мѣщанка, для усиленія привязанности къ себѣ графа, разсчитала время его отлучки изъ Грузино и объявила ему о своей беременности. Новорожденнаго достала изъ дальней деревни. Это былъ впослѣдствіи флигель-адъютантъ Михаилъ Шумскій, котораго потомъ за пьянство и буйство выгнали изъ службы. Онъ долго шатался по монастырямъ и городамъ, покрытый лохмотьями фризовой шинели, и вѣроятно окончилъ свою жизнь въ какомъ-нибудь кабакѣ.

Злодѣйское обращеніе Анастасьи съ прислугою вынудило повара заступиться за свою сестру: онъ зарѣзалъ любовницу графа (1825 г. сентябрь). Ее похоронили въ Грузинской церкви и «подлой архимандритъ Ѳотій въ надгробной рѣчи утѣшалъ Аракчеева, что зарѣзанная поступитъ въ сонмъ великомученицъ» [1]). Впослѣдствіи ея кости перетащили на общее кладбище, и избавили храмъ отъ поруганія.

Аракчееву дана была полная власть для разслѣдованія злоумышленія. Новгородскій губернаторъ Жеребцовъ и полковникъ Тизенгаузенъ опозорили себя угодливостью временщику въ истязаніяхъ дворни [2]).

Смерть императора была роковымъ ударомъ для графа, знакомаго съ тайною престолонаслѣдія. Послѣ присяги великому князю Константину Павловичу, Аракчеевъ замѣтилъ офицерамъ: «Вы скоро будете снова присягать!» Конечно, въ то время никто не могъ понять значенія этихъ словъ.

При новомъ императорѣ графъ Аракчеевъ сошелъ со сцены и отправился за границу, гдѣ задумалъ издать свою переписку съ покойнымъ государемъ, но его вытребовали въ Россію и предложили успокоиться въ Грузинѣ.

Въ старорусскомъ монастырѣ была картина доморощеннаго художника-поселянина: «Проводы Аракчеева въ адъ». Впереди идетъ графъ въ парадной формѣ, за нимъ свита генераловъ. Толпы поселянъ радостно провожаютъ новаго гостя сатаны...

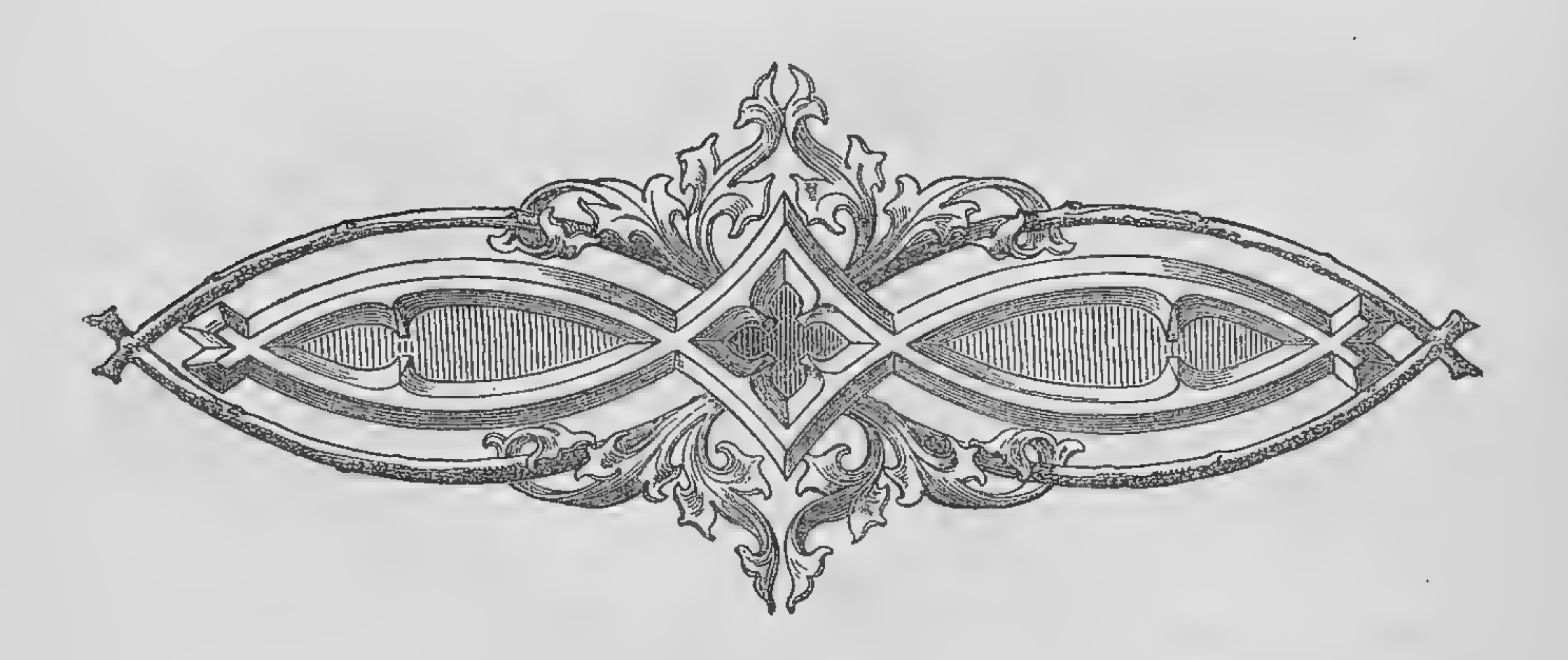
[1]) Записки статсъ-секретаря Марченко. *М. Б.*

[2]) См. два письма по этому случаю императора Александра I къ гр. Аракчееву, въ перепискѣ послѣдняго съ И. Ѳ. Самбурскимъ, №№ 59 и 60.

А. П.

Въ 1831 году сбылись предсказанія герцога Веллингтона и фельдмаршала Барклая де-Толли. Аракчееву суждено было увидѣть плоды своихъ преобразованій въ Новгородскомъ краѣ. Бунтъ поселенія принадлежитъ къ кровавымъ сценамъ варварства, какъ и пугачевщина.

Въ Россіи не было примѣра, чтобы простой народъ возставалъ за свою свободу: имя царя составляло для него неприкосновенную святыню. Это доказываетъ тяжкое царствованіе Іоанна Грознаго и эпоха Бирона. Вспышки народныя были слѣдствіемъ гнета помѣщиковъ и беззаконности чиновничества [1]). Старанія библейскаго общества не могли внушить крестьянамъ духъ свободы! Ни къ чему не послужило и умышленное искаженіе текста священнаго Писанія въ толкованіяхъ Магницкаго! Такія мысли были для нашего народа еще новы и непонятны... Реформаторы—пали, невѣжество продолжало идти обычнымъ путемъ.

[1]) Замѣчаніе это вполнѣ подтверждается описаніемъ нѣсколькихъ, болѣе или менѣе значительныхъ волненій въ массѣ народа, представленныхъ А. Н. Петровымъ для напечатанія въ «Русской Старинѣ». *М. С.*

II.

Причина волненій въ военныхъ поселеніяхъ, подготовившія возмущеніе 1831 г.—Холера.—Толки объ отравѣ и отравителяхъ.—Волненіе въ Старой Руссѣ.—Первые жертвы народнаго невѣжества и озлобленія.—Развитіе мятежа и мѣры къ его погашенію.—Бездѣятельность генерала Леонтьева и умерщвленіе его.—Поступки возмутителей.

Свѣжія раны, нанесенныя учрежденіемъ поселенія, появленіе небывалой болѣзни—холеры, а съ нею вмѣстѣ и стѣснительныхъ карантиновъ, — возмущеніе черни въ Петербургѣ,—подговоры старорусскаго купечества, мечтавшаго о возстановленіи уѣзда,—неодобрительное и жестокое преслѣдованіе раскольниковъ въ поселеніи, поджигательства неблагонамѣренныхъ людей—относятъ къ причинамъ, которыя взволновали умы въ поселеніи. Но главная причина бунта—(по словамъ начальника Сѣверныхъ Поселеній генерала-лейтенанта Фрикена), заключалась въ другомъ.

Императоръ Николай дозволилъ пожилымъ поселянамъ выбрать себѣ въ помощники по хозяйству одного изъ сыновей,—послѣ, разрѣшалось и бездѣтнымъ брать въ помощники кого-нибудь изъ родственниковъ. Воля государя была оглашена къ великой радости народа [1]).

Полковые командиры, не приводя въ исполненіе высочайшаго распоряженія, представили прежде всего генералу Клейнмихелю, что выборомъ кантонистовъ на хозяйство батальоны должны будутъ уничтожиться сами собою. Время проходило, отвѣта не было. Клейнмихель промолчалъ, по-

---

[1]) Мѣра эта дозволялась и прежде, положеніемъ 27 февраля 1820 г. См. X гл. «Очерка орг. и управ. воен. посел.», статью «О передачѣ хозяйствъ». *А. П.*

лагая, что все тѣмъ и кончится. Но народъ не могъ забыть дарованной ему милости и началъ роптать: «Батюшка Царь хочетъ намъ добра, а начальство дѣлаетъ намъ притѣсненія!»

Тысячи жертвъ, окончившія жизнь въ страшныхъ конвульсіяхъ холеры, произвели на народъ страшное впечатлѣніе.—Не понимая физическихъ причинъ явленія, они относили все къ отравѣ, распространяемой начальствомъ и поляками. Неизвѣстные проѣзжающіе говорили:—«мы кольями выгнали холеру изъ столицы».

Большая часть священниковъ стояли на самой низшей степени образованія и отличались отъ поселянъ одною только одеждою. Руководимые корыстью, они потакали безразсуднымъ мнѣніямъ и продавали Христа за деньги. Могли ли они быть наставниками, когда отъ водки въ праздники едва держались на ногахъ. Мой батарейный командиръ Бѣличъ, найдя въ канавѣ пьянаго священника съ крестомъ въ рукахъ, долженъ былъ отправить его въ с. Ефремово. Раскольники это видѣли и, указывая собратьямъ на проповѣдниковъ слова Божія, говорили: «Вотъ вашъ путь къ спасенію души!»

Войска въ это время находились въ Польшѣ, резервы—въ лагерѣ подъ Княжьимъ дворомъ, на Шелони. Ропотъ черни перелился въ негодованіе.

Въ старой Руссѣ командиръ X-го рабочаго батальона заботился о своемъ карманѣ,—посылалъ солдатъ на вольныя работы, а жалованье ихъ удерживалъ въ свою пользу. Въ казармахъ батальона невозможно было свободно дышать отъ курева противъ холеры. Солдатъ, уходившихъ спать на дворъ, наказывали, какъ ослушниковъ. Проклиная начальство и медиковъ, нижніе чины стали вѣрить отравѣ. Разъ увидя, что полицейскій чиновникъ вывезъ изъ города на почтовыхъ какого-то офицера, батальонъ взволновался и пустилъ по городу слухъ, что изъ города вывезли отравителя. А это былъ армейскій офицеръ резервнаго батальона, закутившійся въ городѣ,—полиція отправила его въ батальонъ.

Неблагоразумное распоряженіе начальства о приготовленіи могилъ и гробовъ для будущихъ умершихъ, еще болѣе укоренило въ народѣ пагубную мысль — о несомнѣнности отравы.

На городской площади въ Старой Руссѣ наканунѣ праздничнаго дня собралось много народа. Молва объ отравителѣ разсказывалась съ прибавленіями. Голоса возвышались, толпа увеличивалась, говоръ перешелъ въ крики.

Генералъ *Мевесъ*, оставаясь старшимъ въ Руссѣ, одѣлся въ парадную форму, благословилъ свое семейство и, не слушая остереженій, отправился на площадь увѣщевать народъ. Одинъ пьяный мѣщанинъ ударилъ его палкою сзади по головѣ. Первая жертва пала, кровь—пролита! Этого было довольно, чтобы подняться «во имя Царя» на истребленіе дворянъ-отравителей. Можно судить о жестокости черни, когда она даже верховую лошадь генерала, выведя на улицу, мучила до тѣхъ поръ, пока та не издохла!

Полиціймейстеръ полковникъ *Манжосъ* два дня скрывался, наконецъ, былъ пойманъ мѣщанами, убитъ и выброшенъ на улицу для поруганія, какъ заклятый врагъ раскольниковъ. Ему размозжили голову каменьями,—старики приходили потоптать его трупъ ногами. Раскольники не могли забыть, какъ Манжосъ водилъ ихъ, вмѣстѣ съ старшиною Цебриковымъ, по улицамъ города подъ конвоемъ съ барабаннымъ боемъ.

Одинъ штабъ-офицеръ, проѣзжая чрезъ Старую Руссу, поспѣшилъ въ Шелонскій лагерь (49 верстъ) для извѣщенія генерала *Леонтьева*. Тотъ потребовалъ форменнаго донесенія. Пока выполнялись канцелярскіе порядки, прошелъ день, и только къ вечеру другого дня войска успѣли прибыть въ городъ.

Кое-какъ удалось уговорить поселянъ. Изъ столицы получено повелѣніе—дѣйствовать мирными средствами.

Рабочій батальонъ, опасаясь разслѣдованія, разбѣжался по окрестнымъ округамъ и началъ поджигать къ новымъ безпорядкамъ.

Леонтьевъ держалъ въ городѣ войска въ сборѣ, бивакам на улицѣ. Четыре орудія резервной роты капитана Е. И. Грязнова поставлены были противъ моста; картечь приготовили изъ камней (плетеную).

Нестерпимая жара, духота въ улицахъ и подговоры мѣщанъ поколебали солдатъ; они согласились дѣйствовать въ пользу поселянъ. Толпы не замедлили подступить къ городу, рабочій батальонъ устроилъ черезъ рѣку мостики, дабы

миновать орудія. Въ округахъ образовались скопища, разъѣзжая по деревнямъ и полямъ, выгоняли жителей на общее дѣло.

Движеніе по округамъ началось одновременно; у бунтовщиковъ явились списки всѣхъ начальниковъ и служащихъ.

Леонтьеву представляли о необходимости рѣшительныхъ мѣръ. Артиллерійскіе офицеры просили разрѣшенія — открыть огонь. Тотъ ни на что не соглашался. Его страшилъ примѣръ генерала Коровкина, который въ южномъ поселеніи остановилъ мятежъ при первой вспышкѣ.

Леонтьевъ былъ малодушенъ. Отвѣтственность за пролитіе крови нѣсколькихъ возмутителей, чтобы тѣмъ спасти сотни невинныхъ людей отъ истязаній и смерти—наводила ужасъ на генерала. У него не достало духа на такое самопожертвованіе,—не доставало рѣшительности Коровкина, за то онъ и поплатился дорого.

Всѣ его увѣщеванія остались безполезными. Орудія обойдены и захвачены, но солдаты артиллерійскіе не выдали поселянамъ капитана Грязнова и офицера Путятина, которыхъ перерядили въ свои шинели.

Въ батальонахъ солдаты воткнули штыки въ землю и спокойно смотрѣли, какъ поселяне вытаскивали изъ фронта офицеровъ. Леонтьева—забили шомполами. Мятежники разсыпались по городу для новыхъ злодѣйствъ и грабежа, руководимые подпоручикомъ рабочаго батальона Соколовымъ.

Въ с. Каростынѣ, даже старые солдаты не хотѣли стрѣлять и канониры вырвали пальникъ изъ рукъ офицера Вульфрета, отряженнаго съ двумя орудіями отъ роты Грязнова.

Въ Шелонскомъ лагерѣ полковникъ *Нейманъ* съ нѣсколькими офицерами погибъ въ неравной борьбѣ съ скопищемъ поселянъ, которые осматривали обозъ и офицерскія палатки, отыскивая ядъ. Они были увѣрены, что вода въ рѣкахъ и въ колодцахъ, даже хлѣбъ на корнѣ въ поляхъ — были отравлены.—Захваченные офицеры должны были пробовать изъ каждаго пузырька, банки и жестянки,—приходилось пить чернила, ваксу и горчицу... Прапорщика Н. В. Кузнецова заставили вылизать тушь съ блюдечка, приготовленную для черченія плановъ.

Толпы поселянъ нахлынули во всѣ окружные штабы, пощады не было никому. Офицеровъ пытали—кто отравляетъ, гдѣ спрятанъ ядъ... Несчастные умирали въ истязаніяхъ, какія только могла придумать неистовая чернь... Убитыхъ складывали въ кучи, отмѣчали по спискамъ и нерѣдко приходили повѣрять, не сохранилъ ли кто признаковъ жизни.

Въ артиллерійскихъ округахъ, въ Каровичинѣ, засѣкли капитана Осташкевича. Прапорщику Циско 2-му переломили обѣ ноги, поднимали на вилы, потомъ затоптали лошадьми. Казначея Ломанскаго, избитаго до полусмерти, спасъ какой-то добрый поселянинъ, взявши къ себѣ на домъ.

Въ Ефремовѣ—капитанъ Олсуфьевъ вышелъ къ злодѣямъ съ иконою, но тѣ спокойно отложили святыню въ сторону, а его избили палками изъ церковнаго частокола,—послѣ привязали ногами къ хвосту лошади и таскали по горѣ, которую онъ заставлялъ крестьянъ мостить камнемъ.

Въ Семкиной Горушкѣ—избили поручика Нѣмова; причемъ участвовалъ и самъ хозяинъ его квартиры Мыло, оправдавшій себя тѣмъ, что привезъ въ больницу еле дышущаго своего постояльца.

Въ Ляховицахъ, послѣ истязаній маіора Борщевскаго, привели его въ комитетъ совершенно обнаженнаго и тамъ убили.

Капитанъ Бернадскій долго защищался въ своей квартирѣ,—его изрубили на куски.

Генералу Эмме разбили голову объ стѣну.

Только къ одной Аннѣ Яковлевнѣ Гербель поселяне сохраняли полное уваженіе, поставили свой караулъ къ ея дому, дабы не допускать безчинствъ. Она воспользовалась этимъ случаемъ, и дала убѣжище нѣсколькимъ офицерамъ, несмотря на угрозы поселянъ.

III.

Проявленіе бунта въ Демяновскомъ уѣздѣ, и опасенія въ Новгородѣ.

Въ Демянскомъ уѣздѣ крестьяне собрались около домовъ своихъ помѣщиковъ, чтобы при первомъ удобномъ случаѣ поднять все на воздухъ. Набатъ гремѣлъ по селеніямъ, бунтъ поселенный охватилъ все пространство отъ Новгорода до Холма и Демянска и готовъ былъ переброситься въ Тверскую губернію.

Бунтовщики разсылали записки когда и гдѣ будутъ. Они собирались навѣстить и Аракчеева, съ благодарностью за преобразованія, но графъ успѣлъ ускакать въ Юрьевскую обитель. Губернаторъ Денферъ отказался дать ему караулъ въ городѣ.

Когда въ Новгородѣ получили записку поселянъ изъ Австрійскаго полка, то Денферъ сейчасъ же послалъ полицейскаго чиновника Васильева, вывѣдать духъ солдатъ расположенныхъ на заставѣ. Переодѣтый кучеромъ, чиновникъ вмѣшался въ кружокъ канонировъ, и послѣ разныхъ прибаутокъ спросилъ, что они будутъ дѣлать если придутъ поселяне? Ему отвѣчали: «Перевернемъ орудія и покажемъ, гдѣ живетъ губернаторъ!»

Такая откровенность смутила городскія власти. Губернаторъ съ двумя довѣренными лицами секретно распорядились спрятать большія суммы казенныхъ денегъ,—нѣкоторые жители выѣхали изъ города, другіе—готовились къ бѣгству.

На другой день часу въ 5-мъ утра, послѣ тревожной ночи, пуганыя вороны встрепенулись, городъ засуетился... Послышался выстрѣлъ... на повѣрку оказалось, что какой-то проказникъ ударилъ шестомъ по крышѣ семерика (крытая

лодка для перевозки хлѣба) и надѣлалъ напрасной тревоги.

Были у поселянъ и любимые начальники, которыхъ они называли отцами, и тѣ погибли; ихъ фамиліи стояли въ спискахъ. «На то воля Царя!» говорили убійцы.

Генералъ Эйлеръ съ 6-ю батальонами, вмѣсто того чтобы идти къ Руссѣ, завелъ ихъ въ лѣса, по врожденной своей храбрости, которую выказалъ еще въ шведскую войну.

По прибытіи войскъ изъ-за Новгорода, волненія начали утихать, поселяне съ награбленными вещами разсѣялись, Шелонскій лагерь окружила цѣпь улановъ; сюда привели и Коростинскій отрядъ... орудія отъ артиллеріи отобраны. Начались разслѣдованія.

IV.

Твердость полковника Малѣева, и его дѣйствія во время бунта въ Залучьѣ.

Въ артиллерійскихъ округахъ бригадный командиръ полковникъ Малѣевъ отличался твердымъ и рѣшительнымъ характеромъ, строгостью и рѣдкимъ самоотверженіемъ. И поселяне, и окрестные помѣщичьи крестьяне его боялись; это и удержало послѣднихъ отъ мятежа.

При извѣстіи о возмущеніи Малѣевъ предписалъ маіору Отрощенко собрать немедленно, его резервный батальонъ, содержавшій линію карантина. Поселяне рѣшились, во что бы то ни стало, захватить Малѣева и отправились въ с. Залучье, толпою до 1000 человѣкъ. Въ это самое время полковникъ поѣхалъ въ д. Гадилово, къ Отрощенко. Бунтовщики захватили семейство бригаднаго командира и офицеровъ. Поручикъ Ивановъ, подъ розгами, высказалъ наконецъ, куда уѣхалъ Малѣевъ. Племянницѣ послѣдняго (впослѣдствіи вышла за А. И. Зандрака, оберъ-форшмейстера) проломили голову, и помѣстили на гауптвахту вмѣстѣ съ избитыми офицерами. Тутъ сидѣли два арестанта—за побѣгъ и воровство. Поселяне объявили имъ свободу,—тѣ отвѣчали: «Не вы насъ посадили, не вамъ и выпускать». Однако, арестанты сбросили съ себя цѣпи и остались при заключенныхъ.

Малѣевъ въ Гадиловѣ не нашелъ батальона; да и невозможно было собрать его въ скорое время, потому что онъ былъ раскинуть верстъ на полтораста. Прибывшіе поселяне окружили квартиру Отрощенко и обѣщали никого не трогать, если имъ выдадутъ полковника.

Подъ окнами собралось 11 человѣкъ солдатъ штабныхъ,—имъ приказано зарядить ружья. Оставаться въ дому было опасно. Малѣевъ съ Отрощенко вышли на дворъ, взяли ка-

зенный ящикъ и, окружа себя штыками, вышли на улицу. Поселяне пропустили ихъ. Когда же эта горсть свернула въ ближайшій переулокъ, вслѣдъ за нею посыпались камни. Раненый унтеръ-офицеръ съ досады выстрѣлилъ, другіе послѣдовали его примѣру... Толпа разбѣжалась, и издали слѣдовала за отступающими.

Настала ночь. Малѣевъ занялъ безопасное мѣсто на высокой стрѣлкѣ крутого берега рѣки; поселяне окружили его цѣпью. За рѣкой гремѣлъ набатъ. Крестьяне графа Стройновскаго, подъ видомъ защиты, окружа домъ владѣльца, ждали отъ поселянъ извѣстія о поимкѣ полковника.

Ночью, изъ-за рѣки, на бревнахъ переплыли унтеръ-офицеръ съ 30-ю рядовыми, а утромъ подошла рота Львова. Тогда Малѣевъ началъ тѣснить бунтовщиковъ къ Залучью. Поселяне выставили впереди селенія четыре орудія и дали знать, что если отрядъ подойдетъ къ селу, то все семейство полковника и офицеры будутъ повѣшены. Угрозы были напрасны. Артиллерійскій офицеръ (кажется Варопановъ), съ охотниками, скрытно пробрался къ селенію и отбилъ орудія, но самъ погибъ въ схваткѣ. Въ то же время Малѣевъ быстро бросился въ Залучье, и выгналъ поселянъ. Нѣкоторые изъ нихъ устремились передъ тѣмъ къ гауптвахтѣ, но двое арестантовъ заперли двери и цѣпями защищали арестованныхъ, до тѣхъ поръ, пока не подоспѣли солдаты.

Отрощенко собралъ батальонъ, скопища скрылись, въ округѣ началъ возстановляться порядокъ.

Стройновскій пригласилъ всѣхъ офицеровъ на обѣдъ, какъ своихъ спасителей; между ними явились и уцѣлѣвшіе мученики, кто въ солдатской шинели, кто въ крестьянскомъ платьѣ, а другіе—въ однихъ окровавленныхъ рубашкахъ.

Въ помѣщичьихъ имѣніяхъ Демянскаго уѣзда, пострадалъ Балкашинъ; въ Петровскомъ—дворовые люди выпроводили незваныхъ гостей [1]).

Въ поселеніи оставался спокойнымъ одинъ только округъ № 5-й, удержанный своимъ начальникомъ Тризною. Въ Старой Руссѣ полковникъ Яссинскій самъ назначилъ себя полиціймейстеромъ города.

---

[1]) Это описано въ замѣткѣ моего добраго знакомаго П. Н. Дирина, см. «Русскую Старину» 1870 г. т. II. *М. Б.*

V.

Разбирательство дѣла по возмущенію въ военныхъ поселеніяхъ.

Насталъ другой актъ драмы—судъ и расправа. Къ стыду судей, въ дѣлѣ не оказывается ни одной удовлетворительной причины мятежа; упоминается, правда, о какой-то женщинѣ, проходившей чрезъ австрійскій округъ съ пузырькомъ, наполненнымъ сѣрною кислотою... и еще что-то въ родѣ того.

Эйлеръ, первоначальный разслѣдователь, предоставилъ аудиторамъ и писарямъ обширное поле для злоупотребленій въ округахъ. Богатые и зажиточные—откупались, бѣдные—пострадали. Погребовъ въ Старой Руссѣ попрежнему продолжалъ свою торговлю. Подпоручикъ Соколовъ, сидя на гауптвахтѣ, долгое время отписывался, да тамъ же и умеръ. У Яссинскаго—появилось много вещицъ; между которыми были и награбленныя поселянами въ домахъ военныхъ.

При разслѣдованіи оказалось, что мятежники, раздѣляя между собою деньги, захваченныя въ комитетахъ, составили списки, сознаваясь, что эти деньги подлежали возврату казнѣ.

Велика была кара преступникамъ. Генералъ *Скобелевъ* самъ вызвался для производства наказаній, чтобы не отрывать генерала Данилова отъ дѣлъ по управленію поселеній. Многіе умерли подъ шпицрутенами, тысячи—переселены,—старые артиллеристы сосланы въ 19-ю артиллерійскую бригаду въ Финляндію.

Въ Новгородскихъ округахъ десятки лѣтъ тянулись по дорогамъ пустыя деревни.

Поселяне переименованы въ пахатныхъ солдатъ, и обложены были оброкомъ.

Малѣевъ остался въ бѣдности, и едва-едва могъ выхлопотать себѣ мѣсто коменданта въ Новгородѣ. Офицеры также остались при однихъ побояхъ, которые впослѣдствіи тяжело отозвались на ихъ здоровьѣ.

Я прибылъ въ Старорусское поселеніе спустя три года послѣ возмущенія, и встрѣтилъ между служащими много еще очевидцевъ и страдальцевъ, которые охотно разсказывали грустную исторію минувшихъ дней.—Вездѣ господствовала тишина. Хотя податное состояніе и замѣнило собою военный бытъ поселянъ, но пахатные солдаты рѣзко отличались отъ помѣщичьихъ крестьянъ.—Кафтанъ съ поясомъ, фуражка и погоны съ номерами округовъ, сапоги, стриженныя головы и бритыя бороды,—трех-шеренговый строй на инспекторскихъ смотрахъ для опроса претензій; по утрамъ стукъ десятскаго подъ окнами, напоминающаго о выходѣ на работу въ поле, или въ церковь для слушанія богослуженія—все отзывалось дисциплиною. Окружныя управленія усваивали себѣ правила прежней земской полиціи. Рекрутскіе наборы, позаимствованія изъ комитетскихъ капиталовъ, круговыя ручательства на подряды, безвозвратныя пособія—были источники главныхъ доходовъ. Командиры округовъ сами брали на себя подряды и содержаніе почтъ, подставляя каторгѣ какого-нибудь избраннаго ими поселянина. А одинъ командиръ X* распорядился иначе: имѣя въ своемъ вѣдѣніи до 100 деревень, онъ засѣвалъ зерномъ изъ запасныхъ магазиновъ по одной десятинѣ въ деревнѣ. Поселяне унавоживали, сѣяли, убирали и молотили хлѣбъ... Ну, что значило одной деревнѣ пожертвовать десятину земли и потрудиться для своего начальника?.. Окружный генералъ Макаровъ отличался пошлымъ цинизмомъ, въ особенности на инспекторскихъ смотрахъ, экзаменуя крестьянскихъ дочерей—какое значеніе имѣютъ послѣднія слова молитвы:—«Отче нашъ!»

За преступленія пахатные солдаты предавались военному суду.

VI.

Кончина гр. Аракчеева и нѣкоторыя черты изъ его жизни.

Я посѣтилъ не одну могилу погибнувшихъ въ возмущеніи. Полусогнившіе кресты печально высились надъ ихъ прахомъ.—Теперь, вѣроятно, время истребило эти кресты, какъ и память о невинныхъ страдальцахъ за чужіе грѣхи.

Графъ Алексѣй Андреевичъ Аракчеевъ умеръ 21 апрѣля 1834 г., въ Грузинѣ.

Лейбъ-медикъ В. С. Сахаровъ, случайно съѣхавшійся со мною на почтовой станціи въ Шкловѣ въ 1849 г., разсказывалъ мнѣ: «Старикъ Вилье, при которомъ я состоялъ, по порученію императора отправился навѣстить умирающаго графа. Мы нашли его въ кабинетѣ на диванѣ, который служилъ кроватью покойному Государю, во время посѣщенія имъ Грузина. У изголовья стоялъ письменный столъ, наполненный важными бумагами; на стѣнѣ—висѣлъ портретъ Александра I. Аракчеевъ былъ очень слабъ и отчасти утратилъ слухъ. Около него сидѣлъ Алексѣй Дмитріевичъ Тырковъ и Балавинъ. Больному прислуживала маленькая дѣвушка—племянница Анастасьи. Дворня поминутно приходила справляться о здоровьѣ графа и удалялась, повѣся голову. Аракчеевъ не принялъ священника, завѣщаніе—откладывалъ до удобнаго времени. Онъ нѣсколько разъ упоминалъ о 30-мъ августѣ, до котораго желалъ дожить... На другой день графу сдѣлалось легче,—онъ приподнялся съ подушекъ, говорилъ о своемъ новомъ кабинетѣ, о кроватяхъ для кадетскаго корпуса... и вдругъ упалъ навзничь. Пробилъ послѣдній часъ его жизни! Дворня, съ громкими возгласами радости, бросилась обнимать другъ друга и цѣловать... это былъ для нихъ день

величайшаго торжества. Вилье съ присутствующими составилъ завѣщаніе со словъ покойнаго о назначеніи племянницѣ Анастасьи нѣсколькихъ тысячъ рублей и пяти тысячъ—въ награду начальнику Новгородской флотиліи (Измайлову?). Жена Фрикена надѣялась получить себѣ частицу наслѣдства: ее заранѣ устранили. Фрикену послали собаку графа. Дорогою мы встрѣтили Клейнмихеля, высланнаго изъ столицы—опечатать бумаги Аракчеева. Вилье смѣясь сказалъ ему: «Торопитесь, торопитесь Петръ Андреевичъ получить наслѣдство!»

А. С. Дирина, знакомая графа, разсказывала объ его образѣ домашней жизни:

— «Онъ часто представлялъ изъ себя чудака; въ церкви—переходилъ съ мѣста на мѣсто, поправлялъ пѣвчихъ, ругалъ дуракомъ дьякона,—а отвѣшивая земные поклоны, наблюдалъ, изъ-подъ руки, за стоящими позади его. Бѣда была неосторожному за улыбку, или перешептываніе съ сосѣдомъ. Пріѣзжихъ дамъ Аракчеевъ провожалъ въ церковь одѣтымъ въ шутовской нарядъ: сверхъ форменнаго сюртука, надѣвалась куртка изъ сѣраго солдатскаго сукна. Въ дорогѣ онъ иногда переряжался въ гражданское платье и заводилъ съ незнакомыми рѣчь о самомъ себѣ. Садъ Грузинскій славился чистотою. Дѣти крестьянъ таились въ кустахъ; ихъ обязанность состояла—подбирать листья падающіе съ деревьевъ. Около сада пролегала непроходимая отъ грязи дорога, и рядомъ съ нею шоссе, доступное только для однихъ знакомыхъ».

Изъ переписки графа съ своимъ старостою Дмитріевымъ видно, что грузинскіе крестьяне, кромѣ розогъ, наказывались еще ношеніемъ желѣзныхъ рогатокъ на шеѣ.

При императорѣ Павлѣ Аракчеевъ пользовался также особенною довѣренностію. Бывшій учитель въ корпусѣ, Калинченко, самъ разсказывалъ, какъ онъ, оскорбленный Аракчеевымъ, подошелъ къ императору на разводѣ съ жалобою... тотъ, выслушавъ, повернулъ его кругомъ, и далъ ногою такого толчка, что бѣдный проситель далеко отлетѣлъ въ сторону, при общемъ смѣхѣ зрителей... Около того же времени Аракчеевъ познакомился съ женою сунодскаго секре-

таря Пукалова, которая, пользуясь своею связью, много обдѣлала дѣлишекъ въ свою пользу.

Пукаловъ былъ сынъ крестьянина и воспитывался въ одномъ училищѣ съ сыномъ помѣщика Горленки; послѣ служилъ сельскимъ писаремъ и отличался пьянствомъ. Горленко пристроилъ его въ Черниговскій почтамтъ, затѣмъ отправилъ въ Новгородъ писцомъ въ комиссію для разбора старинныхъ дѣлъ. Получа чинъ, Пукаловъ перемѣщенъ былъ по закрытіи комиссіи въ сѵнодъ. Одинъ помѣщикъ передъ смертью женился на своей любовницѣ и оставилъ ея дочери все свое состояніе. Наслѣдники подняли дѣло. Пукаловъ уничтожилъ метрическія книги, единственное доказательство справедливости. Истцы проиграли дѣло, а онъ, по условію, женился на незаконной дочери умершаго помѣщика, которая сдѣлалась сама любовницею Аракчеева.

М. А. Бороздинъ.

Графъ Аракчеевъ

Памятникъ Павлу I въ Грузинѣ.

Изъ записокъ Фонъ-Брадке.

Помнится, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ получили мы оба отъ графа приглашеніе прибыть въ его великолѣпное имѣніе. Пріѣхавъ туда вечеромъ, мы были тотчасъ отведены полицеймейстеромъ въ назначенные для насъ нумера, которыхъ въ особыхъ флигеляхъ находилось нѣсколько десятковъ, весьма удобно устроенныхъ. Намъ подали и чаю, но съ такимъ скудно-опредѣленнымъ количествомъ бѣлаго хлѣба, что мы никакъ не могли имъ насытиться и просили добавленія; слуга вернулся черезъ нѣсколько времени съ извиненіемъ, что онъ не могъ нигдѣ отыскать графа, и мы тогда узнали, что поданная намъ порція хлѣба опредѣляется имъ самимъ для каждаго гостя и не можетъ быть увеличена безъ его соизволенія. Вскорѣ послѣ того мы получили извѣщеніе явиться на другой день ко второму завтраку, послѣ котораго графъ намѣренъ съ нами заняться. Такимъ образомъ мы оказались свободными все утро до 12 час. и смотрѣли это великолѣпное жилище, во могихъ отношеніяхъ едва ли имѣющее себѣ подобное по чисто-царской роскоши въ отдѣлкѣ. Двухъэтажное, каменное зданіе скорѣе слишкомъ мало для своего назначенія, но выстроено и отдѣлано съ роскошнымъ комфортомъ; вы могли тамъ найти совершенно просто-разставленными драгоцѣннѣйшіе предметы изъ Парижа, Лондона и Италіи, великолѣпнѣйшія картины и образцовыя произведенія знаменитѣйшихъ ваятелей — бо̀льшею частью подарки Государя и царской фамиліи, желавшей тѣмъ польстить привязанности графа къ своему Грузину. Противъ дома, на разстояніи 150 саж. отъ него, стоитъ прекрасный соборъ, украшенный богатѣйшимъ образомъ; это единственная соборная церковь въ частномъ имѣніи. Между этими двумя зданіями

выстроенные для гостей домики составляли красивую улицу. Паркъ величественъ, и прекрасная рѣка Волховъ, на берегу которой онъ расположенъ, еще умножаетъ его прелесть. Все это украшается множествомъ хозяйственныхъ построекъ, въ томъ же стилѣ сооруженныхъ, кладовыми, руинами и бесѣдками. Цѣлая флотилія, бо̀льшею частью Государемъ подаренная, во главѣ которой находилась построенная для Государя въ Англіи яхта, которая была отдѣлана по-царски, вооружена матросами, подъ командою флотскаго офицера— все это вмѣстѣ взятое придавало этому мѣсту видъ царской лѣтней резиденціи. Изъ парка можно было обозрѣть почти все имѣніе, состоявшее слишкомъ изъ 3000 душъ. Прекрасныя деревни, множество домовъ съ зеркальными стеклами, соединенные между собою шоссейными дорогами, представляли весьма живописную общую картину.

Къ имѣнію принадлежитъ огромное пространство земли. На Волховѣ имѣются луга, съ которыхъ, кромѣ сѣна, употребляемаго во множествѣ на хозяйство, поступаетъ въ продажу до 20 тыс. пудовъ; такимъ же образомъ и лѣсъ, разбитый на участки, даетъ ежегодно отъ 8 до 10,000 руб. дохода. Казенныя повинности крестьянъ обезпечены особымъ капиталомъ, процентами съ котораго онѣ покрываются; равнымъ образомъ помѣщены въ Банкѣ особые капиталы: для ссуды крестьянамъ, для ремонта строеній, словомъ для всѣхъ правильно-наступающихъ расходовъ по имѣнію. И при всѣхъ этихъ нескончаемыхъ выгодахъ сельское населеніе чувствовало себя очень несчастнымъ: деспотическій характеръ графа ставилъ крестьянина въ положеніе, которое не согласовалось съ его бытомъ. Вообще все внутреннее и внѣшнее управленіе сопровождалось неумолимою строгостью и обременительною любовью къ порядку. Обѣденный столъ графа былъ весьма хорошъ, но порціи не должны были превышать извѣстной мѣры; такъ, напримѣръ, куски жаренаго или котлеты были опредѣлены по числу гостей, и горе тому, кто возьметъ двѣ котлеты: онъ могъ разсчитывать на долгое преслѣдованіе со стороны графа. Малѣйшая пылинка на стѣнѣ, едва примѣтная для микроскопическаго наблюденія, имѣла послѣдствіемъ для слуги палочные удары и арестъ для чиновника.

Мнѣ хотѣлось предпослать это описанiе Грузина и его управленiя, чтобы сразу дать живое понятiе о человѣкѣ, который игралъ столь важную роль въ судьбахъ Россiи.

Въ 12 часовъ явились мы въ главное зданiе; насъ провели немедленно въ столовую, гдѣ мы были приняты графомъ не какъ подчиненные, а какъ дорогiе гости знатнаго помѣщика. Послѣ завтрака и небольшой прогулки въ паркѣ, гдѣ онъ весьма благосклонно показывалъ намъ все достопримѣчательное и водилъ насъ даже въ молочную, весьма красиво устроенную,—прошли мы въ его кабинетъ, гдѣ онъ принялъ тотчасъ офицiальный, хотя и дружественный тонъ. Здѣсь мы были ознакомлены съ ожидавшимъ насъ назначенiемъ: намъ предстояло опредѣлять линiи построекъ, приготовлять поля, луга и пастьбища для новыхъ поселенцевъ, для чего предоставлялось въ наше распоряженiе извѣстное число баталiоновъ; затѣмъ, мы должны были наблюдать за окончательною обработкою полей, покуда они не достигнутъ вполнѣ удовлетворительнаго состоянiя. Когда же мы, каждый по своему, заявили, что мы не имѣли ни малѣйшаго понятiя о сельскомъ хозяйствѣ, что осушенiе болотъ и оплодотворенiе земли не входило ни на практикѣ, ни по теорiи въ составъ нашихъ занятiй, то суровое выраженiе отразилось на лицѣ графа, и онъ сказалъ намъ, что онъ не привыкъ выслушивать подобныя неосновательныя отговорки, что всякiй служащiй обязанъ выполнять возлагаемыя на него обязанности, что онъ не желаетъ слышать ни о какихъ затрудненiяхъ и что мы должны готовиться къ этому труду, безъ всякихъ возраженiй, несовмѣстимыхъ съ служебными обязанностями.

Три дня насъ привѣтливо угощали въ Грузинѣ; совершались прогулки сухимъ путемъ и водою на прелестной яхтѣ и на роскошно-убранномъ яликѣ, при чемъ насъ сопровождала музыка; часа по два ежедневно излагалъ онъ намъ свои планы и предположенiя, и мы, однако, вновь утверждали, что при всемъ нашемъ желанiи мы, по незнанiю, ничего не сумѣемъ сдѣлать путнаго. Наконецъ, онъ весьма милостиво отпустилъ насъ съ заявленiемъ, что имъ уже даны нужныя приказанiя для выполненiя нашихъ требованiй. Итакъ, мы покинули Грузино, чтобы поближе присмотрѣться къ дѣлу

на мѣстѣ и затѣмъ внимательно взвѣсить всѣ эти обстоятельства, по отношенію къ намъ лично.

Переѣхавъ въ поселенія, старались мы собрать всѣ возможныя свѣдѣнія, относящіяся до ихъ учрежденія и до руководящихъ или основныхъ положеній,—и результатомъ нашихъ изысканій были слѣдующія данныя, которыя я, во избѣжаніе повтореній, здѣсь излагаю въ томъ видѣ, какъ они мною были усвоены лишь послѣ 10-ти лѣтней опытности.

Императора Александра I-го весьма часто и болѣзненно смущала мысль, что солдатъ, выступая на защиту отечества, лишенъ даже утѣшенія предоставить своей женѣ и дѣтямъ особый кровъ, гдѣ онъ могъ бы съ увѣренностью найти ихъ по окончаніи службы. Многіе планы возникали въ умахъ его приближенныхъ, чтобы пособить этой нуждѣ, но они всѣ оказывались неудобоисполнимыми, тѣмъ болѣе, что потребныя къ тому денежныя суммы во многомъ превышали дѣйствительныя средства государственной казны. Наконецъ, остановились на той мысли, что слѣдовало воспользоваться находящимися въ Новгородской губерніи обширными помѣстьями казеннаго вѣдомства, для доставленія нѣсколькимъ полкамъ постоянныхъ квартиръ, гдѣ бы они могли въ мирное время заниматься хлѣбопашествомъ и ремеслами, пользуясь полнымъ благосостояніемъ, при чемъ и военныя упражненія продолжались бы своимъ чередомъ, такъ что ихъ участіе въ войнѣ также отъ этого не пострадало бы, но напротивъ того защита собственнаго очага еще могла усилить ихъ мужество. Этотъ проектъ удостоился полнѣйшаго одобренія Государя: его доброжелательной душѣ рисовались въ будущемъ идилліи Геснера, садики и овечки. Но графъ Аракчеевъ сначала былъ рѣшительно противъ этого и былъ вынужденъ изъявить свое невольное согласіе лишь изъ опасенія, что тотъ, кто приметъ на себя выполненіе этой любимой мечты, может сдѣлаться его опаснымъ соперникомъ.

Такимъ образомъ, графу было поручено въ началѣ поселить 1-ю гренадерскую дивизію, состоявшую изъ 6 полковъ (въ количествѣ 18-ти человѣкъ), на берегу Волхова или въ другой мѣстности, на государственныхъ земляхъ Новгородской губерніи. Когда для того было опредѣлено примѣрно 1200 кв. верстъ съ принадлежащимъ къ нимъ населеніемъ,

то все это было передано графу въ его управленіе, и постановлены слѣдующія правила: всѣ домохозяева крестьянскихъ дворовъ и всѣ въ хозяева годные были утверждены въ званіи хозяевъ, но въ то же время зачислены солдатами въ поселенные полковые баталіоны; всѣ остальные совершеннолѣтніе крестьяне поступали солдатами въ дѣйствующіе баталіоны и служили къ ихъ укомплектованію. Изъ несовершеннолѣтнихъ крестьянскихъ дѣтей были образованы баталіоны кантонистовъ, изъ которыхъ достигшіе законнаго возраста также вступали въ ряды дѣйствующихъ баталіоновъ, если только они, въ качествѣ наслѣдниковъ хозяевъ, не должны были принимать на себя хозяйства. Каждая рота состояла изъ 228 хозяевъ, а образованный изъ 4 ротъ поселенный баталіонъ изъ 1012 домохозяевъ. Это количество, при недостаткѣ наличныхъ домохозяевъ, было пополняемо изъ соотвѣтствующихъ полковъ, при чемъ выбирались люди надежные и преимущественно такіе, которые обладали нѣкоторыми познаніями и опытностью въ земледѣліи.

Предполагалось поселить роты въ цѣломъ ихъ составѣ изъ 228 домохозяевъ въ одномъ мѣстѣ, полковые штабы устроить среди самыхъ полковъ, соединивъ ихъ шоссейными дорогами. Каждому домохозяину имѣлось въ виду предоставить нѣсколько сотъ кв. саженъ огородной земли, $4^1/_2$ десятины пашни, раздѣленной на 3 поля, необходимое количество луговъ и пастбище. У каждаго поселеннаго хозяина должны были квартировать два солдата, по одному изъ каждаго дѣйствующаго баталіона; онъ обязанъ былъ содержать ихъ, а они въ свободные часы помогать ему по его хозяйству. Потребное количество скота и земледѣльческихъ орудій слѣдовало правительству разъ навсегда припасти для каждаго домохозяина. Это учрежденіе должно было начаться съ полка графа Аракчеева, поселеннаго вдоль Волхова по близости отъ Грузина, на разстояніи 30—40 верстъ отъ него.

Итакъ, мы заняли наши первыя квартиры при этомъ полку и начали поближе присматриваться къ дѣлу. Въ числѣ принадлежавшихъ намъ задачъ, самою подходящею къ кругу дѣйствій офицеровъ генеральнаго штаба была съемка мѣстности для опредѣленія полковыхъ штабовъ и ротъ, дорогъ, полей, луговъ и пастбищъ; а потому мы начали съ обуче-

нія прикомандированныхъ къ намъ офицеровъ практическимъ пріемамъ съемки, и дѣло пошло такъ хорошо, что за тѣмъ многіе изъ этихъ плановъ удостоились высочайшаго утвержденія. Но вскорѣ мы получили извѣщеніе, что будетъ присланъ баталіонъ для расчистки и осушенія болотъ, и мы стали готовиться къ тому, чтобы 250 рабочихъ силъ могли быть употребляемы ежедневно съ пользою. Тутъ дѣло шло плохо, такъ какъ о подобныхъ работахъ мы положительно не имѣли никакого понятія. Правда, что были выписаны и прочитаны книги, но много ли это могло намъ пособить, а потому и стали мы искать изустнаго наставленія. Множество офицеровъ было здѣсь собрано для выполненія всѣхъ предстоявшихъ столь различныхъ задачъ; но при ближайшемъ знакомствѣ мы убѣдились, что, за исключеніемъ нѣкоторыхъ офицеровъ путей сообщенія, никто не занимался никогда тѣмъ, что̀ ему было поручено и къ тому не готовился: это былъ настоящій хаосъ. Не требовалось особенной проницательности, чтобы съ достовѣрностью предположить, что первый годъ нашихъ трудовъ не будетъ блестящимъ. Такъ какъ отъ этихъ господъ многому нельзя было научиться, то мы разыскали разумныхъ крестьянъ, поступили къ нимъ въ ученіе, кое-что изучили и затѣмъ развили съ помощью чтенія и размышленій. Тѣмъ временемъ прибылъ баталіонъ, и наши ловкіе солдаты вскорѣ сами на столько приспособились къ дѣлу, что намъ оставалось только указывать имъ на нѣкоторыя облегченія, принимать мѣры къ устраненію несчастій и ближайшимъ образомъ опредѣлять ежедневное количество работы.

Относительно болотъ и самая мудрость нашихъ солдатъ простиралась недалеко, но къ счастью въ этомъ полку болота были менѣе значительны, и наши первыя работы такъ хорошо намъ удались, что нѣкоторыя болотистыя мѣстности, имѣющія около квадратной версты въ округѣ, по истеченіи двухъ лѣтъ, могли быть употребляемы для посѣва овса. Въ началѣ еще не могло быть и рѣчи о раздѣленіи полей и раздачѣ земель домохозяевамъ, такъ какъ прежде всего слѣдовало обратить землю въ пахатную; а потому и пользовались мы досугомъ для пріобрѣтенія нѣкоторыхъ свѣдѣній по этимъ предметамъ. Графъ неоднократно навѣ-

щалъ насъ, выражалъ свое удовольствіе и преподалъ намъ наставленіе, что съ доброю волею можно всего достигнуть, и потому всякое колебаніе въ предпріятіи чего-либо изобличаетъ дурное намѣреніе; наше возраженіе, что мы все-таки навѣрное надѣлали множество ошибокъ, которыхъ человѣкъ свѣдущій легко бы избѣгнулъ, онъ не захотѣлъ признать справедливымъ...

Только этотъ годъ служили мы вмѣстѣ съ Паренсовымъ. Позднѣе у насъ были разныя обязанности, а лѣтомъ я находился въ непосредственномъ сношеніи съ графомъ, который сталъ явно не довѣрять Паренсову по причинѣ его увлеченій. Между тѣмъ работы становились все значительнѣе и простирались на всѣ поселенные полки. Въ нѣкоторые годы число баталіоновъ доходило до 20 и 30, такъ что я могъ ежедневно употреблять на работы до 5 и даже до 7 тысячъ человѣкъ. Офицеровъ у меня тоже бывало человѣкъ по 30 и болѣе: я имѣлъ право выбирать ихъ, по мѣрѣ надобности, изо всѣхъ войскъ военныхъ поселеній. Съ апрѣля по октябрь мы проводили въ поселеніяхъ, а на зиму собирались въ Петербургъ...

Что́ же касается до моего личнаго положенія въ военныхъ поселеніяхъ и по отношенію къ графу Аракчееву, то оно обрисовалось довольно оригинальнымъ образомъ. Я поступилъ подъ начальство графа подпоручикомъ, 20-ти лѣтъ отъ роду. Избалованный своими прежними начальниками, съ преувеличенными понятіями о чести и съ твердо-установившимся сознаніемъ своего достоинства, я, собственно говоря, не былъ подготовленъ къ службѣ при человѣкѣ, который въ своемъ умственномъ высокомѣріи едва ли считалъ своихъ подчиненныхъ людьми и часто обращался съ ними «en canaille». Такъ какъ многіе другіе молодые люди, раздѣлявшіе мои чувства, были прикомандированы къ поселеніямъ, какъ, напримѣръ, извѣстный скрипачъ Львовъ, состоявшій въ то время поручикомъ путей сообщеній,—то мы въ началѣ постоянно прощались другъ съ другомъ на долгое время всякій разъ что̀ графъ требовалъ насъ къ себѣ, твердо рѣшившись не выносить никакихъ грубостей; а естественнымъ послѣдствіемъ подобнаго образа дѣйствій несомнѣнно было бы заточеніе въ Шлиссельбургскіе казематы.

Но эти опасенія продолжались недолго: наше строго-выработанное, полнѣйшее подчиненіе, при твердомъ обращеніи, произвело на графа благопріятное впечатлѣніе, а строгое выполненіе возложенныхъ на насъ обязанностей, безъ всякаго вниманія къ личнымъ затрудненіямъ, нравилось ему, и хотя онъ называлъ насъ своими «Carbonari», но обращался съ нами учтиво и привѣтливо, такъ что мы, молодые и незначительные офицеры, находились въ исключительномъ положеніи, по сравненію съ важнѣйшими чинами, его окружавшими. Когда онъ желалъ досадить намъ или выразить свое неудовольствіе, онъ обращался къ намъ въ третьемъ лицѣ: «въ наше время молодые люди дѣлаютъ» то и то; «имѣютъ тѣ или другіе взгляды» и т. д., при чемъ мы, по зрѣломъ обсужденіи, рѣшились на эти косвенныя нападки не возражать и не выказывать досады, что было весьма трудно выполнить, потому что онъ мастерски умѣлъ отыскивать и затрогивать чувствительнѣйшія струны человѣческаго сердца.

Въ позднѣйшіе годы случилось однажды, что, послѣ долгаго подавленія въ себѣ досады, я, наконецъ, не выдержалъ, просилъ его уволить меня по разстроенному здоровью и, выходя изъ его кабинета, захлопнулъ за собою дверь съ такою силою, что оконныя рамы задрожали. Вернувшись домой и придя въ себя, я сталъ ожидать фельдъ-егеря и отправленія въ Шлиссельбургъ; фельдъ-егерь дѣйствительно явился,—но для приглашенія меня на другой день къ обѣду, за которымъ графъ посадилъ меня подлѣ себя и обращался со мною какъ съ почетнѣйшимъ гостемъ. Объяснить этотъ кажущійся непонятнымъ поступокъ психологически довольно легко: графъ былъ взволнованъ, желалъ, въ видѣ утѣшенія, и меня вывести изъ себя и когда это не удалось ему, то мое наружное хладнокровіе еще болѣе его раздражило; а затѣмъ, при возбужденномъ во мнѣ раздраженіи, онъ почувствовалъ себя весьма удовлетвореннымъ. Впослѣдствіи я имѣлъ много случаевъ убѣдиться въ справедливости моихъ выводовъ; въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда, какъ и въ настоящемъ, высокое государственное положеніе графа исключало всякое подозрѣніе о желаніи оскорбить его. Въ первые годы моей службы подъ его начальствомъ, однажды сказалъ я ему: «Ваше сіятельство даете мнѣ иныя порученія,

противорѣчащія моимъ убѣжденіямъ. Позвольте мнѣ въ такихъ случаяхъ предъявлять вамъ мои соображенія, и за это я вамъ обѣщаюсь, когда приказаніе ваше будетъ безповоротно, исполнять его съ такимъ же искреннимъ усердіемъ, какъ если бы оно вполнѣ согласовалось съ моимъ мнѣніемъ, развѣ только вы прикажете (чего трудно ожидать) исполнить что-нибудь вопреки моей совѣсти. Въ семъ послѣднемъ случаѣ я конечно выскажусь вамъ почтительнѣйше и стану спокойно ожидать моей участи». Долго смотрѣлъ онъ на меня испытующимъ взглядомъ. Просьба моя очевидно была для него новостью, и онъ какъ будто не зналъ, что сказать на нее; но черезъ нѣсколько минутъ послѣдовалъ спокойный и рѣшительный отвѣтъ: «хорошо».

Этимъ «хорошо» я воспользовался при первомъ случаѣ; тогда въ разговорѣ нашемъ онъ началъ меня запутывать и забрасывать разными боковыми вопросами и замѣчаніями. На первыхъ порахъ мнѣ было чрезвычайно трудно защищаться противъ его сильной логики, великой изворотливости въ рѣчи и противъ несравненнаго преимущества направлять самому преніе, а не подчиняться ходу онаго. Впослѣдствіи я пріобрѣлъ нужную для того опытность и сталъ сдерживать свою горячность. Впрочемъ, онъ никогда не соглашался прямо съ моимъ мнѣніемъ, но при окончательномъ исполненіи отдавалъ приказаніе, измѣненное на основаніи мною заявленныхъ доводовъ; и нерѣдко онъ дѣлалъ мнѣ же косвенный упрекъ, будто я не понялъ его какъ слѣдуетъ. Я разумѣется отмалчивался, довольный тѣмъ, что достигъ своей цѣли.

Отлично зная людей и при томъ спеціально искусившись въ разслѣдованіи людскихъ страстей и дурныхъ склонностей, онъ пользовался этими познаніями съ отмѣнною ловкостью и лукавствомъ. Самолюбіе мое отлично имъ эксплоатировалось и доводилось до крайняго напряженія. Тогда я замѣтилъ, что очутился въ его власти, и лишь послѣ долгихъ усилій удалось мнѣ освободиться отъ этихъ оковъ. Одно время выражалъ онъ мнѣ желаніе ввести меня въ свой тѣсный домашній кругъ; но такъ какъ онъ жилъ въ разводѣ съ своею женою, и его домашній бытъ олицетворяла собою личность, бывшая его любовницею и теперь еще находившаяся въ двусмысленныхъ къ нему отношеніяхъ, то я счелъ неприличнымъ отвѣ-

чать согласіемъ на подобное предложеніе. За это онъ никогда не выражалъ мнѣ своей досады, и когда я даже одинъ съ нимъ обѣдалъ, то эта дама не появлялась къ столу, хотя важнѣйшіе сановники и свѣтлѣйшіе государственные вельможи постоянно ухаживали за нею и почитали за честь принимать участіе въ ея многочисленныхъ и пышныхъ собраніяхъ [1]).

Такое вниманіе къ утонченному чувству мелкаго офицера заслуживаетъ во всякомъ случаѣ особенно-благодарнаго признанія, тѣмъ болѣе, что оно проявляется весьма рѣдко и напротивъ того навлекаетъ часто преслѣдованіе на главу непреклоннаго. По службѣ графъ выказывалъ мнѣ величайшее довѣріе; по моимъ аттестаціямъ полковники и генералы получали благодарности или выговоры; онъ часто употреблялъ меня, чтобы сглаживать неудовольствія и придавать новое движеніе остановившимся предпріятіямъ. Съ Паренсовымъ дѣла постоянно шли нехорошо: въ началѣ его устранили, поручивъ другія занятія, а потомъ, по его желанію, вернули въ генеральный штабъ; а мнѣ была передана, въ чинѣ капитана, важная должность оберъ-квартирмейстера военныхъ поселеній, при чемъ корпусные оберъ-квартирмейстеры, полковники и генералы, фактически мнѣ были подчинены. Неохотно лишился я этого вѣрнаго друга, съ которымъ, при всемъ затрудненіи нашихъ взаимныхъ отношеній, никогда у насъ не было ни малѣйшаго несогласія или недовѣрія.

Въ маѣ или въ іюнѣ 1819 года, еще будучи въ капитанскомъ чинѣ, я былъ вызванъ изъ военныхъ поселеній въ Петербургъ, къ графу. Когда я къ нему представился, онъ ввелъ меня въ кабинетъ свой, разложилъ карту и сказалъ: «Цвиленевъ (генералъ-лейтенантъ, начальникъ поселеній въ Могилевской губерніи) прислалъ на утвержденіе мое множество представленій по дѣламъ, которыя зависятъ совершенно отъ мѣстныхъ условій. Поэтому я посылю туда васъ, чтобы вы на мѣстѣ дали ему именемъ моимъ нужныя разрѣшенія. Вообще, вы приведете тамошнія хозяйственныя дѣла въ такой порядокъ, чтобы они потомъ могли идти безъ помѣхи. Я написалъ Цвиленеву, что вы знаете мою волю и

---

[1]) См. письма этой особы къ Аракчееву въ Р. Архивѣ 1868 года.

сообщите ему ее, и чтобы онъ считалъ ваши распоряженія за мои приказанія». Я испугался и сталъ говорить графу, что порученіе столь важное превышаетъ мои силы, что я ничего не смыслю въ сельскомъ хозяйствѣ и не умѣю отличить овса ото ржи. На это онъ очень спокойно отвѣчалъ: «Это глупости. Порученія должны быть исполняемы коль скоро на насъ лежитъ служебная обязанность».—«Но, сказалъ я, если я исполню ихъ дурно по дѣйствительному невѣдѣнію?»—«Такъ я отдамъ васъ подъ судъ», отвѣчалъ онъ мнѣ въ утѣшеніе. Тѣмъ кончилось наше первое объясненіе. Второе не было успѣшнѣе. Я принялъ въ соображеніе, что въ самомъ дѣлѣ не было на лицо другаго чиновника, который бы зналъ это дѣло и, положившись на успѣхъ моихъ Новгородскихъ занятій, рѣшился, чтобы совсѣмъ не оставлять служебнаго поприща, послушаться. Четыре мѣсяца пришлось мнѣ прожить въ Могилевѣ. Я кинулся собирать мѣстныя свѣдѣнія, работалъ и обсуждалъ, учился и училъ въ одно и то же время и, наконецъ, оставилъ генералу Цвиленеву общее наставленіе о хозяйственномъ управленіи колоніями. По возвращеніи въ Петербургъ, графъ выразилъ мнѣ полнѣйшую благодарность, но прибавилъ съ насмѣшкою: «Видишь, все идетъ хорошо, коль скоро есть добрая воля». Я отвѣчалъ, что доброй воли тутъ мало, а надобно знать дѣло, съ чѣмъ онъ рѣшительно не согласился.

Скажу нѣсколько словъ о томъ, какъ мы жили. Лѣтомъ работы начинались въ 4 часа; отъ 11 до 1 или до 2 часовъ отдыхъ, обѣдъ и сонъ; затѣмъ опять работы до 8 часовъ. Зимою мы занимались въ штабѣ военныхъ поселеній постоянно отъ 8 до 3 часовъ; но всего послѣ-обѣденнаго времени едва доставало, чтобы управиться съ занятіями на дому. Часто приходилось сидѣть до поздней ночи и затѣмъ приниматься за дѣло въ 4 часа утра. Въ одну зиму я долженъ былъ ходить къ графу съ докладами по два раза въ день: занятія шли безперерывно, днемъ и ночью, и чиновники денные смѣняли ночныхъ. О воскресеньяхъ и праздничныхъ дняхъ не было и помину. Я едва успѣвалъ причаститься св. тайнъ, не то, чтобы навѣщать кого-нибудь.

Трудное было время. Мы его выносили, пока оно длилось; а начинать опять такую жизнь никто бы по доброй

волѣ не согласился. Но намъ выбора не было. Большая часть чиновниковъ не имѣли состоянія; а кто уходилъ отъ графа противъ его воли, тому уже нельзя было нигдѣ опредѣлиться. Не было такимъ образомъ и поблажки суетности, которая легко могла развиться по моимъ отношеніямъ къ остальному міру: передъ именемъ графа отворялись двери во всѣхъ вѣдомствахъ и у знатнѣйшихъ сановниковъ государства; всюду допускали насъ и принимали съ отмѣнною вѣжливостью.

Въ 1819 или 1820 году шефомъ штаба военныхъ поселеній назначенъ полковникъ Клейнмихель, занявшій такимъ образомъ очень важное положеніе. Онъ былъ крестный сынъ графа и находился къ нему какъ бы въ родственныхъ отношеніяхъ, что̀ для Клейнмихеля было скорѣе вредно, нежели выгодно, такъ какъ, на основаніи этого духовнаго родства, графъ обращался съ нимъ уже нисколько не стѣсняясь. Сначала не обращали вниманія на Клейнмихеля и когда онъ захотѣлъ входить во всѣ дѣла, нерѣдко отстраняли его; но съ пріобрѣтеніемъ бо̀льшей опытности и въ силу его сердечнаго и духовнаго самопожертвованія графской волѣ, съ нимъ освоились, и вліяніе его становилось все сильнѣе. Выгоды отъ того конечно не было, такъ какъ вмѣсто одного начальника приходилось имѣть дѣло съ двумя...

Думаю, что мнѣ не слѣдуетъ покидать этого предмета, не коснувшись государственнаго положенія и характера графа Аракчеева, на сколько они для меня выяснились за то время, когда я находился подъ его начальствомъ, по близости моихъ къ нему отношеній и вслѣдствіе дружественнаго обмѣна мыслей съ моими товарищами.

Аракчеевъ происходилъ отъ древней, но весьма недостаточной фамиліи Тверской губерніи; какъ онъ мнѣ самъ разсказывалъ, все его воспитаніе обошлось въ 50 руб. ассигнаціями, выплаченныхъ мѣдными пятаками. По окончаніи курса въ артиллерійскомъ училищѣ онъ долгое время давалъ уроки математики, попалъ наконецъ въ Гатчину, гдѣ жилъ великій князь Павелъ Петровичъ, и заслужилъ его милостивое расположеніе. Въ царствованіе Императора Павла мы видимъ его комендантомъ императорской главной квартиры и генералъ-квартирмейстеромъ, съ рѣдкимъ въ Россіи титу-

ломъ барона, живущимъ въ Зимнемъ дворцѣ и вскорѣ послѣ того «выброшеннымъ» изъ службы, какъ было буквально выражено въ дневномъ приказѣ, и сосланнымъ въ его помѣстье Грузино, полученное имъ отъ Государя въ подарокъ. Поводомъ къ этой послѣдней катастрофѣ послужилъ, какъ мнѣ передавалъ одинъ изъ его близкихъ родственниковъ, слѣдующій случай. Тогдашній баронъ принялъ не задолго до того въ число своихъ приближенныхъ одного иностранца, ему неизвѣстнаго, но котораго ему рекомендовали съ хорошей стороны и который числился въ чинѣ подполковника при нашемъ генеральномъ штабѣ. Однажды, въ минуту сильнаго раздраженія, баронъ высказалъ ему нѣсколько глубоко-оскорбительныхъ словъ, послѣ чего подполковникъ рѣшился застрѣлить Аракчеева и потомъ самъ застрѣлиться. Онъ уже явился въ Зимній дворецъ съ заряженными пистолетами въ карманѣ. Когда ему выяснили все безуміе подобнаго поступка, то онъ, правда, отказался отъ него, но нѣсколько дней спустя всадилъ себѣ пулю въ лобъ, оставивъ послѣ себя письма къ Государю, Наслѣднику и нѣкоторымъ государственнымъ сановникамъ. По этому случаю поднялась буря негодованія противъ Аракчеева при Дворѣ и въ городѣ, и даже Государь и Наслѣдникъ ожесточились противъ него, и совершилось то, что̀ было выше сказано. Лишь за нѣсколько дней до кончины Императора Павла получилъ онъ прощеніе и былъ вызванъ обратно. Наслѣдникъ никогда не отзывался объ Аракчеевѣ съ выгодной стороны, и человѣколюбивая, кроткая душа Монарха была слишкомъ противоположна природѣ Аракчеева, чтобы можно было опасаться когда-либо сближенія между ними; а между тѣмъ все-таки взяло верхъ соображеніе, что не слѣдуетъ оставлять безъ пользы такія замѣчательныя дарованія: ему была поручена артиллерія, находившаяся въ то время въ плачевномъ состояніи, и онъ ее совершенно преобразовалъ и по крайней мѣрѣ приравнялъ къ артиллеріи, существовавшей въ то время въ остальной Европѣ. Потомъ онъ былъ нѣсколько лѣтъ военнымъ министромъ, покинулъ это поприще (по собственному ли желанію или вопреки ему), занималъ затѣмъ разныя обыкновенныя должности, былъ впослѣдствіи членомъ Государственнаго Совѣта и Комитета Мини-

стровъ, но находясь постоянно въ числѣ ближайшихъ особъ, окружавшихъ Государя. Здѣсь удалось ему пріобрѣсти все бо̀льшее и бо̀льшее вліяніе на дѣла государственныя, и, наконецъ, въ его лицѣ, безъ особеннаго офиціальнаго званія или положенія, сосредоточилось все внутреннее управленіе Имперіи, съ непосредственнымъ подчиненіемъ ему собственной императорской канцеляріи. Всѣ представленія Государственнаго Совѣта и Комитета Министровъ восходили черезъ него на высочайшее усмотрѣніе, и черезъ него объявлялись всѣ высочайшія повелѣнія. Такимъ образомъ, за исключеніемъ вопросовъ внѣшней политики и отчасти военнаго управленія, состоялъ онъ какъ бы посредникомъ между Монархомъ и государствомъ и, въ силу особаго высочайшаго указа, всѣ объявляемыя имъ отъ имени Е. И. В. повелѣнія должны были приниматься за подлинное выраженіе монаршей воли. Послѣдовавшее затѣмъ созданіе военныхъ поселеній, хотя и не послужило къ умноженію его власти, но усилило милостивое къ нему расположеніе Государя, который питалъ къ этому вопросу сердечное участіе. Неожиданная кончина Императора Александра застигла его на этой высшей ступени почестей, доступной для подданнаго, и Императоръ Николай также продолжалъ оказывать ему благоволеніе и уваженіе, какъ ближайшему сотруднику покойнаго Монарха. Но тутъ самъ собою началъ возникать разладъ Новый Государь желалъ дѣйствительно быть самодержцемъ, что̀ и принадлежало ему вполнѣ въ силу божественнаго и человѣческаго права; а графъ, напротивъ того, считалъ бразды правленія своею принадлежностью. Этотъ разладъ очень легко разрѣшился. Государь приказалъ управляющему собственною его канцеляріею, статсъ-секретарю Муравьеву, перевести канцелярію изъ квартиры графа въ Зимній дворецъ и докладывать ему дѣла лично, а не черезъ графа. Государственный секретарь и управляющій дѣлами комитета министровъ были поставлены въ непосредственныя отношенія къ Его Императорскому Величеству, и такимъ образомъ графъ былъ устраненъ, при чемъ даже не было потрачено ни одного листа бумаги. Только военныя поселенія были ему оставлены, но его честолюбіе не могло этимъ удовлетвориться, и онъ просилъ отпуска за границу, при

чемъ обнаружились разныя проявленія, ясно свидѣтельствовавшія о его раздражительности и высокомъ о себѣ мнѣніи и оставленныя императорскою фамиліею безъ вниманія. За границею напечаталъ онъ на французскомъ языкѣ письма Императоровъ Павла и Александра и нѣкоторыхъ другихъ членовъ царской фамиліи, адресованныя на его имя, и такъ какъ онъ не испросилъ на это, какъ бы слѣдовало, высочайшаго соизволенія и эти письма въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ не могли быть напечатаны, то всѣ наши посольства получили повелѣніе препятствовать ихъ появленію въ свѣтъ и перекупить всѣ уже изданные экземпляры, такъ что, сколько мнѣ извѣстно, дѣйствительно изъ нихъ ничего не сохранилось въ обращеніи. Что̀ затѣмъ совершилось,—неизвѣстно: отказался ли онъ добровольно или вслѣдстіе полученнаго внушенія отъ офиціальнаго значенія, это составляетъ тайну между нимъ и Императоромъ Николаемъ и могло быть извѣстнымъ лишь весьма немногимъ; но достовѣрно одно, что онъ прямо отправился въ Грузино, что ему оставлено все его содержаніе и домъ въ Петербургѣ и, согласно его желанію, предоставлено въ его распоряженіе нѣсколько чиновниковъ. Здѣсь могъ бы онъ, при наступившей старости, благополучно и въ почетѣ довершить свое земное существованіе, пользуясь тѣми отличіями, которыя и теперь еще часто оказывались ему отъ царскихъ щедротъ и при такихъ доходахъ, которые несравненно превышали всѣ его потребности; но честолюбіе—такой червь, который никогда не умираетъ въ отчужденномъ отъ Бога смертномъ, и къ этому еще присоединилось болѣзненное опасеніе, при всемъ своемъ избыткѣ, умереть съ голоду. Словомъ, онъ влачилъ жалкое существованіе и умеръ непримиренный съ собою, безъ утѣшенія и отрады; ни единая слеза состраданія не омочила его смертнаго одра. Такъ какъ, въ силу сохранявшагося по повелѣнію Императора Александра въ Сенатѣ духовнаго завѣщанія его, титулъ графа Аракчеева долженъ былъ перейти къ его наслѣднику, а между тѣмъ этотъ наслѣдникъ имъ указанъ не былъ, и по смыслу самаго завѣщанія назначеніе наслѣдника предоставлялось въ подобномъ случаѣ на усмотрѣніе Государя, то Императоръ Николай, по вскрытіи духовнаго завѣщанія, предоставилъ его наслѣдство новгород-

скому кадетскому корпусу, который и понынѣ носитъ названіе «Новгородскаго графа Аракчеева кадетскаго корпуса» и пользуется всѣми доходами съ его весьма значительнаго имущества.

Коснувшись такимъ образомъ внѣшней стороны дѣятельности графа, насколько я самъ былъ тому свидѣтелемъ, и затѣмъ вкратцѣ и послѣдующаго ея развитія, я полагаю, что я обязанъ упомянуть и о внутренней жизни этого безспорно-замѣчательнаго человѣка, чтобы выяснить причину его необычайнаго государственнаго положенія.

Что Аракчеевъ былъ человѣкъ необыкновенныхъ природныхъ способностей и дарованій, едва ли можетъ быть подвержено сомнѣнію со стороны тѣхъ лицъ, кто его хоть нѣсколько зналъ и кто не увлекался безусловно своими предубѣжденіями. Быстро охватывая предметъ, онъ въ то же время не лишенъ былъ глубины мышленія, когда самъ того желалъ и когда она не вовлекала его въ противорѣчія съ предвзятыми его намѣреніями. Его образованіе ограничилось математикою и военными науками, въ которыхъ онъ обладалъ обширными познаніями; исторія и литература промелькнули мимо него, оставивъ, впрочемъ, за собою нѣкоторый слѣдъ; но исторія, какъ основаніе государственнаго развитія и вообще государственное право были ему вполнѣ неизвѣстны, и онъ даже почиталъ всѣ возникшія на этой почвѣ понятія и теоріи совершенною безсмыслицею и весьма искусно умѣлъ осаживать и осмѣивать людей, которые толковали объ этомъ заученными и отрывочными фразами. Его религіозныя понятія были, такъ сказать, церковныя, и онъ строго придерживался предписанныхъ въ этомъ отношеніи правилъ; но во внутреннюю его жизнь перешло изъ нихъ весьма немногое: недоставало смиренія, и, при полнѣйшемъ отсутствіи самосознанія, религія любви не могла утвердиться въ его сердцѣ и затѣмъ отразиться въ его внѣшней жизни. Ему казалось, что онъ стоялъ одинокимъ, что его высота была умственно-недосягаема, и съ этого воображаемаго величія взиралъ онъ на бѣдное человѣчество и пользовался его слабостями и страстями для достиженія своей цѣли и для усиленія своего безгранично-возраставшаго самолюбія. Поистинѣ, рѣдкая и строго-направляемая дѣятель-

ность, необыкновенная правильность въ распредѣленіи времени и воздержаніе отъ безмѣрнаго пользованія плотскими наслажденіями давали ему очевидную возможность совершать болѣе того, что̀ могло быть сдѣлано обыкновеннымъ путемъ, и служили въ его беззастѣнчивой рукѣ бичемъ для всѣхъ его подчиненныхъ. Но его нравственныя правила были нетверды; у него почти постоянно были незаконныя связи, и при этомъ онъ часто хвалился своимъ воздержаніемъ. Жена его лишь нѣсколько дней могла вынести сожительство съ нимъ, потому что онъ желалъ въ то же время удержать при себѣ свою любовницу; они разстались и съ тѣхъ поръ не хотѣли уже знать другъ друга [1]).

Его отношенія къ Императору Александру отличались ловкостью и тонкимъ расчетомъ, но ихъ нельзя было назвать честными. Подъ личиною строгой любви къ правдѣ и попеченія о государственномъ благосостояніи онъ часто весьма грубо и непочтительно возражалъ ему; но какъ только онъ замѣчалъ, что Государь не желаетъ отступаться отъ задуманнаго имъ намѣренія, то онъ тотчасъ убѣждался его доводами и покорялся его верховнымъ соображеніямъ. При этомъ, поддѣлываясь подъ чувствительное настроеніе Монарха, онъ часто предавался нѣжностямъ и выказывалъ, подчасъ какъ бы невольно, сентиментальную преданность къ Государю, въ видѣ неудержимаго порыва, чѣмъ успѣвалъ дѣйствительно внушить довѣрчивому Монарху дружеское къ себѣ расположеніе, которое иначе могло бы казаться непонятнымъ. За рѣшительнымъ отклоненіемъ всякой награды и всякаго офиціальнаго повышенія скрывалось, подъ видомъ смиренія, неограниченное высокомѣріе человѣка, который и безъ того почитался безспорно первымъ лицомъ въ государствѣ послѣ Его Императорскаго Величества.

Его обращеніе съ товарищами по службѣ было повелительное и весьма часто безсовѣстное и грубое. Обнаруживалось иногда и милостивое снисхожденіе; но я думаю, что едва ли кого-либо считалъ онъ своимъ сотоварищемъ. По

---

[1]) Другіе разсказываютъ, что причиною разъѣзда была замѣченная Аракчеевымъ въ супругѣ своей наклонность къ взяткамъ. (См. Жизнь графа Муравьева, соч. Кропотова). *П. Б.*

общей служебной іерархіи, онъ, какъ генералъ отъ артиллеріи и членъ Государственнаго Совѣта, не составлялъ еще особенно-выдающейся личности; но его неофиціальное положеніе возвышало его надъ всѣми и придавало ему совершенно-исключительное значеніе. Вслѣдствіе этого предсѣдатель Государственнаго Совѣта князь Лопухинъ (собственно говоря, непосредственный его начальникъ) и дѣйств. тайный совѣтникъ Куракинъ, предсѣдательствовавшій часто во многихъ комитетахъ, гдѣ графъ состоялъ простымъ членомъ, относились къ нему какъ покорнѣйшіе его слуги, принимали съ глубочайшимъ уваженіемъ всѣ его приказанія, подчинялись всякимъ съ его стороны дерзостямъ, ухаживали за его любовницею и съ величайшею поспѣшностью кидались къ графу, когда ему недоставало партнера за карточнымъ столомъ. Чего домогались эти двѣ личности, которыя принадлежали къ знатнѣйшимъ фамиліямъ, обладали большимъ состояніемъ и уже пользовались всѣми возможными государственными отличіями, довольно трудно понять. Это можетъ объясниться лишь безгранично и безцѣльно-возбужденнымъ честолюбіемъ. Весьма немногіе не слѣдовали этому примѣру или сохранили по крайней мѣрѣ нѣкоторое собственное достоинство, но большинство высшихъ сановниковъ въ столицѣ поклонялись той высокой власти, которую онъ держалъ въ своихъ рукахъ. При этомъ онъ умѣлъ быть весьма любезнымъ въ своемъ снисхожденіи, въ особенности въ Грузинѣ, гдѣ онъ желалъ разыгрывать роль простого дворянина, хотя и тутъ весьма часто проявлялись его тигровыя когти. На станціи Чудовѣ, верстахъ въ 20-ти отъ Грузина, былъ выставленъ флагъ, который, подымаясь или опускаясь, возвѣщалъ, принимаетъ ли графъ въ своемъ Грузинѣ, такъ что высшіе сановники не рѣдко вынуждены были изъ Чудова возвращаться въ Петербургъ, не достигнувъ своей цѣли. Его требованія по отношенію къ подчиненнымъ были неограниченны и безмѣрны: всѣ семейныя связи слѣдовало приносить въ жертву службѣ, т.-е. ему. Здоровье оставлялось безъ вниманія до самаго крайняго изнуренія. Смертельная болѣзнь жены или ребенка не могла прервать служебныхъ обязанностей ни на минуту; однажды онъ спросилъ одного штабъ-офицера, который со слезами на гла-

захъ объяснялъ незначительное промедленіе по службѣ смертью своей жены: «А что мнѣ за дѣло до смерти твоей жены?» Другой, по причинѣ страданія въ легкихъ и совершеннаго физическаго разслабленія, не могъ подняться на лѣстницу къ мѣсту своего служенія; онъ велѣлъ ему сказать, что если онъ тотчасъ не явится, то онъ заключитъ его въ казематъ, и тотъ, разумѣется, немедленно взобрался наверхъ и, на сдѣланный ему мною упрекъ, возразилъ, что его здоровье въ сущности еще болѣе могло бы пострадать въ казематѣ. Послѣ четырехмѣсячной нервной горячки, отъ коей я былъ спасенъ однимъ лишь божественнымъ чудомъ, графъ навѣстилъ меня въ то время, когда два рослыхъ солдата водили меня по комнатѣ, и я собственно не могъ еще вполнѣ владѣть ногами. Онъ сказалъ, что «я скучаю» и прислалъ мнѣ на другой день работу, которою и за тѣмъ продолжалъ постоянно снабжать меня, такъ что я впослѣдствіи поплатился за это въ теченіе многихъ лѣтъ сильнѣйшими нервными страданіями. Съ этою неумолимою безчувственностью ко благу и вреду своихъ подчиненныхъ соединялъ онъ въ себѣ самое низкое лукавство. Такъ, напримѣръ, держался онъ того правила, что слѣдуетъ каждому обѣщать на столько, чтобы побудить его къ самой сильной дѣятельности; но не слѣдуетъ спѣшить выполненіемъ этого обѣщанія, чтобы рвеніе не охладилось, и привлекательная цѣль всегда оставалась бы передъ глазами.

И, однако, этотъ человѣкъ, для котораго чувство не имѣло никакой цѣны, предался самымъ дикимъ выходкамъ, когда умертвили женщину, которая нѣкогда была его любовницею и затѣмъ не переставала удерживать за собою его привязанность. Онъ вполнѣ отказался отъ служебныхъ обязанностей, удалился въ Грузино, отпустилъ себѣ бороду, носилъ на шеѣ платокъ, омоченный ея кровью, сталъ дикъ и злобенъ и подвергалъ ужаснѣйшимъ истязаніямъ множество людей, которые на дѣлѣ или только помыслами участвовали въ убійствѣ или могли, хотя косвенно, знать о томъ. Но и его постигли кары небесныя еще при жизни. Кромѣ того, что въ самомъ непомѣрномъ его самодовольствѣ уже заключался зародышъ того червя, который видимо подтачивалъ его сердце и еще усиливалъ муки уяз-

вленнаго честолюбія, по волѣ Всевышняго еще былъ у него живой бичъ, причинившій ему не мало раздраженія, въ особенности во время его заграничнаго путешествія. Онъ считалъ себя отцомъ одного незаконнорожденнаго сына, котораго воспиталъ въ Пажескомъ корпусѣ и затѣмъ возвелъ въ гвардейскіе офицеры и флигель-адъютанты Императора Александра [1]; этотъ молодой человѣкъ былъ одаренъ (насколько я его знавалъ) отличными способностями, привлекательною наружностью и большимъ природнымъ добродушіемъ. Хотя, говорятъ, впослѣдствіи обнаружилось, что онъ не былъ сынъ Аркачеева, но графъ все же сохранилъ къ нему свою прежнюю привязанность. Этотъ юноша съ раннихъ лѣтъ предавался разнымъ увлеченіямъ, въ особенности пьянству; бывали минуты отрезвленія, но продолжались не долго. Во время несчастной катастрофы убійства графской любовницы и слѣдовавшихъ затѣмъ жестокостей, которыя его сильно возмутили, онъ обратился къ графу съ настоятельными увѣщаніями въ пользу обреченныхъ жертвъ и, не достигнувъ своей цѣли, предался безусловно пьянству и довелъ эту страсть до крайнихъ предѣловъ къ тому времени, когда ему пришлось сопровождать графа въ его путешествіи по Германіи и Франціи.

Въ припадкахъ опьянѣнія, когда графъ пытался удержать его отъ дальнѣйшихъ кутежей, онъ, говорятъ, съ поразительною наглядностью выставлялъ ему зеркало его собственной жизни, и съ такимъ жаромъ, что передававшій мнѣ о томъ мой сослуживецъ докторъ Миллеръ, который бывалъ иногда третьимъ лицомъ при этихъ часто повторявшихся сценахъ, приходилъ отъ нихъ въ трепетъ. Въ теченіе многихъ мѣсяцевъ графъ выносилъ эти тяжелыя минуты, но потомъ пробужденная совѣсть вѣроятно слишкомъ сильно заговорила, и онъ разстался навсегда со своимъ обличителемъ. Шумскій (такъ звали молодого человѣка) прошелъ всѣ ступени погибели, погрязъ впослѣдствіи въ самой тем-

[1]) Аракчеевъ, очевидно, готовилъ своему Шумскому блестящую будущность. Басаргинъ передаетъ, что въ 1823 году, во время Тульчинскаго смотра, дошло уже до того, что Шумскій читалъ Государю доклады по дѣламъ (см. Девятнадцатый Вѣкъ, кн. 1-я, стр. 85). *П. Б.*

ной средѣ и умеръ преждевременно отъ послѣдствій своего разврата. Тотъ же Миллеръ, мой почтенный другъ, пользовавшій графа въ продолженіе десятковъ лѣтъ, находился также при его смерти, когда онъ, цѣпляясь за жизнь съ безграничною тоскою, не хотѣлъ думать о послѣднемъ часѣ и отталкивалъ отъ себя всякое о немъ напоминаніе; а равно и не рѣшался, подъ вліяніемъ овладѣвшаго имъ ужаса, дополнить свое завѣщаніе, хотя и намѣревался это сдѣлать въ здоровомъ состояніи [1]).

Если я нѣсколько подробно изложилъ этотъ характеристическій очеркъ, то поводомъ къ тому послужило мнѣ убѣжденіе, что я изучилъ характеръ этого человѣка, игравшаго столь значительную роль въ исторіи Россіи, несравненно ближе и имѣлъ гораздо болѣе къ тому случаевъ, чѣмъ большинство его окружавшихъ, и что другимъ могло недоставать безпристрастія, которому я, по крайней мѣрѣ сознательно, никогда не измѣнялъ; при чемъ я не могу сообщить никакихъ анекдотовъ изъ «chronique scandaleuse» графа и не хочу передавать того, что не могло бы служить къ разъясненію его характера. Остается еще сказать нѣсколько словъ о его политическомъ и церковномъ положеніи. Въ политикѣ, во времена конституціонныхъ тенденцій Императора Александра, онъ держался совершенно противоположныхъ воззрѣній и высказывалъ ихъ вполнѣ откровенно; однажды онъ сказалъ нѣкоторымъ изъ насъ: «вы всѣ карбонаріи!» Въ церковномъ отношеніи онъ стоялъ на почвѣ неподвижнаго православія; дѣятельность библейскаго общества, вызовъ духовенства другихъ исповѣданій, вліяніе г-жи Крюднеръ и другихъ мистиковъ внушили ему отвращеніе, такъ что онъ прервалъ всякія сношенія съ княземъ Александромъ Николаевичемъ Голицынымъ и другими его единомышленниками.

---

[1]) Государь прислалъ въ Грузино лейбъ-медика Вилліе, чтобы оказать медицинское пособіе Аракчееву. Вилліе предписалъ ему, кромѣ лекарствъ, полное спокойствіе, но однажды утромъ засталъ своего паціента съ желѣзнымъ аршиномъ въ рукѣ; въ комнатѣ находился мальчикъ-садовникъ, съ окровавленнымъ носомъ. Оказалось, что умиравшій Аракчеевъ наказывалъ провинившагося мальчика, производя ему равномѣрные удары аршиномъ по носу. (Слышано отъ В. А. Кокорева, а имъ отъ самого бывшаго садовника). *П. Б.*

Онъ былъ руководителемъ той оппозиціи, къ которой принадлежалъ знаменитый архимандридъ Фотій, графиня Орлова и многіе знатнѣйшіе сановники Имперіи. Въ обоихъ этихъ направленіяхъ онъ возымѣлъ перевѣсъ: Государь возложилъ на него, какъ на представителя самодержавнаго начала, бразды внутренняго управленія; а въ церковномъ вопросѣ князь Голицынъ былъ вынужденъ оставить министерство духовныхъ дѣлъ, передавъ его адмиралу Шишкову. Русское библейское общество было закрыто, и правовѣріе превозмогло, хотя, по милости Божіей, библейское настроеніе не вполнѣ погибло.

Если теперь спросить: были ли военныя поселенія плодомъ мудрости и человѣколюбія, сдѣлали они солдата счастливѣе и его семейныя отношенія разумнѣе, доставили они государству опору, ратующую за свой очагъ силу и сократили ли они огромныя затраты на содержаніе дѣйствующихъ армій;—то на всѣ эти вопросы приходится отвѣчать рѣшительнымъ «нѣтъ», въ особенности по отношенію къ сѣвернымъ поселеніямъ пѣхоты, состоявшимъ подъ непосредственнымъ наблюденіемъ графа. Уже самый выборъ мѣстности можетъ почитаться роковымъ. Въ Новгородской губерніи, въ округѣ 1-й гренадерской дивизіи,—почти сплошной лѣсъ и при томъ уже устарѣвшій, попорченный, съ обширными и глубокими болотами, весьма заруднительными для обработки; населеніе, — большею частью весьма мало занимавшееся земледѣліемъ, благодаря близости столицы и большой судоходной рѣкѣ Волхову; грунтъ—глина съ глинистою же подпочвою, при сыромъ и холодномъ климатѣ, требующемъ громадныхъ усилій при обработкѣ. Въ Могилевской губерніи была избрана обширная волость, и ея населеніе въ нѣсколько тысячъ человѣкъ было переселено въ Херсонскую губернію, но изъ нихъ лишь весьма немногіе достигли мѣста своего назначенія; остальные погибли съ отчаянія, съ тоски по родному жилью, отъ пьянства, отъ голода, по собственной винѣ причиненнаго, и отъ полнѣйшаго унынія, и сошли въ безвременную могилу во время самаго переселенія. Я забылъ настоящую цифру погибшихъ, но она была ужасна; говорятъ, что это извѣстіе повергло Императора Александра въ величайшее горе. На ихъ мѣсто посту-

пилъ баталіонъ солдатъ, отвыкшихъ отъ земледѣлія, вполнѣ незнакомыхъ съ мѣстностью, недовольныхъ своимъ новымъ назначеніемъ, лишенныхъ опытныхъ руководителей; и потому они страшно бѣдствовали и долго не могли обезпечить себѣ даже самое жалкое существованіе. Всѣ эти поселенцы, впредь до ожидавшихся распоряженій, получали съ женами и дѣтьми опредѣленное для солдата количество хлѣба, и такимъ образомъ нельзя было въ скоромъ времени ожидать какого-либо сбереженія, а расходы еще увеличивались содержаніемъ солдатскихъ семействъ. Сооруженіе великолѣпныхъ зданій для полковыхъ штабовъ, для помѣщенія поселенныхъ солдатъ, и устройство шоссе обошлись въ каждомъ полковомъ округѣ слишкомъ въ три милліона ассигнаціями; подготовка пашни, заготовленіе земледѣльческихъ орудій, скота, запасовъ сѣмянъ и другихъ необходимыхъ потребностей стоили около милліона, такъ что на каждый полкъ была сдѣлана затрата въ четыре милліона, съ которыхъ приходилось выручать проценты. Въ самой основѣ учрежденія не заключалось залоговъ успѣха. Деревни состояли каждая изъ одной роты, т.-е. 228 человѣкъ, а въ Могилевской губерніи изъ 57 домохозяевъ, представлявшихъ собою отдѣльное капральство, что на Сѣверѣ, гдѣ безъ удобренія ничего не произрастаетъ, составляло громадный трудъ при одномъ лишь удабриваніи полей, такъ какъ луга и пастьбы находились за полями, и скотъ приходилъ на пастьбу совершенно изнуреннымъ. Накупили дорогого, заграничнаго скота, а луга еще не были подготовлены, и скотина падала отъ голода и отъ злокачественности болотныхъ травъ. Внѣшній порядокъ былъ тягостенъ, такъ что соблюденіе его отвлекало поселянъ и ихъ женъ отъ работы. Все это и еще множество другихъ затрудненій, проистекавшихъ отъ неумѣнія и деспотическаго произвола, при полнѣйшемъ невѣжествѣ, возбудило среди солдатъ неудовольствіе и отчаяніе, еще усугубленныя безцѣльною жестокостью обращенія, такъ что это учрежденіе въ общей его сложности представляло по своему внѣшнему, поверхностному виду нѣчто весьма блестящее, но внутри его преобладали уныніе и бѣдствіе. Когда Императоръ Николай отправлялся на коронованіе въ Москву и пожелалъ посѣтить поселенія 1-й гренадерской дивизіи, то

всѣ эти обстоятельства впервые подверглись открытому обсужденію. Графъ былъ въ то время за границею, а Клейнмихель не находилъ нужнымъ что-либо скрывать. Размѣры зла слишкомъ ярко кидались въ глаза, чтобы не замѣтить ихъ, если только желали. Но какъ горю пособить? Трудно отмѣнить предпріятіе, совершенное въ такихъ громадныхъ размѣрахъ и съ такими страшными затратами, въ особенности когда къ нему причастна такая масса людей; кромѣ того, Клейнмихель не былъ въ состояніи изобразить Государю истинное положеніе вещей, ему самому лишь поверхностно извѣстное. Было предложено множество преобразованій, и стоило многаго труда и времени, чтобы доказать, что они нецѣлесообразны; наконецъ, уже гораздо позднѣе, прекрасныя новыя зданія гвардейской кавалеріи были обращены въ казармы, для которыхъ они оказались весьма пригодными, а колонисты вернулись къ хлѣбопашеству по деревнямъ, особо съ этою цѣлью устроеннымъ, и, говорятъ, что они теперь вполнѣ довольны своимъ положеніемъ. О поселеніяхъ близъ Старой-Руссы я не говорю, хотя я также принималъ въ нихъ весьма дѣятельное участіе; но они въ государственномъ отношеніи не представляютъ ничего новаго. Вамъ достаточно будетъ и общей картины, мною изображенной, такъ какъ я не желаю вдаваться въ частности въ тѣхъ случаяхъ, когда онѣ не имѣли вліянія на общій ходъ дѣла. О южныхъ поселеніяхъ я буду говорить впослѣдствіи.

Но вы въ правѣ, дѣти мои, спросить меня, почему ты не выставлялъ Аракчееву на видъ вредной стороны военныхъ поселеній, коль скоро она тебѣ была такъ знакома? На это я дамъ вамъ откровенный и добросовѣстный отвѣтъ. Во-первыхъ, я не могъ обнять въ то время этотъ предметъ въ общемъ его видѣ такъ, какъ въ настоящую минуту, и былъ такъ поглощенъ возложенными на меня частностями, что не имѣлъ досуга предаваться соображеніямъ, не относившимся прямо къ моимъ обязанностямъ. Кромѣ того, мнѣ шелъ всего 21-й годъ, и мой взглядъ еще недостаточно созрѣлъ; а затѣмъ образовалась привычка, всегда замѣняющая ясность нашихъ сужденій. Во-вторыхъ, графъ очень хорошо сознавалъ истинное положеніе вещей, но не желалъ его видѣть; то была игрушка, подносимая имъ Государю въ видѣ важ-

наго дѣла, и при этомъ не приходилось останавливаться на томъ, что она стоила милліоны и дѣлала многія тысячи человѣкъ несчастными; и, наконецъ, въ-третьихъ, я положительно и весьма часто говорилъ графу правду, навлекая на себя нерѣдко его неудовольствіе, и мои такъ называемыя романическія мечтанія были имъ постоянно отклоняемы. Неоднократно представляемыя просьбы мои объ увольненіи были просто помѣчаемы «къ дѣлу», а въ тѣхъ порученіяхъ, которыя лично на меня возлагались, не заключалось ничего такого, отъ чего бы я по совѣсти былъ въ правѣ отказаться.

Послѣ удаленія графа на Клейнмихеля было возложено управленіе военными поселеніями по всей Имперіи; къ тому времени я достигъ чина подполковника и оставался въ прежнемъ званіи исправляющаго должность оберъ-квартирмейстера военныхъ поселеній. Занятія шли своимъ чередомъ: много шуму, много мученій, много бѣготни и суеты, а дѣйствительной пользы—никакой. Такъ какъ мое здоровье совершенно разстроилось, то я получилъ, наконецъ, послѣ долгихъ отказовъ, отпускъ на о. Эзель, а когда я вернулся оттуда съ укрѣпившимися силами, то узналъ по газетамъ о моемъ назначеніи оберъ-квартирмейстеромъ 3-го резервнаго кавалерійскаго корпуса въ Елисаветградѣ.

СОДЕРЖАНІЕ.

№ 10. Цѣна 1 р. 25 к.

Редакція: Москва, Долгоруковская, 85, 29. Тел. № 104-31.

Главная контора и складъ изданій: Москва, Лѣсная ул., д. Фишера, кв. № 3. Телефонъ № 245-30.

